

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 36 СЕНТЯБРЬ 1986

МАСТЕРА
ЖИВУТ В КУБАЧИ

ЭХО
ВОЙНЫ

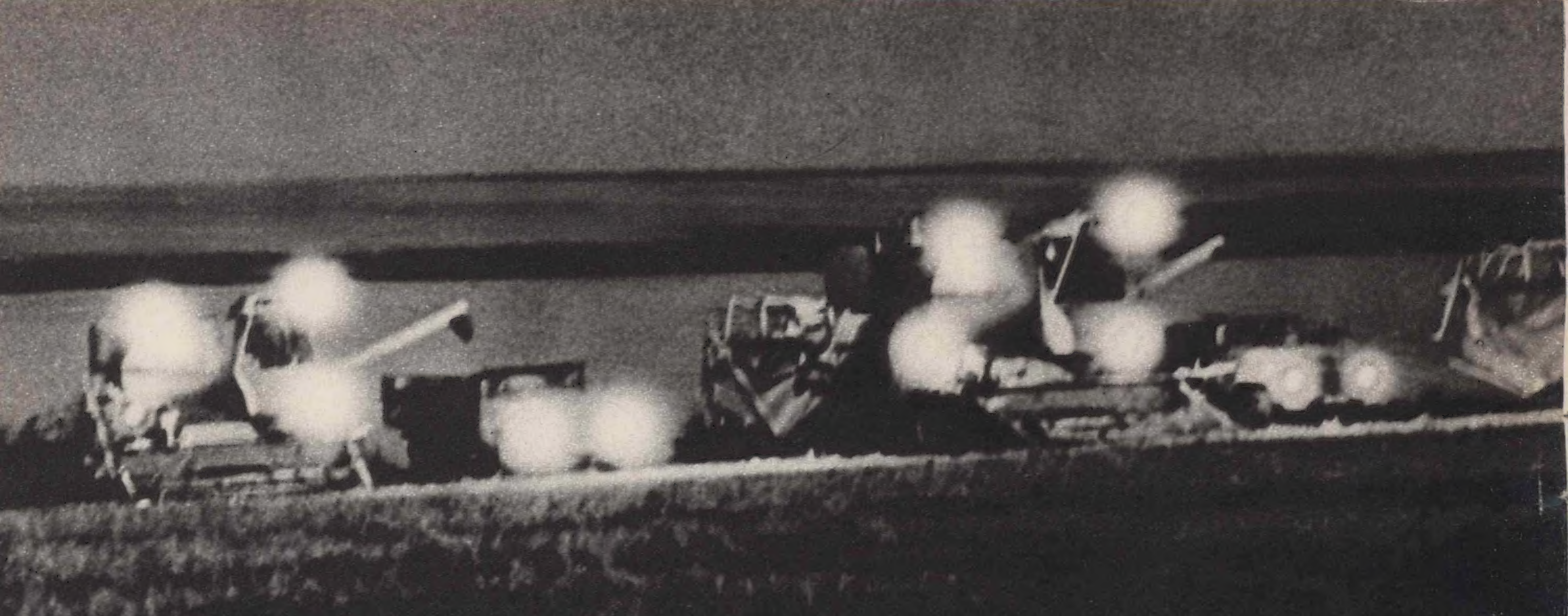
ПОЭТ
НИКОЛАЙ
ГУМИЛЕВ

АЛЕКСАНДР
КАЛЯГИН
НА СЦЕНЕ
И В ЖИЗНИ

НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИВОПИСЬ
БАКСТА, БЕНУА,
НАТАЛЬИ ГОНЧАРОВОЙ

жатва-86

Поломку устранили сами.

У хлебной страды первого года пятилетки — тысячи и тысячи своих героев, известных на всю страну мастеров и еще неименитых новичков. Нынешняя жатва первая в трудовой биографии трех молодых оренбургских комбайнеров, о которых рассказывается в репортаже.

ЭКЗАМЕ ПОЛ

Ночная жатва.

Н Е М

Возвращение.

Пока сохнут валки.

Д. ДИМОВ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

См. стр. 2.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 36 (3085)

6—13 СЕНТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1986

Главный
редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. БЕЛЕЦКАЯ,
И. В. ДОЛГОПОЛОВ
(главный художник),
Д. К. ИВАНОВ
(ответственный
секретарь),
Н. А. ИВАНОВА,
Б. А. ЛЕОНОВ
(первый заместитель
главного редактора),
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель
главного редактора),
Ю. С. НОВИКОВ,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
Ю. П. ПОПОВ.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 18.08.86. Подписано к печати 02.09.86. А 00721. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7.0. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 16.80. Тираж 1 525 000 экз. Изд. № 2420. Заказ № 3393.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

событие недели

Первый сентябрьский звонок прозвенел. И первый урок — Урок Мира — начался.

Во всех школах страны — и в первом, и во втором... и в десятом — шел разговор о судьбе планеты. Звучали голоса взрослых и детей: «Нам не нужна война!»

И в первом, и в десятом к важным мирным инициативам Страны Советов, к Заявлению Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева присоединяются документы неотразимой искренности и доброты: миллионы рисунков, ребячьих сочинений, стихов. И в каждом рисунке — Солнце, и в каждой странице — Мама, и в каждой душе — Мир!

На снимке: в московской школе № 526 свой первый Урок Мира ведет выпускница педучилища Татьяна Григорьевна Сахарова.

Фото И. Гаврилова

ЭКЗАМЕН ПОЛЕМ

См. 2-ю обложку.

...По дороге на полевой стан «Колхида» прочно засела в размытой дождем колее. Они выскочили из кабины и, чавкая сапогами по осклизлой земле, перебрались в нашу машину. Их было трое: Толик Бреднев, или, как они называли его промеж собой, Толян, Пашка Кочетков и Генка Торшилов. Все трое служили в Афганистане, все трое были военными шоферами.

Ни Толик, ни Пашка, ни Генка точно даже не знают, сколько километров намотали они на своих машинах по дорогам Афганистана, потому как каждую версту, каждую сотню метров отмеряли не по показаниям счетчика километража, а чувствовали их собственной спиной, собственными глазами, беспрестанно шарящими по горам и глинобитным дувалам. Так и катили — от поста к посту, от перестрелки к перестрелке.

Толик-Толян демобилизовался прошлой осенью. До армии он

окончил ПТУ, выучился на сварщика и стал работать по специальности в своем родном колхозе «Родина». Пашка с Генкой погодики. Они и учились вместе, и служить пошли на пару. Демобилизовались нынешней весной, вернулись шоферить все в тот же колхоз «Родина».

Незадолго до уборки в колхоз приехали работники райкома комсомола. Они предложили бывшим «афганцам» пересестись на комбайны, организовать комсомольско-молодежное звено «Интернационалист». Потом все трое скажут мне, что не очень-то и хотели идти в комбайнеры, но посидели, подумали и решили — надо так надо. Словом, однажды поутру новоявленное звено «Интернационалист» на пахнувших заводской смазкой «Нивах» выехало к своему первому полю...

Мне кажется, задумка Первомайского райкома комсомола, решившего объединить в одно звено бывших военных шоферов, очень верна. В самом деле, ведь и Толик-Толян, и Генка, и Пашка соединены тем великим братством, которого человеку, в боях не участвовавшему, не понять, не уразуметь; у братства этого свои законы, свои принципы, свои понятия о долге, добре и зле. Такое братство — великая движущая сила, потому как, хочешь того или

нет, заставляет работать так же самоотверженно, как нес службу в ДРА.

С первых дней жатвы звено «Интернационалист» вызвалось соревноваться с другим уборочным звеном, которое селяне зовут ковалевским. В том звене все Ковалевы: пять родных братьев и один родной дядька — отсюда и название. Но дело даже не в этом, а в том, что у ковалевского звена и комбайнов, и людей, и сил в два раза больше, чем у «Интернационалистов». Значит, чтобы обогнать соперников, Толику, Пашке и Генке надобно себя превозмочь и, как это говорится, пахать за двоих — по крайней мере так, чтобы в первую свою страду не уступить соперникам.

Хватит ли сил? Достанет ли умения и воли в этой отнюдь не простой битве за хлеб наш насущный?

В тот день с самого утра шел дождь, а потому часа три просидели мы в правлении колхоза, в узеньком кабинетике секретаря парткома А. Я. Мазаева. Сидели, однако, не без пользы: говорили о видах на урожай, о транспорте, о дорогах — в общем, о тех малых и больших проблемах, что волнуют сельских жителей в страду. Тут же сидели и «интернационалисты»: спорили с секретарем парткома, требовали машин, запчастей. И в этих словах, в разго-

ворах этих слышались мне не просто слова, но кровный интерес — молодые комбайнеры болели за хлеб и прочие колхозные дела.

В этом неравнодушии заключено многое, в нем, собственно, и состоит гарантия предстоящих их успехов на мирной ниве.

В последнее время Толю, Генку и Пашку осаждают репортеры, велют улыбаться, говорить правильные и не всегда уместные слова о достижениях и перевыполнениях.

— Ничего мы пока такого не сделали, — сказал мне Павел Кочетков, — а нас уже вон как расписали.

Верно говорит Павел — сделали пока мало, понимает, что победа — это не пустая болтовня вокруг твоего имени, а реальные дела и поступки. Их и вершат.

...Дождь закончился только после полудня, и пока подсыхали на солнце волглые валки пшеницы, мы успели натаскать в поросшей камышом старице полный садок карасей, а Толик-Толян тем временем отвез жену в районную больницу — подходило ей время рожать.

К ночи ребята влезли на свои «Нивы», включили фары и двинулись к дальнему полю.

До рассвета было еще далеко.

с. Советское,
Первомайский район,
Оренбургская область.

«Только выстраданное и пережитое может быть настоящим искусством».

Эти слова сказал Евсей Моисеенко, художник, в судьбе которого на самом пороге становления было начертано: Великая Отечественная война, фронт, фашистский концлагерь. Такое не забывается никогда.

Поэтому романтика, героика борьбы присущи всему яркому, талантливому искусству народного художника СССР, лауреата Ленинской премии, академика живописи Моисеенко. Он еще в молодости узнал истинную цену жизни, войны и мира.

Первая его крупная картина «Красные пришли», созданная в 1961 году, ворвалась в привычный мир батальной живописи. Холст поражае своей чистотой, стремительностью, свежестью.

С тех пор прошло четверть века. Вечно недовольный собою, ищущий, работающий с неослабевающим накалом мастер создал за эти годы широчайшую, неповторимую панораму жизни своей страны. Человеческая тема, быт советских людей, их напряженный труд, стремление к миру — все это наполняет его картины.

Самое главное в творчестве живописца — высокая гражданственность его мира. К искусству Моисеенко в высшей степени применима горьковская цитата, будто служащая эпиграфом ко всей художнической деятельности Мастера: «Эстетика сегодня — это этика завтра».

Да, все созданное Евсеем Моисеенко будет обращено в Завтра. Взывает к лучшим свойствам человека — доброте, правде, миролюбию. Он боец за свет. Враг мрака и жестокости. Его картины — гимн жизни.

Мы от всей души поздравляем Евсея Евсеевича Моисеенко со славным семидесятилетием и заслуженной высокой правительственной наградой — званием Героя Социалистического Труда.

РОМАНТИК И БОЕЦ

На стадионном табло портрет Юрия Седых. Он установил мировой рекорд в метании молота — 86 метров 74 сантиметра.

Счастливым финиш

Фото
специального
корреспондента «Огонька»
Анатолия БОЧИННА

Первенство Европы по легкой атлетике, состоявшееся на
«Неккар-штадтоне» в Штутгарте, закончилось победой
команды СССР. Но успех пришел не сразу.

См. стр. 28.

Марина Степанова
(первая слева)
преодолела
400 метров
с барьерами
за
53,32 секунды.
Это новый
мировой рекорд!

Роберт Эммян.
Прыжок в длину
на 8 метров
41 сантиметр
принес ему
победу.

Ольга Бондаренко
финишировала
в беге
на 3000 метров
первой.

Весь
пьедестал почета
заняли советские
дискоболы
Р. Убартас,
Г. Колноотченко
и В. Киданас.

Эта женщина спасала завод. Ее спасал весь город: 552 человека в те дни сдали свою кровь. Рассказ об этом, бесспорно, интересен, но возникли другие вопросы. Когда начинается и чем заканчивается подвиг? Когда начинается и когда исчерпывается забота о человеке? Что есть равнодушие? В очерке мы прикасаемся и к этим темам...

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент
«Огонька»

В ту февральскую ночь Вера Степановна Некрасова, пренебрегая опасностью, жертвуя собой, предотвратила беду, грозившую всему заводу. Место свершения подвига — кислородно-наполнительная станция. Ее белое, как свежий снег, здание еще издали бросается в глаза среди потемневших корпусов Бугульминского механического завода. Два этажа. Первый — углубленный. Тут машинное отделение, в котором из обычного воздуха получается кислород. На втором этаже — наполнительная, где баллоны наполняют кислородом. С улицы в это помещение ведут несколько ступеней и неширокая, эстакадой вдоль корпуса, площадка. Сюда грузовики подвозят голубые баллоны.

Станция — единственная в городе, обслуживает этот крупный центр по добыче нефти и обширный сельскохозяйственный район с различными строительными организациями. Нередко приезжают сюда за кислородом и соседи из Оренбургской и Ульяновской областей. Само собой разумеется, что главный потребитель кислорода — сам БМЗ, производящий оборудование для нефтеперерабатывающей промышленности. Цеха получают его по трубам, идущим от станции, конкретно — от наполнительной.

В ту февральскую ночь на вахте были четверо. Четыре женщины. Смена началась обычно, и ничто, казалось, не предвещало несчастья. В половине второго спустились вниз, в бытовку. Разогревали на электроплитке чайник. Наполнитель баллонов Вера Некрасова раскладывала уже пирог, печь который она великая мастерица. Машинист воздухоразделительной установки Надежда Феклина разливала по чашкам молоко. Аппаратчик Нина Астафьева, которая замещала Марию Самойлову, нарезала колбасу. Стажер Наташа Астапова, ученица Некрасовой, мыла яблоки. За ужином говорили о том о сем. Завтра же воскресенье, выходной. Вера собиралась идти с Олей, дочкой своей, в баню, любит она попариться. Наташа хотела посмотреть новый фильм. У Феклиной другие заботы — трое ребятишек, только успевай поворачиваться.

Возвращаясь к себе, Вера Степановна помедлила у окна. Пурга улеглась, и она этому обрадовалась — не придется дома откапываться, как вчера. Луны не было, и снег синел плотно, неудобно. От него веяло холодом.

Работалось в ту ночь спокойно. У Наташи уже кончался срок стажировки, и она хорошо знала свои обязанности. Вот и сейчас, заполнив две партии баллонов, подготовили третью. Четыре баллона подсоединила к коллектору Некрасова сама, три — ученица. Наташа присела к столу, стала записывать в журнал сделанное. Некрасова подошла к рампе, к запирающему клапану коллектора, что посреди зала, и подняла его вверх, открыв тем самым доступ кислорода в коллекторы. Однако один из подключенных баллонов подозрительно шипел и оставался, это она почувствовала, прикоснувшись к нему рукой, непривычно холодным — первый признак того, что кислород не поступает.

Это насторожило Некрасову. Она проверила вентиль на коллекторе — все было в порядке. Значит, причина кроется в вентиле

самого баллона. Взяв ключ, она стала осторожно его приоткрывать. Все ее действия, как показали потом эксперты, были совершенно правильными.

Однако в то же самое мгновение раздался, как говорят профессионалы, хлопок. Можно себе представить, какой он был силы, если его услышали сквозь толстые перекрытия, стены и гул машин Афанасьева и Феклина, находившиеся на первом этаже. В своей объяснительной записке Афанасьева так и назвала его — ужасным. Подумала, не случилось ли чего на второй ее установке, проверила, но там все было нормально. Часы показывали 2 часа 20 минут.

А для Веры Некрасовой с этого момента — хлопка — счет времени пошел не на минуты — на секунды. Струя искр, вырвавшаяся из-под гайки сальника, мгновенно «облизнула» человека. Вспышка. Некрасова стояла лицом к огню. Одна против огня. Загорелись халат и платочек. Но Некрасова, вырвавшись ее словами, сейчас мне сказанными, «не смотрела на себя». Она не растерялась. В ее голове билась одна только мысль, и она жгла ее горячее огня: «Надо перекрыть кислород! Перекрыть!»

«Перекрой кислород!» — кричала она стажеру сквозь искры, треск и шипение. Уже горел идущий от коллектора змеевик. Но та не слыхала. Как обезумевшая, кричала что-то свое, на выходе, стоя в дверях.

Тогда Некрасова сама, таким полыхающим факелом — на ней горело уже все, — двинулась к рампе и обожженными своими руками сбросила запирающий клапан вниз. Путь кислорода к коллектору теперь был прегражден. Посмотрела, щурясь и моргая обгоревшими веками, на манометр — давление стремительно падало. Вздохнула, но вместо облегчения вскрикнула от боли. Пошла, наконец, к двери, сбивая с себя огонь.

В зале уже было темно от едкого дыма и копоти. Где-то тут металась, разыскивая Некрасову, прибежавшая из машинного зала Феклина. Но они не видели друг

друга, и Феклина уже было подумала, что Веры нет, наверное, в живых, задохнулась, сгорела... А Вера тем временем, что-то вспомнив еще, вернулась. Снова шагнула в смердную крошечную черноту — снова подошла к тому треклятому баллону, к рампе, и уже не слушающимися ей, будто чужими, руками перекрыла вентиль на коллекторе. Только после этого, пошатываясь, вышла на эстакаду, обгоревшая, черная, почти нагая, в клочьях лохмотий. Такой и увидела ее тут прибежавшая из машинного зала Афанасьева. Еще заметила она, что у Веры какое-то странное ухо и нет на нем золотой сережки, которой она совсем недавно любовалась. Потом до ее сознания дошло, что она, по-видимому, расплавилась.

Часы показывали 2 часа 25 минут.

Некрасова, потоптавшись, как-то неуклюже, боком прыгнула с эстакады прямо в снег, легла плашмя и стала по снегу, теперь для нее такому желанному, кататься. Позже плачущие от сострадания, жалости и страха женщины повели теряющую сознание Веру Степановну в бытовку. Кое-как усадили. Спрашивали: «Что случилось, Вера?» Она непонимающе качала головой и повторяла: «Ничего не помню. Ой, плохо мне, Надя, ой худо». У Феклиной нашелся валидол. Больше они ничего сделать не могли. А по спящим улицам города уже мчалась «скорая»...

Наутро весь завод, днями позже и весь город узнали о трагедии — оповещало радио, — разыгравшейся на кислородной станции. И торопились, шли на городскую станцию переливания крови люди. Начиналась длительная, тяжелая борьба за жизнь человека. Первым отдал свою кровь мастер энергоцеха Николай Михайлович Иванов. Шли доноры и не доноры — слесарь транспортногo цеха Снегирев, общественный инспектор по охране труда Литвинов, технолог Чернова...

Старшая сестра центральной районной больницы подняла исто-

**5 минут и...
Все оставшиеся
годы**

Вера Степановна Некрасова.
Фото С. Брюхачева

рию болезни, называла мне фамилии: Лисифина, Храмова, Сергиенко, Ганеев, Братчиков, Зайнулин, Долотова, Косарева, Абдулин, Файзылов, Игнатов... Я не успевала записывать: тридцать, пятьдесят человек.

— Ей очень много надо было крови: ожог был тяжелый, почти смертельный случай. Площадью примерно сорок процентов. Термический ожог лица, головы, шеи, верхних конечностей, туловища третьей степени «Б», — поясняла доктор Н. А. Шварц, одна из тех, кто боролся за жизнь Некрасовой, пытался ее спасти. — В сутки переливали до восьми литров плазмы, крови и других кровезаменителей. А ведь ей не всякая кровь годилась — только первой группы с положительным резусом.

Но люди шли и шли. Не только свои, заводские. Рабочие и служащие управления северо-западными магистралями Бугнефтепровода, фарфорового завода, ремонтного завода... Официальная справка городской станции переливания крови такая: в те дни пришло 552 человека.

Я пыталась установить фамилию того, кто отдал свою кровь напрямую, перед самой отправкой Некрасовой в город Горький. Было это 19 марта, она все еще находилась в тяжелом состоянии. Высокая температура, отеки. Говорят, что, как ни трудно ей было, повернула голову, посмотрела на своего спасителя, прошептала: «Как же тебя зовут, сынок? Скажи имя свое»...

Мне не удалось его найти. Помогла, как и во многом другом при сборе материала, Марвара Гафуровна Китерова, начальник отдела охраны труда и техники безопасности БМЗ, и я к ней испытываю чувство глубокой благодарности. — Им оказался, — звонила она мне уже в редакцию, в Москву, — Марсель Валеев, шестьдесят первого года рождения.

Она же, М. Г. Китерова, представила для ознакомления пухлую папку «Расследования несчастного случая с тяжелым исходом, проис-

шедшего на производстве». Мне не терпелось докопаться до истины. Что же тогда, февральской ночью, произошло? Есть ли виновные?

Привожу дословную выписку из акта. Раздел «Причины несчастного случая. Технические причины нет. Организационные причины. 4.1. Наиболее вероятная — возгорание следов нефтепродуктов на (перечисляются детали. — Г. К.) вентиля баллона, проникших во время эксплуатации баллона у потребителя. 4.2. Непринятие администрацией кислородной станции мер дополнительно к «Правилам устройства и безопасной эксплуатации сосудов, работающих под давлением», направленных на ужесточение требований к потребителям».

Комиссия предложила наложить дисциплинарные взыскания на лиц, не принявших дополнительных мер к правилам (а не говорит ли это о том, что эти самые правила имеют крупные изъяны? — Г. К.). Татарский обком профсоюза рабочих тяжелой промышленности вынес решение оштрафовать четырех работников завода.

Но вернемся к ней самой, Некрасовой, к событиям более чем двухлетней давности. Итак, мы расстались с Верой Степановной в больнице. Первым человеком, ее там навестившим, был начальник энергоцеха Иван Александрович Неклюдов, один из тех четырех указанных и отмеченных штрафом лиц. К ложу пострадавшей его привела не только необходимость выяснить, что же случилось, — ни в субботу, ни в воскресенье его в городе не было. Он уважал и высоко ценил Некрасову как опытного работника, наставника, обучившего уже многих своей профессии.

Так уж случилось, что они, Некрасова и Неклюдов, поступили на БМЗ в один и тот же 1970 год и чуть ли не в один и тот же день. У него табельный номер был «2102», у нее — «2106». Его зачислили машинистом, ее — учеником на ту же самую кислородную станцию. Ему было двадцать лет, ей — тридцать два. У него было свидетельство об окончании

училища, у нее — семнадцать лет службы... земле, начиная с раннего военного, трудного детства. Отец ведь не вернулся с Отечественной, погиб. Замужество. Однокашник Юра увез в Сибирь, на целину. Там она стала одной из лучших доярок, мастерицей высоких надоев. В трудовой книжке в те годы одни лишь премии, благодарности, почетные грамоты. А потом Бугульма, немощные родители Юрия, нуждавшиеся в уходе.

В отделе кадров механического завода Некрасовой предложили идти в ученики наполнителя баллонов. Но предупредили: «Работа нелегкая, ответственная». Нет, она не ступевалась: «Трудностей и ответственности не боюсь».

Неклюдов учился в индустриальном техникуме. Мастер, старший мастер, начальник цеха. И сейчас, будучи заместителем главного инженера завода, учится на вечернем факультете института. И Некрасова недолго ходила в учениках, росла: второй разряд, третий... Так и шли их жизни рядом, не сталкиваясь и не пересекаясь, параллельно. Но начальник цеха знал, что на Веру можно всегда положиться, она обязательный и добросовестный человек. Ее в цехе уважали, она пользовалась авторитетом, к ней шли посоветоваться, поделиться личным. Когда узнал, что свалилось на нее такое горе, сам был не свой. Он спрашивал врачей: «Что нужно?» Ему говорили: «Кровь». Но его кровь не подходила. «Что еще?» «Лекарства». Он добывал самые дефицитные, каких и в городе не было. Стучался в Бугульму — про него говорят «барабанил, ломился» — во все двери. Звонил в Казань, Куйбышев, Ульяновск... Добывал, другие тоже, правда, старались, но он больше всех и приносил в больницу облепиховое масло и аэрозоли. Но лечение продвигалось очень

медленно и плохо. Требовалось специальное лечение.

Помогло телевидение своей передачей об успехах ожогового отделения Горьковского НИИ травматологии. Вышли с ним на прямую связь. Пригласили оттуда консультанта. Решили: надо перевозить. Но как? Обычным самолетом медслужбы нельзя, больная в очень тяжелом состоянии. Неклюдов идет к директору завода, тот договаривается с Аэрофлотом. Завод оплачивает специальный рейс самолета «ЯК-40». На его борту медсестра, Неклюдов, слесарь-сантехник кислородной станции Шкулепа, аппаратчица этой станции и подружка Веры Степановны (в ту ночь она была на похоронах) — Мария Самойлова. Она так и осталась в Горьком при ней на целый месяц. Дежурила у ее изголовья. Кормила с ложечки, подавала, переворачивала. А сама спала на стульях, которые ставила рядом с кроватью...

Завод изыскал возможность машинисту Самойловой оплачивать по средней. А потом Марию сменила Наталия, старшая дочь Некрасовой, приехавшая из Казани. Она работала там контролером на заводе, и ей тоже пошли навстречу. Потом снова Самойлова.

Мария Карповна не может без слез вспоминать о тех днях. Вот и сейчас, рассказывая, плачет. Мы сидим с нею и Надеждой Феклиной в бытовке, за тем самым голубым столом, за которым ужинала смена в ту февральскую ночь.

— Вот ее шкафчик, — показывает Феклина. — Мы к нему не прикасаемся, никому не отдаем. Мы ждем. Может быть, Вера еще вернется?

В ее словах надежда. Нельзя человека лишать надежды. Некрасову здесь любят, ее здесь ждут. А вдруг?

Что же думает по этому поводу

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ОДНОГО ЗАСЕДАНИЯ

1. — Итак, товарищи, член нашего коллектива Козлодралов систематически расхищал социалистическую собственность, вымогал взятки...

2. ...с подчиненными вел себя похамски и вдобавок злоупотреблял спиртными напитками.

3. Козлодралов заслуживает, безусловно, самого сурового наказания...

сама Вера Степановна? О том, как она себя чувствует, я не спрашивала, приехав к ней домой: это было бы бестактно после увиденного.

Вера Степановна сидит на диванчике, обращая к экрану телевизора, а правая нога, багровая, вздутая, с открытыми мокнущими ранами, покоится на стуле. С этой ноги брали кожу для пересадки на обожженные места. Нарушился кровообмен, и вот результат... Трофическая язва трудно, не сразу поддается лечению, оно может тянуться годами. Но Некрасова надеется. А вдруг?

— Очень хочется пожить здоровой. План у меня один — поправиться. Если б ногу залечили — пошла бы работать. Сразу! Тоскливо, плохо мне без дела. Я привыкла быть среди людей. Примут в больницу — лягу. Только бы лечили хорошо.

Вот о чем она мечтает: вернуться в строй! Хочется верить, что она поправится. Но это зависит не только от медицины, но и от многого другого, от условий, в которых она находится, короче говоря, от быта. А он такой, про который говорят, что и врагу не пожелаешь.

...Водитель горьковского автобуса очень долго искал дом со странным адресом «Битумная база, 2». Разве на базах живут, да еще на битумных? Оказывается, живут. И не дом это вовсе, а домиха-развалюха на окраине города со всеми видами и прелестями «удобств» лесного шалаша. Двери на уровне земли, по стенкам плесень от сырости. Вот тут и живут Некрасовы: Вера Степановна, Юрий Васильевич и Оля, ученица.

— И давно вы так обитаете?

— С 1974 года. Сначала, как приехали к старикам, жили на частной, у них негде было. Я рабо-

тал тогда, — рассказывает Некрасов, — в ремонтно-строительном управлении, там и предоставили этот барак, но сказали, что временно. Но временное стало постоянным. Барак наш давно списан за ветхостью, он никому не нужен, и заботы о нем никакой. Зимой замерзаем. Когда здоровы были, терпели, а теперь... Невмоготу. Жене врачи велели теплые ванночки для рук и ног делать, а колонка с водой во-он где...

Услышанному и увиденному трудно было верить, не ввязалось это с тем, что было уже известно.

— Разве вам не предлагали после того, что произошло, квартиру в благоустроенном доме вне очереди?

— Предлагали, — махнул Юрий Васильевич рукой и стал смотреть куда-то в другую сторону. — И говорить не хочется. Долгая история.

* * *

История действительно оказалась долгой. Не от них, Некрасовых, узнала ее: не хотелось беречь их раны. Завод, оказывался, ни разу так и не ставил перед горисполкомом вопрос о предоставлении им квартиры. Может быть, потому, что завод сам строил свой дом, к осени прошлого года он был готов. 29 октября в проходной уже был вывешен список первоочередников — претендентов на этот дом. Фамилия Некрасовой стояла в нем 41-й. Копию этого списка показывал мне директор завода. Значит, надежда есть — в доме же 80 квартир. Эту радостную весть принес домой Некрасов под праздники. Говорят, что на демонстрацию уже многие претенденты ходили с ордерами в кармане. Но Некрасовых никто нигде не приглашал, а сами они тоже не суетились, будучи людьми неназойливыми. Ждали.

Пригласили их много позже, но не для разговора о переселении в этот новенький, для всех такой желанный дом, да еще с горячей водой. Предложили им квартиру в старом доме, по улице Горького, небольшую, двухкомнатную, якобы потому, что дом тот обжитой и в нем будет теплее.

Некрасовы сначала согласились. Но потом, когда поехали и все как следует осмотрели, отказались, пришли к выводу, что эта квартира им совершенно не подходит. Причины весьма уважительные и веские. Во-первых, в доме нет горячей воды, столь необходимой Вере Степановне. Зажигать газ для подогрева бака с водой она пока не в состоянии: не работает еще правая рука. Та самая, которая пострадала от огня больше всего. Ею она закрывала рычаг, прикручивала вентили. Во-вторых, в той квартире, на улице Горького, две небольшие проходные комнаты, в одной никак вдвоем не разместиться и... чулан. А надо ведь попросторнее. Не в чулане же Вере Степановне жить! Ей отдельная спальня нужна. Дело в том, что спит она очень плохо, часто просыпается от боли до стога, тянут, коржат рубцы. «Ты, бабушка, не стонешь, ты воешь», — уточнил с детской непосредственностью внучек, когда Вера Степановна рассказывала мне о своих мучениях. Кто-нибудь встает, подогревает тогда ей воду для ванночки. Была бы горячая из-под крана — обошлась бы без помощи.

Кажется, все предельно ясно: поскорее бы, без проволочек уважить просьбу досрочного, не по своей воле пенсионера и инвалида труда. Но поезд, как мне говорили, к тому времени уже ушел... Списки утвердил горисполком, люди стали вселяться в новый дом. Думается, однако, что многие, если б знали о том, какая складывается неблагоприятная обстановка для семьи Некрасовых, поменялись бы с ними квартирами, — с таким же отзывчивым и щедрым сердцем, как тогда, когда шли отдавать Вере Степановне свою кровь. Но все совершалось без огласки, тихо...

Некрасова забинтовывала свою распухшую, в язвах ногу, закуты-валась — стояли уже холода — и, прихрамывая, сдерживая боль, ходила на приемы. К М. М. Уралеву, заместителю директора по кадрам, к самому директору М. И. Новикову, снова к Уралеву.

Ходил к заместителю директора и Неклюдов. Доказывал: «Больной

человек просит». Напоминал: «За нас, за наше производство пострадала. Не имеем права отказать, это несправедливо».

Не получился у них разговор. Не понял Неклюдова Уралев...

Спора нет: много, очень много сделали завод и товарищи по работе для спасения жизни Некрасовой. После горьковской клиники она еще два раза находилась на излечении в больницах Бугульмы. Поддерживали ее и морально. Руководство завода представило Веру Степановну к награде. И ей была вручена медаль «За отвагу на пожаре».

На торжественном собрании в День машиностроителя Вере Степановне преподнесли красивые золотые часы, и все находившиеся в зале городского театра, где проходил вечер, дружно поднялись и, стоя, долго хлопали ей, проявившей героическую самоотверженность и находчивость. Она ни с чем не посчиталась. Она стояла на своем посту не на живот, а на смерть, как солдат, прикрывающий амбразуру, как те героические пожарники в Чернобыле. Я спрашивала у М. И. Новикова, директора БМЗ: «Что случилось бы, если Некрасова не перекрыла бы тогда кислород в те считанные секунды и минуты? Авария на всей станции?» «Станции? — переспросил он. — Мог бы взлететь на воздух весь завод!»

Многое сделала Вера Степановна для того, чтобы остался на свете ее завод, чтобы спокойно жили люди вокруг; не щадя себя, выполнила долг. Рабочая солидарность, забота о человеке ярко проявились, когда заводчане сделали все для сохранения жизни и здоровья Некрасовой. Остановка за малым... За малым ли? Не бывает малых забот в таком великом деле, как борьба за жизнь и за человека, хозяина этой жизни.

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

4. НО...

5. ...принимая во внимание, что товарищ Козлодралов морально устойчив, а также что возглавляемый им отдел выполнил квартальный план досрочно...

6. ...предлагаю премировать товарища Козлодралова месячным окладом!

Бор. Е.-86.

изопублицистика

ДЕЛО ЖИЗНИ

ЛУЧШАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ РУССКОГО ТЕАТРАЛЬНО-ДЕКОРАЦИОННОГО ИСКУССТВА

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения,
лауреат Государственной премии СССР

В о Франции, Швеции, США и Англии еще в недавние годы существовали интереснейшие коллекции по различным видам искусства, интеллектуальной жизни и даже военной истории нашей страны дореволюционного периода. Здесь не место подробно характеризовать все эти собрания, но все же кратко скажу о некоторых из них.

На протяжении многих десятилетий во Франции создавались русские коллекции. Но судьба подавляющего большинства из них весьма прискорбна. Вот некоторые сведения по этому поводу.

Лучшее в послереволюционные годы в Париже собрание произведений русского изобразительного искусства принадлежало А. А. Попову, владельцу антикварного магазина на улице Фобур-Сент-Оноре, напротив дворца президента Франции. А. А. Попов был завзятым собирателем, а его коллекция была настолько богата, что ее описание сделал Александр Бенуа. В ней были представлены работы лучших наших художников XVIII—начала XX века. Там, в частности, находился исполненный Боровиковским в 1806 году портрет П. М. Бестужевой, матери четырех декабристов. У Попова не только никогда не угасала любовь к русской культуре и огромный интерес к нашей истории, но более того — это стало подлинной страстью, приведшей его к глубокому изучению отечественного изобразительного искусства. И так как Попов был настоящим самородком — за что бы ни брался он, как правило, овладевал предметом в совершенстве, — вскоре Александр Александрович, человек смолodu очень далекий от художественных интересов, стал одним из крупнейших в Париже антикваров — знатоков русского изобразительного искусства. Например, стоило ему взять в руки тарелку, о которой владелец утверждал, что это елизаветинский фарфор, хранящийся в его семье полтора столетия, как А. А. Попов, внимательно осмотрев ее, а затем возвращая владельцу, говорил с учтивой улыбкой: «Советую вам, милостивый государь, не стесняться, есть из этой тарелки суп и борщ, так как другой ценности она не имеет: это подделка, выполненная в Висбадене лет десять — двенадцать назад». И с изысканной вежливостью он объяснял хозяину злополучной тарелки, что после 1917 года, когда из России было вывезено много замечательных произведений искусства, старый русский фарфор стал высоко цениться иностранными коллекционерами, и его начали подделывать.

В 1939 году в одном из выходивших в Париже периодических изданий была напечатана заметка, в которой сообщалось: «Герцогиня Виндзорская вообще очень увлекается всем русским и в особенности антиквариатом. Недавно она рассказала английскому журналисту о том, что знает «очень странных русских людей». У них антикварный магазин на рю Фобур Оноре, как раз против дворца президента республики. Я часто бываю здесь. Но какие же это торговцы! Они — коллекционеры, и самые лучшие вещи уносят из магазина к себе в квартиру, а потом не хотят с ними расстаться».

Читатель узнал в этом портрете известного коллекционера Попова, фарфор, картины и мебель которого так содействовали успеху прошлогодней пушкинской выставки».

После смерти А. А. Попова владелицей коллекции и антикварного магазина стала его вдова Б. Е. Попова. Когда я впервые был в Париже, я упрямил ее передать в наши музеи некоторые работы русских ма-

стеров, и они поступили в Третьяковскую галерею и в Музей А. С. Пушкина на Кропоткинской.

В следующий приезд в Париж я вновь обратился к Б. Е. Поповой с такой же просьбой, и она сначала ответила согласием и даже отобрала некоторые картины, акварели и рисунки, но затем отказалась выполнить мою просьбу, сославшись на мнение управляющего магазином Андрея Баруша. Тогда же я выяснил, что это авантюрист, охотник за старухами, у которого была одна цель: прибрать к рукам Попову, овладеть всем ее достоянием. И скоро добился этого: заточив Б. Е. Попову в загородную больницу, где она вскоре умерла, он сумел всякими неправдами присвоить все то, что принадлежало Поповым. Но через два года умер и сам Баруш. Трудно себе представить, какое количество произведений русской живописи, альбомов с рисунками великолепных мастеров прошлого века, ценнейшего фарфора, интересных дневников покойного мужа, его переписки, какая библиотека сохранились у Б. Е. Поповой! Куда все это девалось?! А ведь А. А. Попов неоднократно говорил друзьям о своей мечте передать на родину то, что собирал свыше пятидесяти лет.

Печальна судьба и ряда других русских коллекций, в недавние годы находившихся в Париже.

35 лет прожил здесь художник-реставратор И. К. Крайтор, хорошо знавший Репина, Коровина, Шаляпина. Будучи превосходным знатоком русской и иностранной живописи, Крайтор собрал хорошую коллекцию картин, которую мечтал привезти на родину, в Москву, где жили его близкие. В декабре 1957 года он скоропостижно скончался в Париже. И так как Иван Кондратьевич жил один, коллекцию постигла обычная в таких случаях участь: многие первоклассные полотна исчезли.

В такой же трагической форме нечто подобное случилось с другим парижским собирателем, И. С. Гурвичем, неизменным посетителем тамошних аукционов. Он жил в одиночестве на пятом этаже старинного дома, где не было лифта, и, будучи уже в весьма солидном возрасте, с трудом поднимался по лестнице. На ней он внезапно скончался. И хотя квартира была вскоре опечатана, все же нотариус не знал, что имеется другой вход, по «черной» лестнице. Это дало возможность грабителям унести все наиболее ценное из коллекции Гурвича, которая создавалась десятилетиями. И я не был удивлен, побывав в тех краях вскоре после смерти И. С. Гурвича, что в букинистическом магазине Клода Герена продавалась книга Александра Бенуа с его надписью И. С. Гурвичу.

Двадцать лет назад в Париже мне довелось побывать в доме Ф. Ф. Юсупова, я любовался там несколькими примечательными работами русских живописцев. В их числе находились картина Венецианова «Крестьянская семья», портрет Ф. Ф. Юсупова-старшего кисти Валентина Серова. В следующем году Феликс Феликсович-младший умер. Вскоре скончалась и его жена. А их единственная дочь распродала все произведения изобразительного искусства, принадлежавшие ее родителям.

Незабываемое впечатление осталось у меня после посещения в Париже коллекционера старинного русского фарфора В. А. Верлина. Достаточно сказать, что в этом собрании было свыше 80 предметов елизаветинского фарфора, около 150 предметов русского фарфора дальнейших периодов, в том числе таких русских фарфоровых изделий, в которых нашла отражение Отечественная война 1812 года. Будучи превосходным знатоком старинного русского фарфора, он не пропускал ни одного аукциона в Париже и Лондоне, где такие изделия поступали в продажу, а за месяц-два каталоги продаваемого рассылались собирателям и антикварам. В коллекции Владимира Александровича было также свыше шестидесяти старинных русских миниатюр, некоторые из которых были исполнены лучшими отечественными художниками. Горестно, что судьба замечательной коллекции В. А. Верлина ничем не отличается от судеб многих других коллекций реликвий нашей культуры, обретающихся во Франции.

Известный парижский коллекционер С. А. Белиц долгие годы собирал творения передвижников, в первую очередь Репина и Сурикова. Кстати сказать, в Париже у различных коллекционеров я насчитал пят-

А. Н. Бенуа. 1870—1960. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА М. В. ДОБУЖИНСКОГО.

А. Н. Бенуа. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К БАЛЕТУ «ПЕТРУШКА». КОМНАТА ПЕТРУШКИ.

надцать этюдов Сурикова к его прославленным полотнам. А собрание Белица кануло в Лету — не существует даже аннотированного перечня того, что входило в его состав.

Таковы в самых кратких словах всего лишь немногие сведения о некоторых произведениях отечественного искусства, находившихся у «русских парижан».

Начиная с далеких дореволюционных времен из России интенсивно и бесконтрольно вывозились произведения старинного зарубежного изобразительного искусства, древние иконы и работы наших выдающихся художников XVIII—XIX столетий, уникальные рукописные фолианты с чудесными миниатюрами и редчайшие печатные издания, автографы прославленных русских писателей и книги с их дарственными надписями...

Многие культурные реликвии нашей страны стали вывозиться иностранцами за рубеж после Февральской революции. Вот, например, что писал в те месяцы с глубокой озабоченностью в одной своей статье А. М. Горький:

«Человек, недавно приехавший из-за границы, рассказывает: «В Стокгольме открыто до шестидесяти антикварных магазинов, торгующих картинами, фарфором, бронзой, серебром, коврами и вообще предметами искусства, вывезенными из России. В Христиании таких магазинов я насчитал двенадцать, их очень много в Гетеборге и других городах Швеции, Норвегии, Дании. В некоторых магазинах надписи: «Антикварные и художественные вещи из России», «Русские древности». В газетах часто встречаются объявления: «Предлагают ковры и другие вещи из русских императорских дворцов».

И вот передо мной доказательство того, что тревога А. М. Горького была отнюдь не напрасной: это превосходно изданный в 1956 году именно в Стокгольме каталог на шведском языке — том большого формата на роскошной бумаге. В нем с подробными комментариями воспроизводится — преимущественно в цвете — 200 шедевров древнерусской живописи XII—XVII веков, хранящихся в частных коллекциях и музеях Швеции и Норвегии.

Многое можно было бы рассказать о тех замечательных созданиях русской школы живописи, которые оказались в США. Но ограничусь лишь тремя сообщениями.

Мне известен каталог на английском языке, носящий название «Произведения искусства собрания Николаса де Базили в Институте Гувера», выпущенный в 1972 году в Стенфорде (Калифорния). В каталоге помечено 52 работы преимущественно русских мастеров кисти, в том числе три портрета, исполненных Рокотовым, пять — Левицким, восемь — Боровиковским, а также портреты, авторами которых являются Аргунов, Щукин, П. Ф. Соколов...

В той же Калифорнии, в музее Сан-Диего обретается одно из лучших созданий Карла Брюллова — портрет графини Ю. П. Самойловой с приемной дочерью Джованной Пачини и арапчонком.

Портрет писателя Всеволода Гаршина, исполненный в 1884 году И. Е. Репиным, академик И. Э. Грабарь считал одной из вершин всего творческого пути великого художника, его бесспорным шедевром, так как в этом своем творении Репин достиг глубочайшей, исчерпывающей характеристики. Портрет находился в дореволюционные годы в киевском собрании Б. И. Ханенко. А затем на протяжении долгих десятилетий местонахождение шедевра оставалось неизвестным. И лишь недавно удалось выяснить, что портрет Гаршина кисти Репина находится в нью-йоркском музее Метрополитен.

Весьма значительным было количество реликвий русской культуры, находившихся в Англии. Но приведу сведения всего лишь о двух коллекциях.

Видный одесский инженер М. В. Брайкевич, уезжая в 1920 году в Лондон, подарил университету родного города свою превосходную коллекцию картин, акварелей и рисунков, исполненных художниками творческого содружества «Мир искусства». Теперь эти произведения являются украшением Одесской картинной галереи. А живя в Англии, Брайкевич за два десятилетия собрал еще одну коллекцию работ «мирискусников». В ней снова были хорошо представлены Бакст, Александр Бенуа, Билибин, Гончарова, Добужинский, Коровин, Ларионов, Левитан, Малавин, Леонид Пастернак, Рерих, Серов, Сомов, Чехонин, Шухаев, Александр Яковлев. В 1949 году, спустя десять лет после смерти М. В. Брайкевича, эта коллекция поступила в Музей Ашмола в Оксфорде. Но ведь, как Александр Бенуа писал в своей статье, ему посвященной, сам Михаил Васильевич предпочел бы все, приобретенное им в годы жизни за рубежом, приобщить к тому, что уже находится в Одесской картинной галерее.

Другой наш соотечественник, Е. С. Молло, на протяжении многих десятилетий живший в Лондоне, создал единственную в своем роде коллекцию предметов русской воинской славы, которая являлась уникальнейшим личным собранием, подобного которому не было во всем мире. Выявленное и приобретенное Евгением Семеновичем превратилось в музейный комплекс — это явствует из присланных им мне фотографий интерьеров его квартиры, где многое экспонировалось. Состав данного собрания был разнообразен и обширен. Там находились картины, в которых запечатлены подвиги русской армии, портреты видных полководцев, эстампы и гравюры, фарфор и бронза, обмундирование, ордена, орденские грамоты, автографы военных деятелей России, различные документальные материалы... То был Музей российской военной славы. Е. С. Молло — автор ряда исследований, в том числе о русских орденских знаках XVIII века.

А о себе Евгений Семенович в письме ко мне от 14 февраля 1970 года сообщал следующее: «За границу я попал по вызову моего отца в 1922 году. В Лондон я попал в 1924 году и сразу же поступил в «Роял Колледж оф Арт» (соответствует нашей Академии художеств). Так что по образованию я художник. Свою страсть к собирательству русской старины я отношу к тоске по родине. Первые годы за границей я страшно по ней тосковал и не раз порывался вернуться. Вначале я собирал все, что попадалось и что было по средствам. Позднее я стал специализироваться по военной старине».

Недавно Е. С. Молло скончался, а его замечательная коллекция уже не существует.

Особый разговор об архивных фондах наших видных соотечественников, умерших в Англии. Я прежде всего имею в виду прославленную балерину Тамару Карсавину, книга воспоминаний которой под названием «Театральная улица» вышла в 1971 году в Ленинграде. Не меньший интерес, чем ее архив, представляют бумаги превосходного художника Леонида Пастернака; он, в частности, начиная с 1898 года бывал в Ясной Поляне, а его иллюстрации к роману «Воскресение» Л. Н. Толстой считал «прекрасными».

II

Театральные живописцы России, творившие в начале текущего века, оказали огромное влияние на своих зарубежных коллег и вписали блистательную страницу в историю мирового декорационного искусства.

Наиболее значительную за рубежом коллекцию произведений выдающихся русских театральных декораторов первого тридцатилетия нашего века собрал на протяжении последних двадцати пяти лет Н. Д. Лобанов-Ростовский. Родился он в 1935 году в Болгарии, а живет в Лондоне. В состав этой коллекции прежде всего входят работы русских художников, которые участвовали в постановках «Русских сезонов» и творили по заказам С. П. Дягилева, руководствуясь его указаниями и советами.

Таких сценических оформителей — дягилевских соратников, представленных в коллекции Лобанова эскизами декораций и костюмов, свыше двадцати. А всего в ней около тысячи работ, принадлежащих кисти ста десяти русских театральных художников. А ведь все это было разбросано по разным концам света, и чаще всего отыскивать те произведения ему порой приходилось лист за листом.

Знакомясь с коллекцией Н. Д. Лобанова по многочисленным вышедшим за рубежом каталогам, в которых воспроизводились и описывались собранные им творения наших театральных художников, я вспомнил, что мне в литературе встречались имена предков Н. Д. Лобанова, которые также были завзятыми коллекционерами. И вскоре, подняв различные печатные источники, я установил нечто такое, что редко случается в коллекционерском деле: эта страсть стала как бы семейной традицией Лобановых, переходя из поколения в поколение.

Но прежде всего весьма кратко об этом старинном роде. Для того чтобы получить о нем хотя бы некоторые имеющиеся в исторической литературе сведения, я взял объемистый том (в 850 страниц убористого шрифта и большого формата), изданный в 1914 году, один из тех, что входили в состав двадцатидвухтомного «Русского биографического словаря», выпускавшегося на протяжении десятилетия Русским историческим обществом (он остался незавершенным). В этом ценном справочнике приводятся подробные биографические сведения и библиографические данные о деятельности в давние времена наших видных соотечественников, сыгравших значительную роль в истории родины.

Сведений о роде Лобановых-Ростовских в этом томе «Русского биографического словаря» оказалось предостаточно, а наиболее ранние восходят к 1530 годам. В указанном томе даны сообщения о двадцати предках Н. Д. Лобанова, большинство которых прославились на ратном поприще. Один же из них — Иван Иванович Лобанов-Ростовский (родился в начале 1600-х годов, а умер в 1664 году), кроме того, занимался дипломатической деятельностью. Как сообщает тот же «Русский биографический словарь», «Иван Иванович, в лице своего второго сына, Якова Ивановича, имевшего от двух браков 28 человек детей, является родоначальником ныне существующей фамилии Лобановых-Ростовских».

Что же касается коллекционерской страсти, которая некоторым из них была свойственна уже в далеком прошлом, то ограничусь сообщением о двух таких собирателях.

Генерал-майор Александр Яковлевич Лобанов-Ростовский (1788—1866) был знаком с Пушкиным и хотел издать в Париже сборник его стихотворений, но это не осуществилось. Оставив службу, как сказано в биографии Лобанова, он «мог вполне предаться своим природным влечениям: у него была страсть собирать всевозможные коллекции, из которых многие оказались полезными в научном отношении». Так, интересуясь Марией Стюарт, он собрал до 800 ее портретов, их описание выпустил в Петербурге двумя изданиями в 1856 и 1860 годах, завещав эту коллекцию Эрмитажу, куда также поступило и его собрание книг о Марии Стюарт. Свою коллекцию портретов Петра Великого он пожертвовал Публичной библиотеке. И это далеко не все, что А. Я. Лобанов на протяжении жизни отыскал, систематизировал, издав описания им найденного.

А в конце прошлого века коллекцию портретов, исполненную в основном отечественными живописцами, собрал А. Б. Лобанов. Вот что пишет о ее судьбе видный советский искусствовед Г. В. Смирнов в своей вступительной статье к вышедшему в 1980 году изданию «Государственный Русский музей. Живопись XVIII — начала XX веков. Каталог»: «Крупным вкладом, составившим основу галереи портретной живописи Русского музея, была коллекция А. Б. Лобанова-Ростовского. Она пополнила этот раздел девяносто пятью портретами русских государственных деятелей преимущественно XVIII века».

По части собирательской увлеченности, а также по сердечному тяготению к искусству достойным последователем своих далеких соратников стал Н. Д. Лобанов. К тому же, и это не так уж часто случается в семьях коллекционеров, увлеченность Никиты Дмитриевича делит с ним его обаятельная супруга Нина. Именно она и приобрела в 1962 году в Нью-Йорке исполненный Александром Бенуа эскиз занавеса к балету Игоря Стравинского «Петрушка», положивший начало их коллекции. То был, по-видимому, «свадебный подарок» Нины будущему мужу, так как они поженились в том же году, когда Лобанов приехал в Нью-Йорк из Аргентины, где работал геологом.

Так начался для молодых Лобановых пленительный путь в мир прекрасного.

Окончание следует.

В специальных нескл-
ках с песком ехала
бомба, найденная в
районе Ржева...

КОВЧЕГ УХОДИТ СЛЕД

В

ойна густо засеяла смертью эти места на границе Калининской области и Смоленщины. Недаром бывшая полоса обороны зовется ныне линией Славы. На ней полтора года поливал огнем фронт. Бывшую пашню переплывали бомбы, снаряды, гранаты, мины. Случалось, некоторые не взрывались. Они лежали в грунте, ожидая своего часа.

После войны поля забросили, и вырос здесь дикий лес, оплетя корнями страшные клады.

Но земле бездельничать не пристало. В прошлом году Мосводопроводу для подсобного хозяйства выделили неподалеку пятьсот гектаров. На участке саперы обнаружили более девяти с половиной тысяч взрывоопасных предметов (ВОП). Недавно подсобное хозяйство Всесоюзного института легких сплавов тоже получило участок. На корчевку, однако, не решились. Пусть прежде здесь поработают саперы.

За асфальтом и проселком — лесная дорога, разодранная колеями. Потом желтоватый парный след по зелени. И,

Теперь они не страшны.

наконец, несматая высокая трава. По пути мощный «ЗИЛ-131» минует ямы. Одни наполнены дождевой водой, другие лишь влажные, а ближе к месту поиска воронки совсем сухие, едва остывшие от недавних взрывов.

На привале сапер Вадим Рачков доедал по кухне — варит на походной печурке рыбный суп и макароны по-флотски. А компот остужается в холодильнике. В такой же тени под кустами последний час доживает смертоносный металл. С утра в тот день нашли 49 минометных мин, 13 разнокалиберных снарядов, 18 разнотипных гранат, 11 взрывателей. Обычную дневную «норму» перекрыли.

См. стр. 25.

Опасные находки одного дня.

ОЧЕВИДНОЕ-

НЕВЕРОЯТНОЕ

наука и мы

*«О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг...»*

Едва на телевизионном экране возникают эти пушкинские строки, несколько миллионов человек в нашей стране (по данным социологов, десятая часть взрослого населения) замирают у своих телевизоров. И на экране появляется постоянный ведущий передачи «Очевидное — невероятное» профессор Сергей Петрович КАПИЦА. Обычно он сам задает вопросы ученым, принимающим участие в телевизионной программе. Нарушим традицию. Интервью у ведущего берет корреспондент «Огонька» Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

Телемост Москва — Нью-Йорк. На экране Карл Саган.

— Сергей Петрович, какие проблемы науки занимают вас сейчас как ведущего «Очевидного — невероятного»? Что нового увидим мы в вашей передаче в ближайшее время?

— Самое необычное, что есть на Земле, — это человек, венец творения. Вспомните Достоевского: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время...»

Сейчас мы задумали с моими неизменными помощниками по программе редактором Львом Ни-

колаевым и режиссером Виктором Есиным новый цикл — «Институт человека». Здесь будет о чем поговорить не только ученым, но и людям самых разных специальностей, над чем задуматься зрителям.

Загадок здесь множество. Парадокс, если хотите, но, сотворив новую среду обитания, мы только учимся в ней жить. Ведь научно-технический прогресс происходит стремительнее, чем социальный, и еще быстрее биологического развития человека. Изменяются усло-

вия, в нашей жизни множатся перегрузки, они растут и будут расти, но в то же время велики и резервы человека, физиологические, психологические. Мы теперь знаем: возможна выработка новых навыков, которые позволяют человеку жить в этих новых условиях, не ощущая перегрузок, сохраняя устойчивость в непривычных ситуациях. Иными словами, формируется новая структура личности.

Или возьмите свойство человека, с которого началось собственно человеческое развитие, — альтруизм. В своих корнях альтруизм имеет эволюционное обоснование. Вместе с тем он приводит нас ко всей совокупности моральных законов и принципов, по которым живет и действует человек. Как исходя из потребностей общества формируется альтруизм сегодня? Это тоже очень любопытно проследить. Словом, если одних людей интересует физика, других — биология, третьих — химия, то человек, по-моему, интересует всех. Подвинул нас на этот гуманистический цикл передач один из его участников философ член-корреспондент АН СССР Иван Тимофеевич Фролов.

— А как начиналась ваша программа? Почему вы, известный физик, человек, занимающийся и научной, и преподавательской работой, согласились ее вести и ведете до сих пор? Ведь предупреждал же вас академик Арцимович: «Попробуйте, но стоить это вам будет дорого!»

— Лев Андреевич не ошибся... Но независимо от того, согласился бы я или нет, называлась бы

передача «Очевидное — невероятное» или как-то по-другому, был бы ведущий физиком, как я, или биологом, научно-популярная мировоззренческая программа на телевидении появилась бы все равно, так как необходима. И вот почему.

Сейчас несказанно увеличился разрыв между абстрактным для многих могуществом науки, техники и миром чувств, страстей человека. Даже сам создатель новой техники из-за узкой специализации оказывается иногда отчужденным от фундаментальной культуры, широкого знания.

Меня тревожило и продолжает тревожить, что создается некий тип мещанина, готового бездумно потреблять любую информацию, словно занятую, но ненужную вещь. И так как его пресыщенный ум и душа отвыкли работать, он не способен воспринять даже лучшее из того, что узнает. Утомленный очевидным, он любой ценой требует невероятного. Кстати, в этом повинны и мы с вами — ученые и журналисты — популяризаторы науки. Мы часто бываем не критичны, забываем о своей просветительской миссии, изобретаем лжесенсации. Это идет лишь на ярмарку нашего тщеславия, разница тут такая же, как между сладкими словами опытного соблазнителя и первым признанием в любви молодого человека...

Тревожит меня и то, что у некоторой части нашего населения появились недоверие к науке, страх перед ней, начали возникать антиинтеллектуальные настроения. Это очень серьезно.

Трудный момент: редактор передачи Л. Н. Николаев, С. П. Капица и М. М. Плисецкая.

— Вы не преувеличиваете опасность? Ведь подобные настроения возникали и раньше. Как наша планета, как люди жили бы на ней без теплоты, магнита, света и электрических лучей? Что было бы? Пришла бы снова хаоса мрачная пора — так, кажется, почти сто пятьдесят лет назад пришлось защитить науку Адаму Мицкевичу...

— С тех пор человечество испытало много потрясений. И сейчас антиинтеллектуальные настроения, мистицизм возникли с новой силой, на новой основе. От них нельзя отмахиваться. Сегодня в неслыханной по своему размаху битве идей огромное значение приобретает выработка целостного материалистического мировоззрения.

Разумеется, его нельзя дать готовым, а тем более навязать.

Каждый человек создает его по-своему, но материал для этого он неизменно черпает вокруг себя. Только то, что каждый из нас пережил в любой области — нравственной или познания, — становится для него важным, определяет поведение в главном.

Я убежден: популяризаторы науки, в том числе и сами ученые, должны взять на себя труд помочь людям сформировать свое отношение к самым разным вопросам науки, к непрерывно накапливаемому и обновляемому человеческому знанию. Важно не столько объяснить людям, далеким от науки, что происходит в той или иной области знания, сколько помогать им самим активно мыслить. Считаю это очень важной сейчас гражданской позицией ученого. Поэтому я согласился вести такую научно-популярную программу по телевидению и продолжаю ее вести и поныне. А как у меня получается — судить не мне. И почему пригласили меня — тоже не знаю.

...Мне приходилось беседовать с теми, кто стоял у истоков передачи «Очевидное — невероятное». Все в один голос утверждали: «Соперников у Сергея Петровича Капицы не было». Попросили создать и вести программу именно его.

Почему? Доктор физико-математических наук, профессор знаменитого Физико-технического института, занимался широким кругом научных проблем — гидроаэродинамикой, магнетизмом, геофизикой, электродинамикой, ядерной физикой. Хорошо знаком с киноделом — снимал наши первые подводные фильмы «Над нами Японское море», «У скал Моннерона». Будучи сыном выдающегося ученого современности Петра Леонидовича Капицы, имеет самые широкие связи с учеными мира, лично их знает. Есть опыт выступлений по телевидению — раза два блестяще провел занятия по школьной программе. Разве найдешь более удачную кандидатуру для ведущего новой передачи?

24 февраля 1973 года «Очевидное — невероятное» впервые вышло в эфир.

Незадолго до этого мы случайно встретились с Сергеем Петровичем в служебной командировке на маленьком островке в Белом море, острове Вознесения, где находится полярная обсерватория академического Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн. Готовился почти фантастически глобальный советско-французский эксперимент. В другом полушарии Земли с такого же маленького, но скалистого островка Кергелен в Индийском океане должны были запустить в космос ускоритель — инжектор заряженных частиц. Он выпустит мощный поток электронов, а здесь, в Архангельской области, приборы зарегистрируют первое в истории рукотворное полярное сияние: так ученые думали разгадать природу этого таинственного явления. С советской стороны проект возглавлял академик Р. З. Сагдеев, директор Института космических исследований, с французской — профессор Френсис Камбу, директор космического центра при Тулузском уни-

верситете. Сергей Петрович Капица приехал тогда на Север вместе с ними. Его предстоящая работа интересовала и как ученого, и как будущего ведущего научно-популярной программы. Я же готовила очерк для «Огонька». Этот удивительный эксперимент прошел потом на редкость удачно. И в «Огоньке», и в передаче «Очевидное — невероятное» о нем было подробно рассказано.

Тогда на Севере Сергей Петрович обмолвился о своей книге «Жизнь науки», которую недавно закончил и считал для себя очень важной. А теперь?

— Эта книга во многом определила позиции, развитие потом в телепередачах. А задумывалась она задолго до них, может быть, со времен моей юности.

В 1945 году осенью в Ленинграде скончался мой восьмидесяти-трехлетний дед со стороны матери, Алексей Николаевич Крылов. Крупный математик, кораблестроитель, он был избран еще в Петербургскую Академию наук. Жил дед в своей старой квартире во внутреннем дворе петровских времен здания Академии наук. Его обширная библиотека осталась в мемориальном кабинете, я взял на память лишь некоторые книги. Отобрал немного — сочинения великих ученых прошлого, основополагающие для современной науки. Меня поразили авторские предисловия к этим трудам, содержание которых давно вошло в науку. Ученые писали, почему и как была сделана работа. Поставленные в единые рамки, ограниченные пяти-шести страничным объемом, они казались мне школьниками, пишущими сочинение на тему «Как я провел лето». Описывали события, важные для них — молодых, веселых, живых! И это Коперник, Везалий, Ньютон, Дарвин, Менделеев, Планк... Они говорили о самом сокровенном — рождении научной идеи.

— Слово у вас в «Очевидном — невероятном»?

— Да, теперь бы я их рассматривал как участников передачи.

Предисловия я задумал собрать в книгу «Жизнь науки». Написал короткие биографии ученых, разыскал их портреты того времени, когда делались эти работы. На меня смотрели молодые, одухотворенные лица, не похожие на те, что знакомы нам по учебникам. Почему-то в учебники принято включать портреты ученых, когда те уже широко известны, но старые.

Работая над книгой, я много думал о движущих силах развития науки, о научном творчестве...

— Это ведь содержание почти всех ваших передач...

— Во всяком случае, подготовка к ним. Ответственным редактором книги был Лев Андреевич Арцимович. Подписал он гранки незадолго до своей смерти.

— Что труднее всего было для вас при подготовке новой программы?

— Пожалуй, овладеть собой. Тут надо было научиться держаться, говорить, думать перед камерой. На это ушло много времени. И как терпеливы, внимательны были все на телестудии! Нас всех очень поддерживало ощущение нужности нашей новой мировоззренческой научно-популярной программы.

От написанного заранее текста мы отказались сразу. Жесткие рамки передачи дисциплинировали речь, учили чувствовать время.

Другая трудность — самому постоянно думать перед камерой и

Сергей Петрович Капица.

Фото Г. Копосова.

вызывать на это собеседника в студии и тех, кто смотрит передачу.

Обычно, когда мы приглашаем ученого прийти на студию, он начинает проявлять беспокойство, дескать, надо все обдумать, подготовиться. Но зачем ему о чем-то думать специально, если он всю жизнь думает о своей работе? Даже если он и напишет текст, то сохранить его все равно не удастся. Ведь он готовится к выступлению, а у нас беседа. Для зрителя, по-моему, живой, непосредственный диалог гораздо ценнее гладенького телевизионного выступления.

Иван Семенович Козловский допытывается у меня: «Почему вы не договариваете мысль? Хотите, чтобы зритель додумывал сам? Это такой прием?» Прием не прием, но зритель и читатель должны додумывать сами. Кое-кому из них это не нравится, привыкли к жвачке.

...Редактор и сценарист передачи Лев Николаевич Николаев рассказывал мне, как с течением времени изменилось отношение зрителей к ведущему. Одни с самого начала приняли его безоговорочно,

другим он резко не понравился. Капица абсолютно не соответствует сложившемуся стереотипу телевизионного ведущего. Он не улыбается зрителю, не старается подыгрывать ему. Он просто предлагает принять участие в размышлении, сам работает на экране и заставляет работать других. Он может быть жестким с оппонентом, прервать говорящего, чтобы направить беседу в нужное русло, не согласиться с собеседником, резко высказаться по тому или иному вопросу. Некоторые зрители видели в этом бестактность. Других раздражало, что ведущий ничего не разжевывал, словно не заботясь, поняли ли его. Этот привыкший только потреблять зритель не хотел думать, он испытывал неудобство, недовольство ведущим. Но когда в одной из передач (Сергей Петрович очень занят) его участие свелось лишь к двум-трем монологам, зрители завалили телестудию письмами с требованием вернуть ведущего.

«Почему? — спрашиваю у Николаева. — Привык зритель?» «Скорее поумнел, научился думать. Это, кстати, видно и по вопросам, которые задают нам и на которые мы отвечаем в «часе письма».

Кроме непосредственной беседы на студии, мы используем в передаче готовые научные фильмы. Кое-что делают и специально для нас. Один из самых активных и преданных авторов фильмов для передачи — режиссер Виктор Викторов».

Очень интересно рассказывает

Лев Николаев об истории эпиграфа «О сколько нам открытий чудных...». Дело в том, что пушкинский текст печатается в собрании сочинений по небольшому, с трудом разбираемому черновику (впервые он не полностью опубликован в 1884 году). По черновикам видно (об этом писал Н. Я. Эйдеман), как Пушкин искал наиболее точные слова, отвергал прежние варианты. В результате поэт перебелил лишь две с половиной строки и почему-то отложил перо.

Когда готовился текст академического собрания сочинений Пушкина, Т. Г. Цявловской стало жалко отправлять эти чудесные строки в ту часть тома, где печатались неосновные варианты, ведь тогда стихи стали бы менее заметны, и редакция решила поместить среди основных текстов эти две с половиной строки, что Пушкин переписал набело, и еще две с половиной, которые поэт не считал окончательными.

«А где же пятая строка: «И случай, бог изобретатель»? Почему ее нет в вашем эпиграфе?»

Оказывается, редакция буквально с момента своего появления задумала сделать передачу об этой строке — Его Величестве Случае — и тогда как бы «дописать» эпиграф. Но пока выполнить это не удалось. Однако надежда не потеряна.

— Всегда ли оправдано приглашение в вашу передачу только известных ученых?

— Всегда. Речь здесь идет не о тщеславии. Большой ученый — всегда личность, и зритель ощущает влияние этой личности на себя, не просто получает ту или иную информацию, а старается воспринять взгляды ученого, его отношение к научным вопросам.

От первоисточника — самого ученого — мы узнаем, как созревала научная идея, шел поиск, о самом моменте открытия. Рассказывая о своей работе, он заново переживает прошедшее и заставляет переживать нас. Процесс понимания всего этого зрителем глубоко человечный, демократичный.

— Вспоминаю одну из ваших передач, когда у вас выступила Майя Плисецкая. Почему вы вдруг решили в научно-популярную передачу пригласить балерину?

— Тот самый пушкинский «случай, бог изобретатель». На одном из театральных юбилеев меня представили Майе Михайловне, и наш общий знакомый заметил: «Вы все с учеными беседуете, нет чтобы поговорить у вас в студии с Майей». И я сейчас же, движимый учтивостью и восхищением перед очаровательной женщиной и удивительной актрисой, немедленно пригласил ее на передачу. Она, по-моему, немного растерялась, но согласилась.

Передачу мы решили снять в Музее изобразительных искусств.

Помню, я очень волновался. Меня смущал не предстоящий разговор, а то, что я должен перед глазом камеры идти рядом с великой балериной.

Идем мы с ней по парадной лестнице музея, нас снимают, а я судорожно стараюсь сообразить, как мне надо идти: в ногу, впереди, чуть сзади Майи Михайловны, — и к тому же веду с ней «непринужденную» беседу. Я знал, как помочь собеседнику вопросом, фразой, но Майя Михайловна непринужденно и естественно сделала это своим движением. Я немного успокоился, но вдруг... из бокового входа появляется уборщица с веником и ведром и попадает в кадр. Пришлось переснимать. Но это был единственный дубль за всю передачу.

Не знаю, как зрителям, но мне самому было очень интересно. Мы снимали и в Греческом зале,

и в Итальянском дворике, и в залах импрессионистов. Говорили о значении классических традиций для нашей культуры, науки, о живописи начала века, о праве художника на эксперимент, отказ от привычных канонов. Майя Михайловна рассказывала о себе, но всем казалось, что беседа идет и о творчестве художников, картины которых окружали нас. Я рассказывал эпизоды из истории науки того же времени, говорил о современных поисках в науке и искусстве. То и другое объединяет непрерывный поиск нового, новых форм, фактов, закономерностей, мыслей. Стремление постичь то, чего еще никто не знает, раскрыть людям пока неизвестный им мир. Ведь и искусство, и наука — часть нашей культуры.

— Есть ли за рубежом телевизионные программы, подобные «Очевидному — невероятному»?

— Полного аналога, по-моему, нет ни в одной стране. Вообще за рубежом нет так долго живущих подобных программ с одним ведущим. Но есть постоянные рубрики: в США, например, бостонская программа «Нова», серия «Горизонт», которую выпускает в Англии Би-би-си. Они состояются из отдельных телевизионных фильмов по той или иной проблеме современной науки или из небольших сериалов, охватывающих некий круг мировоззренческих проблем. Они обычно делаются совместно телекомпаниями разных стран. Многие из них я видел, встречался с авторами, участвовал в обсуждениях. Некоторые очень интересны, сделаны с блеском. Таковы, например, сериал «Цивилизация» — история европейской культуры в представлении английского искусствоведа Кеннета Кларка, «Космос» — взгляды американского астрофизика Карла Сагана. Он, кстати, выступал в одной из наших передач.

Интересны фильмы «Мечты Дарвина», «Мир Эйнштейна». Любопытно, что в них в качестве ведущих выступали талантливые английские актеры Ли Монтегю и Питер Устинов.

Недавно на нашем телеэкране прошел фильм «Жизнь на Земле», снятый известным английским биологом Аттенборо. Кстати, опыт «Очевидного — невероятного» оказался очень полезным при проведении международных телемостов с участием крупных ученых разных стран и континентов. Здесь мы были первыми.

— А кто из известных зарубежных ученых будет в ближайшее время выступать в вашей передаче?

— Мы сделали передачу о генетике нобелевском лауреате Джеймсе Уотсоне. Он недавно был в Москве.

В 1953 году он, тогда молодой биохимик, вместе с англичанином физиком Френсисом Криком создал модель пространственной структуры ДНК. Сейчас ему лет 58, он руководит крупным научным центром в США. Удивительно яркая личность, оригинальный ум. Им написана блестящая книга об этом открытии «Двойная спираль», переведенная на многие языки. Книгой зачитывались во всех странах. Выступления подобных крупных ученых в «Очевидном — невероятном» — наше кредо. Ширина горизонта всегда зависит от уровня глаз наблюдателя.

Фото М. Кравеца

НОЧНОЕ МОРЕ

Юрий ВОРОНОВ

Дремлют звезды,
чайки,
ели.

Лишь ветра,
Друг другу вторя,
Как ребенка в колыбели,
Убаюкивают
Море.

Сколько песен
Перепето,
Но старанья их
Бесцельны!
Вновь у моря
Нет ответа
На призывы колыбельных.

То вздохнет,
То разбежится,
То плеснет волной,
Как лавой.
Морю синему не спится,
И оно, пожалуй,
Право!

Вы представьте,
Что бы было,
Если б люди вдруг узнали,
Что вода в морях
Застыла,
Как в каком-нибудь канале?

Мы б спросили:
А жива ли
Наша старая планета!
И, наверно бы, сказали:
Нет,
Раз в море
Жизни нету.

Я касаюсь волн рукою:
То слышней они,
То тише...
Бейся, море!
Я спокоен.
Если гул прибоя
Слышу.

Она не кричала «люблю».
Но долго
С приморского пирса,
Как добрый сигнал кораблю,
Под ветром
Платок ее бился.
Потом потемнела вода,
От бухты
Полоска осталась.
И он
Не узнал никогда
О том,
Что она разрыдалась.

ПОМИНКИ

Припоминали,
Сколько перенес,
Жалели,
Что безвременный финал,
Журили,
Что работал на износ
И с возрастом
Привычек не менял.

Потом
Кто — о судьбе,
Кто — о борьбе.
Но было явным сходство их
В одном:
Все больше говорили
О себе,
Хотя самим казалось,
Что о нем.

Понимается только потом:
Все проходит,
И главное — сам!
Не отправите
Задним числом
Ненаписанных писем
Друзьям.

Если поезд ушел,
Не придешь
Проводить
На вечерний вокзал.
И родителям
Слов не вернешь,
Если вовремя их не сказал...

Кинь прожитую жизнь
На весы —
И твои оправдания
Уйдут.
В суете
Погибали часы,
На дела
Не хватало минут.

Волною праздных слов
Несет
С эстрады гремющих.
А люди у костров
Поют стихи
Все чаще.

Стихи,
Где нет трухи,
Плывут к далеким звездам.
И людям те стихи
Нужны,
Как лес и воздух.

Порой
Неровный слог,
Но это не смущает.
Вот безработных строк
Здесь песням
Не прощают.

К причинам опоздания
Родители глухи...
Он дочке — назиданья,
А та ему — стихи.

Он принял их угрюмо.
Потом, когда прочел,
Почти полночи думал:
Стихи-то тут
При чем?..

Его бедою не убьешь,
Не испугаешь бездорожьем.
Он все переживет.
И все ж —
Зачем его
Калечить ложью?

Как хитроумны виражи
Остывших глаз,
Скользких мимо!..
Все объяснимо, кроме лжи,
И лишь она непоправима.

Я ЖДУ ПИСЬМА

Уехала —
И город стал иной:
Дома поблекли,
Клены облетели.
Ты стала
Неожиданной виной
Дождей
И преждевременной метели.

За окнами —
Ни осень, ни зима.
И на душе — такая же погода.
Я жду письма.
Ах, как я жду письма!
И тянутся недели,
Будто годы.

И, утром
К почтальону выходя,
Я в ожиданье будто замираю.
Я жду письма!
Так люди ждут дождя,
Когда от жажды
Умирают.

Не ждать, не думать
Было бы верней,
Но сердце
Ничего не понимает.
Оно своей морзянкой —
Все о ней:
Вот-вот
И ребра мне переломает...

ТЮЛЬПАН

Его ничья нога не затоптала,
Не сорвала до времени
Рука.
Но обломился
Стебель у тюльпана
Под тяжестью
Огромного цветка.

И виновато
Не больное сердце,
Не то, что передрог на сквозняке.
А не на кого было опереться:
Он рос один,
От клумбы вдалеке.

Наспех пересчитывая шпалы,
Грохотом
Пугая тишину,
Мчится поезд.
Дым ползет устало
В звездную ночную вышину.

Попусту себя не упрекаю,
Не ругаю
Прожитых годов.
Только мыслей не унять:
Мелькают,
Будто окна
Встречных поездов.

Жаль,
Что подошла пора итогов,
Где сбавляешь на подъеме
Шаг.
Жаль, что в жизни
Сделано не много
И порою
Сделано не так,

Что звезда,
Которая упала,
Снова
Не отправится в полет...
Поезд,
Под себя бросая шпалы,
Ошалело катится вперед.

- * КУБАЧИ: ЛЕГЕНДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ
- * ВНИМАНИЕ ГОСПЛАНА И МИНФИНА СССР — УНИКАЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ НУЖДАЕТСЯ В ПОМОЩИ
- * МАСТЕРА МЕЧТАЮТ О ШЕДЕВРАХ

Утром горы ловят первые лучи солнца, заставляя подарить аулу краски и оттенки, для которых нет названия; вечером прячут поселок в густую, чуткую тьму. И тогда фонарик в руке прохожего кажется блуждающим огоньком, который здешние златокузнецы разбирают на частицы, чтобы наделить яркостью огня сложный узор на серебре, меди, слоновой кости...

Это дагестанский аул Кубачи, где живут потоптенные мастера, чьи изделия неизменно вызывают восхищение посетителей на международных ярмарках в Нью-Йорке и Монреале, Лондоне и Париже, Осло и Брюсселе, Токио и Стамбуле...

Бежит по серебряной поверхности тонкая нить орнамента, выходящая из-под штихеля гравировщика. Столетия назад родился первый узор на серебре, и с тех пор поколения златокузнецов продолжают и развивают его.

— Каждому периоду кубачинского искусства соответствует определенный орнамент, — говорит один из старейших мастеров, народный художник РСФСР Расул Алиханов. — Когда-то, лет тридцать назад, я старался в точности воспроизводить те узоры, которые оставили нам в наследство отцы. Но потом все острее стал ощущать изменения, происходящие вокруг. И тогда мой орнамент тоже изменился. В нем возникли фантастические звери, кубачинские пейзажи, появилась фигура златокузнеца, размышляющего над своей работой...

Бесценны произведения выдающихся кубачинских умельцев, которые во все времена стремились к недостижимому, казалось бы, высотам мастерства.

— Когда-то, много веков назад, — рассказывает Расул Алиханов, — персидские ювелиры прислали в аул тончайшую стальную проволоку: если, мол, вы что-то умеете, сделайте такую же. Кубачинцы просверлили ее насквозь и отослали назад со словами: «Мы из такой проволоки трубы делаем». Возможно, это легенда. Но тот, кто знает кубачинские шедевры, всегда примет ее за историческую быль.

Свыше шестисот тридцати человек трудятся на знаменитом худо-

жественном комбинате. Семь ведущих мастеров удостоены Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина. В книге отзывов — восторженные записи, сделанные гостями из всех союзных республик, из США и Италии, Индии и Австрии, Венгрии и Чехословакии, Польши и Болгарии...

Вроде бы все прекрасно. Однако сами кубачинцы считают, что перед ними стоит немало проблем.

— Главная, — говорит директор комбината Юсуп Ахмедов, — нехватка основного сырья: серебра. В нынешнем году Министерство финансов СССР и Госплан СССР выделили нам 1080 килограммов. Потом добавили еще четыреста. Но чтобы выполнить производственную программу, сделать столько изделий, сколько предусмотрено в договорах комбината с торговыми организациями, нам нужно еще по меньшей мере шестьсот килограммов.

В этом году я был в Москве на ярмарке по продаже ювелирных изделий на 1987 год. Мы должны были заключить договоры на сумму в шесть с половиной миллионов рублей, а заключили на восемь. К сожалению, многим покупателям мы вынуждены отказать из-за отсутствия сырья...

— Ну, а как же технический прогресс? — задаю я вопрос Ахмедову. — Ведь он, как убеждены многие, должен в корне изменить процесс изготовления кубачинских чудес?

— Если у нас все автоматизировать и механизировать, то придется навсегда распрощаться с уникальным творчеством умельцев, которые в идеале стремятся всякий раз создавать нечто единственное в своем роде. Между поверхностью металла и человеческой рукой должен быть единственный посредник — штихель или напильник, иначе исчезнет сам феномен ручной работы.

Сказанное, конечно, не означает, что златокузнецам нет никакого дела до технического оснащения комбината. Наоборот. Все это нас очень заботит. Вот, скажем, мы пускаем в дело многие тонны отходов драгоценных металлов. Но их ведь надо расплавить и прокатать. У нас есть одна лишь старенькая вальцовочная машина, нужны еще две. Следовало бы также установить и пятнадцатитон-

ный пресс — делать заготовки. И, наконец, мы испытываем постоянную потребность в высококачественном инструменте — штихелях, напильниках...

Стоимость всей этой техники — примерно десять тысяч рублей. Если учесть, что ежегодно мы даем прибыль в семьсот тысяч, то нам вроде бы ничего не стоит приобрести все, что необходимо. Однако это не так. Нам разъясняют: «У вас нет фондов, вы не включены в план...» Возможно, это покажется удивительным, но у нас нет... даже наждачной бумаги высокого качества. Если же вдруг выйдет из строя вальцовочная машина или единственный наш пресс, то работники комбината вынуждены будут оставаться дома. А ведь они из-за недостатка сырья и так нередко трудятся всего лишь по три-четыре часа в день. Простой же, естественно, сказывается и на заработках, и на дисциплине, и на художественном уровне изделий.

Еще одна производственная проблема. На все изделия из серебра, как известно, должна ставиться проба. Для этого мы должны отправлять наши полуфабрикаты (клеить готовую вещь нельзя: она потеряет товарный вид) за четыреста километров в Баку, в Прикаспийскую пробирную инспекцию. А затем, теряя время, мы ждем, когда полуфабрикаты вернутся назад. К тому же перевозки эти дороги и сложны.

Мы неоднократно просили Дагестанский обком КПСС и Министерство местной промышленности республики изменить этот порядок. Сейчас организуется филиал инспекции в Махачкале. Когда он откроется, наши перевозки станут вдвое короче. Но и двести километров — это тоже далеко. Правда, мы надеемся, что в скором времени не мы будем возить свои заготовки в Махачкалу, а специалисты Махачкалинского филиала станут два в месяц приезжать к нам, чтобы поставить клейма на нашу продукцию. Технические препятствия для этого нет: на комбинате есть лаборатория.

И, наконец, последнее. Наш комбинат — единственное промышленное предприятие в поселке. Больше работать негде: до ближайшего города — Дербента — три часа

См. стр. 25.

Не от этих ли гор рождается красота... * Народный художник РСФСР Гаджибахмуд Магомедов * Так много кувшинов, и у каждого свой узор * Любопытно, что же получится!

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Расписная керамика * Дагестанский сувенир. Автор — заслуженный деятель прикладного искусства Даг. АССР Г. Магомедов * Аул Балхар * За водой * Кувшины — гордость златокузнецов из аула Кубачи * А это цех Унцукульской художественной фабрики * Кунган. Работа мастера А. Абдулазизова из аула Унцукуль.

”МНЕ ИНТЕРЕСНЫ ВСЕ ЛЮДИ...”

Вл. ШАХИДЖАНЫ

Посмотреть на эту давнюю фотографию Валерия Плотникова, и вроде будет понятен характер Александра Калягина: философское отношение к жизни, ироничное — к собственной персоне.

«Что касается популярности,— сказал он, выступая перед студентами МГУ,— не скрою, приятно. Только все это на самом деле мишура. Сколько я знаю людей, не выдержавших испытания славой! Что меня лично спасает в подобной ситуации? Это то, что я отлично помню и знаю, каким я был раньше, а раньше я был никем, понимаете?!»

Мы знакомы давно. Многие знают об артисте, как говорится, из первых уст. Знаю фильмы, спектакли, телепередачи с его участием. А писать о нем сложно. Нужно встретиться. Но он переносит встречу с понедельника на среду, со среды на субботу. А сам уезжает в Ленинград, где снимается в фильме о друзьях Пушкина (играет Жуковского), а еще репетиции в театре — готовится спектакль «Тамада», он играет роль музыканта Симона, а тут и гастроль... Как быть?

Я прибегаю к небольшой условности, закрываю глаза и представляю Калягина, сидящего напротив меня, в кресле — ведь это так часто бывало, — и наша встреча начинается с его вопроса:

— Ты почему грустный? — Он смотрит на меня участливо.

— Нужно писать о Калягине, а не получается. Тебя все знают, все-таки более тридцати ролей в кино. Но кого ни спросишь о Калягине, тут же улыбка, а в ответ: «Прекрасный артист. Фильм, где он тетя Чарльз, можем посмотреть много раз». А мне, признаться, фильм «Здравствуйте, я ваша тетя» меньше всего нравится, лучше бы помнили Чичикова в телефильме Швейцера...

— Не нужно мучиться. Не пиши, и все тут. Нужно любить своего героя, погибать от любви. Только тогда можно вложить душу в творчество, быть искренним, эмоциональным, правдивым. Так я поступаю, выбирая роль. А тебе не хочется писать обо мне. И не надо. Лучше писать о молодых, открывать имена...

Верно. Ныне он знаменит. Но путь к признанию был долгим и извилистым. Он долго искал свой театр. Многие неодобрительно относились к его переходам из одного коллектива в другой. За ним быстро укрепилась репутация (как легко создать о себе плохую репутацию, как трудно ее потом сломать!) неуживчивого и капризного человека.

Еще не было «Механического пианино» (так кратко все называли известный фильм Никиты Михалкова по А. П. Чехову), не было ленты «Допрос», не было «Про-

хиндиады» (дуэт с Людмилой Гурченко поражающей органичностью и новизной в подходе к решению роли), но был талантливый Александр Калягин, щедро одаренный от природы. Просто до поры до времени этого многие не замечали, а режиссура проходила мимо великолепного артиста.

— Хочешь, я сам о себе напишу? Ты садись за машинку, я буду диктовать. — И он в который раз нервно посмотрел на часы.

— Очень прошу, — взмолился я, — не надо смотреть на часы. Понимаю, ты торопишься: назначаешь четырем людям деловые свидания в четырех местах и всюду хочешь поспеть. Так нельзя жить. Хотя многие, подпадая под твоё обаяние, готовы тебе все простить.

— Не отвлекайся, — сказал он, — а то наделаешь ошибок.

Конечно, я подчинился и, стуча по клавишам, узнавал, что:

Как считают многие, у него несносный характер.

Он человек повышенного темперамента.

Голос выразительный по интонациям, но чуть-чуть с хрипотцой.

Он всегда хочет сделать слышным много, забывая, что нельзя объять необъятное.

Он тяжело переживает ссоры с друзьями, но они бывают.

Недавно попробовал себя в режиссуре, поставив на телевидении фильм «Подружка моя» по сценарию Татьяны Калецкой. Одни разнесли его работу в пух и прах, другие отнеслись одобрительно.

Собирался сыграть Гамлета в спектакле Анатолия Эфроса, начал работать, но потом не по своей вине пришлось отказаться от замысла. А сил ушло много.

Женат. Жена — актриса, работает в Малом театре. Двое детей — дочь учится в МГУ на филологическом, сын скоро станет школьником.

Собирать книги по изобразительному искусству — страсть. Любит бывать в музеях.

Хорошо водит машину, но иногда слишком нервничает на перекрестках. Не курит...

Но вот он сам прочел отпечатанное.

— Это никуда не годится. Все больше анкетные данные. Так об артистах не пишут. Нужно о нашей актерской боли, о неудовлетворенности работой в кино, о суетности, что заедает нас. Обязательно про родителей.

— Хорошо. — Я был согласен на все. — Мы добавим, что ты родился в 1942 году. Отец был директором педагогического института, мать преподавала в этом же институте французский язык. Ты поздний ребенок. Через два месяца после твоего рождения отец

умер. Мы добавим, что ты ненавидел школу. После седьмого класса ты с удовольствием, лишь бы не ходить в школу, поступил в медицинское училище. Работал на «Скорой помощи», занимался в студии художественного слова в Доме культуры медицинских работников. Правильно?

— Все верно! Но я тысячу раз об этом рассказывал, — согласился Александр Калягин, — на творческих встречах, журналистам, давая интервью. Да, я написал в тридцать лет письмо Аркадию Райкину, и он мне ответил. Письмо стало для меня своеобразным талисманом. Мне часто везло. Хотели же выгнать с актерского факультета, когда я учился в училище имени Щукина, а в последний момент меня защитил Борис Захава, и меня оставили.

— Ты везучий человек!

— Да, везучий. Мне повезло, что я встретил Виктора Титова и снялся в его картинах «Каждый день доктор» Калининской, «Адам женится на Еве», «Здравствуйте, я ваша тетя». Мне повезло, что смог попробовать себя в разных жанрах. Мне нравится играть все: трагедию, комедию, фарс, водевиль, драму. Актер должен уметь играть все. Этому я стараюсь научить своих студентов. В этом году набрал актерский курс в школе-студии МХАТа.

Мне повезло с переходом к Олегу Ефремову. Хорошо работать у него в театре.

Он прикрыл глаза и о чем-то задумался. Возникла долгая пауза, очень долгая. В театре Калягин — ведущий актер: спектакли «Так победим!», где он на высшем накале играет Ленина, «Мы, нижеподписавшиеся...» — там он исполнил свою роль, соединяя в ней трагедию, комедию, фарс, драму. А еще классика: «Живой труп», «Чайка», «Тартюф»... Главные роли. Споры критиков о трактовке. Другому артисту одну такую роль — и он счастлив.

— Ты понимаешь, — вдруг начал он быстро, — мне интересны все люди, все профессии. Мы почему с тобой сошлись, познакомились? Помнишь, как Рустам Ибрагимбеков тебя представил?

Писатель, драматург, режиссер, ученый — бросил кандидатскую диссертацию почти накануне защиты, Рустам Ибрагимбеков взял меня однажды с собой на встречу с Расимом Оджаговым и Александром Калягиным. Тогда началась работа над фильмом «Допрос», где Александр Калягин сыграл, на мой взгляд, одну из лучших своих ролей — роль следователя, начавшего неравную борьбу с коррупцией, взяточничеством, барством...

— Вот, знакомьтесь, водитель такси, — представил меня Рустам Ибрагимбеков. — Вез меня. Мы разговорились. Пусть он побудет с нами, пообедаем.

Я тогда писал очерк о таксистах и несколько месяцев работал водителем. Признаться, мне бы хотелось, чтобы Рустам представил меня иначе: вот журналист, решил попробовать себя в режиссуре, по моему сценарию будет ставить картину «Клоун Муслия».

— Боже, как повезло! — воскликнул Калягин. — Я безумно тороплюсь. Отвезете меня домой, а потом в аэропорт. С удовольствием бы стал таксистом. Интересная работа.

Позже, встречаясь с Калягиным в различных ситуациях, я понял: многие профессии он попробовал в кино, на телевидении, в театре: врач, следователь, архитектор, инженер, строитель, рабочий... И все играл точно не только по линии актерской (там нужно говорить о талантливости), но в чисто профессиональном отношении он доходил до мельчайших тонкостей.

...Раздался телефонный звонок. Междугородная.

— Мы договорились сегодня встретиться. Но я в Баку, снимаюсь у Оджагова в фильме «След», играю ректора института — сценарий написал Рустам Ибрагимбеков. Так вот провожу отпуск... Вернусь только пятого сентября. Не сердись, — говорит Александр Калягин.

— Но мне нужно сдавать статью о тебе, кое-что уточнить...

Он не дал мне договорить:

— Вот и отлично. — Голос был радостный. — У меня есть сейчас несколько минут. Ты же все про меня знаешь. Пиши сам. Я тебе верю. Только обязательно, слушай, напиши, что я человек, недовольный жизнью. Сделай акцент, что нужно помогать молодым. Мы чаще должны вспоминать свою молодость, чтобы не давить на молодых. Обязательно стоит вспомнить наш разговор о жизни и смерти, понимаешь? Все мы смертны; если об этом помнить, то будешь лучше относиться к живым, к живущим рядом. Нужно сказать о борьбе с хамством, чванством, взяточничеством, блатом. Сегодня это особенно важно... Все знают о недостатках, но многие делают вид, что их не видят, нас губит равнодушие. Когда я об этом говорю словами Ленина в спектакле «Так победим!», то зал аплодирует. Не мне, а словам Ленина. Я беспартийный, но ощущаю себя комиссаром. Хороший актер — всегда комиссар, разве не так?

И тут нас разъединили. Время телефонного разговора истекло. Продолжается работа.

ПОЭТ НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

В № 17 нашего журнала за этот год была напечатана подборка стихотворений Н. С. Гумилева и биографическая заметка о нем. В редакцию поступило много писем, в которых читатели просят более подробно рассказать о судьбе Николая Гумилева. Выполняя их просьбу, мы публикуем эссе Героя Советского Союза, писателя В. В. Карпова, посвященное жизни и творчеству поэта.

Владимир КАРПОВ

Первая четверть двадцатого века была переполнена крупными историческими событиями, и, как всегда, годы перемен и переломов породили много талантливых летописцев — поэтов, прозаиков, философов. Каждый из них в зависимости от убеждений, симпатий и антипатий, в зависимости от степени таланта стремился не только отразить, но и осмыслить происходящие события, думы и чаяния людей.

В годы, о которых мы говорим, жили активной литературной жизнью Лев Толстой (в первое десятилетие), Горький, Бунин, Куприн, Брюсов, Блок, Маяковский, Есенин, Мандельштам, Андрей Белый, Мережковский и многие другие. Все эти писатели, очень разные по своим политическим и творческим взглядам, участвовали в общественной борьбе, создавали художественные произведения, отразившие жаркие схватки противоборствующих сил. Как оказалось, быть очевидцем и свидетелем не всегда означает быть безошибочным судьей.

Именно в эту литературную среду вошел в начале века и Николай Гумилев. Он был щедро одарен природой, обладал могучим и оригинальным талантом, но, к сожалению, осуществить в полной мере свой талант ему не довелось. Он издал несколько сборников стихов, речь о которых пойдет ниже, они свидетельствовали о процессе формирования поэта и были своеобразными подступами к тому взлету, который обещали его возможности.

О жизни и творчестве Гумилева говорится в воспоминаниях многих писателей, в обоих изданиях «Литературной энциклопедии», в вузовских учебниках по литературе. Творчество поэта анализировали в своих работах литературоведы В. Жирмунский, В. Орлов, Вс. Рождественский и многие другие. Однако широкая масса читателей мало знакома с этими специальными трудами, потому мне кажется необходимым коротко напомнить биографию Гумилева, тем более что, как хорошо известно, писатель в своем творчестве опирается именно на пережитое, и его убеждения складываются прежде всего на основе личного жизненного опыта.

Николай Степанович Гумилев родился 3 (15) апреля 1886 года в семье корабельного врача в Кронштадте. Летние месяцы семья проводила в имении Березки в Рязанской губернии, где жил дед Гумилева. Николай был еще ребенком, когда отец вышел в отставку. Семья поселилась в Царском Селе неподалеку от Петербурга. Стихи писать будущий поэт начал рано, восьми лет от роду. Там же, в Царском Селе, Николай поступил в гимназию, но вскоре семья переехала в Тифлис, где Гумилев пошел в 4-й класс гимназии — ему было тогда четырнадцать лет. Как свидетельствуют соученики, Гумилев в ту пору, может быть, отдавая дань моде, а может быть, и всерьез увлекался социализмом, читал Маркса, даже не просто читал, а, случилось, пропагандировал его среди мельников, что было с неудовольствием отмечено местными властями.

Именно в Тифлисе в сентябре 1902 года в газете «Тифлисский листок» было напечатано первое стихотворение поэта.

В 1903 году семья вернулась в Царское

Село. Николай Гумилев поступил в седьмой класс Царскосельской гимназии, директором которой был известный поэт Иннокентий Федорович Анненский. Нет сомнения, что Гумилеву импонировала близость к крупному поэту, и он, конечно же, пытался подражать ему. Учился он, по словам товарищей, не особенно усердно, не любил математику и другие точные науки, зато всей душой отдавался поэзии. В последнем классе гимназии он выпустил первый сборник стихов, который назвал «Путь конквистадоров».

В нем Гумилев — весь в еще не определенных, романтических мечтах.

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.

И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту свою создам
И песней битв любовно зачарую.

К счастью Гумилева, этот сборник был замечен Брюсовым — в журнале «Весы» он напечатал рецензию, правда, не очень лестную, отметив несамостоятельность первого опыта молодого поэта, повторение им давно пройденного, перепевы декадентских мотивов. Однако в статье Брюсова были слова: «...в книге есть и несколько прекрасных стихов, действительно удачных образов. Предположим, что она только путь нового конквистадора и что его победы и завоевания впереди». Эти слова окрылили Гумилева. Любивший Брюсова и раньше, он теперь проникся к нему еще большим уважением, стал искать с ним сближения. Между ними завязалась переписка.

Позднее сам Гумилев относился к своему первому сборнику как к ученическому опыту, считал его недостойным переиздания и ни разу не включил стихи из него ни в одну из своих более поздних книг.

После окончания гимназии в 1907 году Николай Гумилев уезжает в Париж для продолжения образования. Там он поступил в Сорбонну, где слушал лекции по французской литературе.

Гумилев не окончил Сорбонны и, видимо, учился не прилежнее, чем в гимназии, полностью отдаваясь литературным увлечениям. В Париже он начал издавать небольшой литературный журнал под названием «Сириус». Авторами этого журнала был он сам (под различными псевдонимами) и молодая поэтесса Анна Горенко, которую Гумилев знал еще по Царскому Селу. Этой молодой поэтессе позднее суждено было стать его женой, а нам узнать ее как прекрасного поэта Анну Ахматову. Кстати, Анна Ахматова, хотя и печаталась в «Сириусе», не очень-то одобряла эту затею Гумилева и в письме, датированном 13 марта 1907 года, одному из своих знакомых писала:

«Зачем Гумилев взялся за «Сириус»? Это меня удивляет и приводит в необычайно веселое настроение. Сколько несчастий наш Никола перенес и все понапрасну! Вы заметили, что сочинения почти все так же известны и почтенны, как я? Я думаю, что нашло на Гумилева затмение от господ. Бывает».

Как и следовало ожидать, это литературное предприятие Гумилева не имело успеха, вышло всего три тоненьких номера журнала, и на этом его существование закончилось. Там же, в Париже, Гумилев выпустил в 1908 году вторую книгу своих стихов, «Романтические цветы». Но и эта книга не принесла ему большой славы. «Злые чары», «жемчужные цепи», «тайны мгновений», другие избитые стиховые «формулы» вперемешку с образами фей, королей, куртизанок, римских консулов, императоров и прочая и прочая не могли увлечь серьезных читателей.

Для иллюстрации неизменившихся вкусов молодого поэта приведу лишь одно четверостишие из «Романтических цветов»:

Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняюсь к пропастям и безднам.

Полного романтических устремлений молодого поэта не удовлетворяли одни лишь платонические мечтания. Он жаждал каких-то практических действий. Его влекли новые, неведомые миры. Не удовлетворяясь

чтением и воображаемыми странствиями по экзотическим краям, в поисках «радостей и бездн», веселый и полный сил, он отправляется в свое первое путешествие по Африке, которая всегда была для него странной грез и приключений.

О своей давней мечте совершить такое путешествие Гумилев написал отцу и попросил денег, но отец считал это пустым занятием и не только не прислал денег, но и не дал своего благословения на подобную экстравагантность, добавив, что сначала надо окончить университет, а уж потом предпринимать такие поездки. Конечно, одержимый своей мечтой поэт не послушал увещаний отца и, сэкономив из тех денег, которые родители ежемесячно присылали ему на жизнь, все же отправился в путешествие. Было оно, естественно, очень скромным, по тем средствам, которыми он располагал, еда была не очень-то обильной, кое-где он пытался проехать «зайцем». Чтобы скрыть свою поездку от строгого отца, он заранее написал несколько писем, оставил их друзьям, и они отправляли их из Парижа каждые десять дней.

В 1908 году Гумилев вернулся из Африки в Париж, а затем и в Россию. В России его ждал новый отзыв Валерия Брюсова о сборнике стихов «Романтические цветы». На этот раз Брюсов отозвался о сборнике более одобрительно:

«...Видишь, что автор много и упорно работал над своим стихом. Не осталось и следов прежней небрежности размеров, неряшливости рифм, неточности образов. Стихи Н. Гумилева теперь красивы, изящны и большей частью интересны по форме; теперь он резко и определенно вычерчивает свои образы, с большой продуманностью и изысканностью выбирает эпитеты. Часто рука ему еще изменяет, но он серьезный работник, который понимает, чего хочет, и умеет достигать, чего добивается».

Видно, что Брюсов уходит от всесторонней оценки книги, он больше говорит о форме и технике стиха, что соответствовало тому, что продемонстрировал Гумилев в этом сборнике: рука его — в смысле формы — стала более опытной, а техника более отточенной.

Но при этом Брюсов, учитель строгий и требовательный, не изменил своим критериям и рецензию свою завершил так:

«Конечно, несмотря на отдельные удачные пьесы, «Романтические цветы» только ученическая книга, но хочется верить, что Н. Гумилев принадлежит к числу писателей, развивающихся медленно, и потому самому встающих высоко. Может быть, продолжая работать с той упорностью, как теперь, он сумеет пойти много дальше, чем мы то наметили, откроет в себе возможности, нами не подозреваемые».

Отношение к Гумилеву в литературных кругах того времени было не слишком благожелательным. Об этом прямо и откровенно пишет сам поэт в письме Брюсову от 8 января 1907 года:

«Я имел к Зинаиде Николаевне Мережковской рекомендательное письмо от ее знакомой писательницы Микулич, и однажды днем я отправился к ней. Войдя, я отдал письмо и был введен в гостиную. Там, кроме Зинаиды Ник., были еще Философов, Андрей Белый и Мережковский. Последний почти тотчас скрылся, остальные присутствующие отнеслись ко мне очень мило, и Философов начал меня расспрашивать о моих философско-политических убеждениях. Я смутился потому, чтобы рассказать мое мировоззрение стройно и связно, потребовалась бы целая речь, а это было невозможно... Я отвечал, как мог, отрывая от своей системы клочки мыслей, неясные и недосказанные. Но, очевидно, желание общества было подвести меня под какую-нибудь рамку. Сначала меня сочли мистическим анархистом — оказалось неправильно. Учеником Вячеслава Иванова — тоже. Последователем Соллогуба — тоже. Наконец сравнили с каким-то французским поэтом Бетнуаром или что-то в этом роде... На мою беду, в эту минуту вошел хозяин дома Мережковский, и Зинаида Ник. сказала ему: «Ты знаешь, Николай Степанович напоминает Бетнуара». Это было моей гибелью. Мережковский положил руки в карманы, встал у стены и начал отрывисто и в нос: «Вы, голубчик, не туда попали! Вам не здесь место! Знакомство с вами ничего не даст ни вам, ни нам. Говорить о пустяках совестно. А в серьезных вопросах мы не сойдемся. Единственное, что мы могли бы сделать, это спасти вас, так как вы стоите над пропастью. Но это ведь...» Тут он остановился. Я добавил тоном вопроса: «Дело не интересное?» И он откровенно ответил: «Да», и повернулся ко мне спиной. Чтобы сгладить эту неловкость, я сидел еще минуты три, потом стал прощаться. Никто меня не удерживал, никто не приглашал. В переднюю, очевидно из жалости, меня проводил Андрей Белый».

А вот как об этом визите пишет Гиппиус в своем письме от 8 января 1907 года, адресованном Брюсову («Литературное наследство»):

«О, Валерий Яковлевич! Какая ведьма «собрала» Вас с ним (Гумилевым. — В. К.). Да видели ли Вы уже его? (К тому времени Брюсов с Гумилевым лично еще не встречался. — В. К.). Мы прямо пали. Боря имел силы издеваться над ним, а я была поражена параличом. 20 лет, вид бледно-голубой, сентенции — старые, как шляпка вдовницы, едущей на Драгомиловское. Ньюхет эфир (спохватился!) и говорит, что он один может изменить мир. «До меня были попытки... Будда, Христос... Но неудачные». После того, как он надел цилиндр и ушел, я нашла № «Весов» с его стихами, желая хоть гениальностью его строк оправдать Ваше влечение, и не могла. Неоспоримая дрянь. Даже теперь, когда так легко и многие пишут хорошие стихи, — выдающаяся дрянь. Чем, о, чем он вас пленил?»

Не получив признания в кружке Мережковских, Гумилев все же находит себе близкое литературное общество. В Царском Селе он часто встречается с И. Ф. Анненским,

знакомится с С. К. Маковским. Маковский основал журнал «Аполлон». Журнал начал выходить в октябре 1909 года. А 30 ноября того же года внезапно, от разрыва сердца, на вокзале в Петербурге умер Анненский. С этого времени Гумилев стал одним из главных помощников Маковского по журналу, и не только помощником по делам издания, но и как бы штатным поэтическим критиком. В течение нескольких лет он печатает в «Аполлоне» ряд статей о русской поэзии.

Так появился критик, занимающийся специально поэзией, что не часто бывало в нашей литературе. Причем этим критиком был не сухой аналитик, а человек обладающий поэтическим даром, эмоциональным восприятием поэзии, знаток и уже мастер техники стихосложения. Гумилев успел создать целую серию статей о ведущих поэтах начала XX века — о В. Брюсове, Ф. Соллогубе, К. Бальмонте, Андрее Белом, С. Городецком, И. Бунине, Вяч. Иванове, А. Блоке, Н. Клюеве, М. Цветаевой, О. Мандельштаме и других своих современниках.

Разумеется, критические статьи Гумилева выражают прежде всего его личный вкус, его симпатии и антипатии. Но именно эти личные пристрастия помогают нам представить разнообразие мнений и суждений, существовавших в то время, создают полноту картины литературной жизни той эпохи.

В эти же годы Гумилев опубликовал в «Аполлоне» своеобразные теоретические работы: «Жизнь стиха», «Наследие символизма и акмеизм», «Анатомия стихотворения». Им были написаны также статьи о французской поэзии XIX века, о Теофиле Готье, Верхарне, о французских народных песнях и другие.

25 апреля 1910 года Гумилев женился на Анне Андреевне Горенко, с которой, как уже говорилось, он познакомился в юности в Царском Селе. Общение их все эти годы не прекращалось. По привычным представлениям, у людей, наделенных такими возвышенными поэтическими душами, и любовь должна быть какой-то особенной. Но, увы, не всегда так бывает...

В № 9 «Нового мира» 1986 года публикуются девять писем Анны Ахматовой, относящихся именно к периоду, предшествовавшему замужеству. Анна Андреевна тяжело болела, лечилась в Крыму. Болезнь легких осложнялась еще безответной любовью к Владимиру Голенищеву-Кутузову, тогда студенту факультета восточных языков Петербургского университета.

Вот что пишет Анна Ахматова в письме 1906 года о своем состоянии:

«...Будет ли Кутузов на рождество в Петербурге... От мысли, что моя поездка может не состояться, я заболела... у меня жар, сердцебиение, невыносимые головные боли... Я не сплю уже четвертую ночь... я вчера упала в обморок на ковер, никого не было в целой квартире... Какая я жалкая и ненужная. Главное не нужна, никому никогда. Умереть легко... Я в Евпатории вешалась, и гвоздь выскочил из известковой стены... Света нет. Стихов я не пишу. Стыдно? Да и зачем? Отвечайте же скорее о Кутузове. Он для меня — все».

И уже считая себя невестой Гумилева, она не расстается с фотографией Кутузова. «...Он здесь со мной... я могу его видеть — это так безумно хорошо... Я не смогу оторвать от него душу мою. Я отравлена на всю жизнь, горек яд неразделенной любви! Смогу ли я снова начать жить? Конечно, нет! Но Гумилев — моя судьба, и я покорно отдаюсь ей. Не осуждайте меня, если можете. Я илюнусь вам всем для меня святым, что этот несчастный человек будет счастлив со мной».

После венчания молодожены отправились в свадебное путешествие, и, наверное, не случайно они выбрали для этого милый их сердцу Париж. Возвратились они из заграничной поездки осенью. Гумилев, несмотря на то, что уже стал довольно известным писателем и женатым человеком, все еще не расстался со своей непоседливостью, стремлением к приключениям. Осенью этого же года он, оставив дома молодую жену, уезжает в новое путешествие в Африку. На этот раз он побывал в далеких и малодоступных по тем временам местах Абиссинии.

В том же 1910 году у Гумилева вышла новая, третья книга стихов. Назвал он ее в духе традиции «Жемчуга». Надо сказать, что это, пожалуй, первая книга,

Н. С. Гумилев, А. А. Ахматова с сыном Львом.

принесшая ему широкую популярность. На книге значилось: «Посвящается моему учителю Валерию Брюсову», — однако в новом издании, в 1918 году, это посвящение было снято. В издании 1910 года было четыре раздела: «Жемчуг черный», «Жемчуг серый», «Жемчуг розовый» и «Романтические цветы». В последний было включено несколько стихотворений из одноименного сборника. (Кстати, первое издание «Романтических цветов» в 1908 году вышло с посвящением: «Анне Андреевне Горенко».)

Валерий Брюсов напечатал в «Русской мысли» рецензию и на новую книгу поэта. Как и в прошлых рецензиях, Брюсов оставался и строгим и требовательным, но все-таки доброжелательным учителем. Он писал об авторе:

«Живет в мире воображаемом и почти призрачном. Он как-то чуждается современности, он сам создает для себя страны и населяет их им самим сотворенными существами: людьми, зверями, демонами. В этих странах — можно сказать, в этих мирах — явление подчиняется не обычным законам природы, но новым, которым повелел существовать поэт; и люди в них живут и действуют не по законам обычной психологии, но по странным, необычным напризам, подсказываемым автором-суфлером».

В этих словах справедливо отмечены как достоинства, так и недостатки поэзии Гумилева. И на этот раз Брюсов особенно подчеркивает рост мастерства поэта в области формы:

«Н. Гумилев медленно, но уверенно идет к полному мастерству в области формы. Почти все его стихотворения написаны прекрасно, обдуманно и утонченно звучащим стихом. Н. Гумилев не создал никакой манеры письма, но, заимствовав приемы стихотворной техники у своих предшественников, он сумел их усовершенствовать, развить, углубить, что, быть может, надо признать даже большей заслугой, чем искание новых форм, слишком часто ведущее к плачевным неудачам».

Характерную особенность направления развития таланта Гумилева отметил в своей рецензии на «Жемчуга» Вячеслав Иванов в «Аполлоне»:

«Когда действительный, страданием и любовью купленный опыт души разорвет завесы, еще обволакивающие перед взором поэта реальность мира, тогда разделятся в нем «суша и вода», тогда его лирический эпос станет объективным эпосом и чистою лирикой — его скрытый лиризм, — тогда впервые будет он принадлежать жизни».

Это было правильным предсказанием, стихи давали для него все основания. Но, реалистическое отношение к миру появилось только в последнем прижизненном сборнике стихов поэта, однако об этом позже.

Гумилев и Ахматова, возвратясь из свадебного путешествия, поселились на лето в деревне Слепнево, неподалеку от имения Неведомских, с которыми молодожены очень подружились. Они встречались почти ежедневно. В своих воспоминаниях, написанных в более поздние годы, Неведомская рассказала, как они весело проводили вместе время, и о том, каким большим выдумщиком на всякие развлечения был Гумилев. Часто шумной компанией они отправлялись на конные прогулки.

Вот как об этом пишет Неведомская: «Николай Степанович ездить верхом, собственно говоря, не умел, но у него было полное отсутствие страха. Он садился на любую лошадь, становился на седло и проделывал самые головомные упражнения. Высота барьера его никогда не останавливала, и он не раз падал вместе с лошадей».

Во время конных прогулок Гумилев затеивал игру в цирк, проделывал разные фокусы на коне да и других заставлял становиться циркачами. Устраивались даже танцы на канате, хождение колесом и многое другое. Неведомская вспоминает: «Ахматова выступала как «женщина-змея»: гибкость у нее была удивительная — она легко закидывала ногу за шею, касалась затылком пяток, сохраняя при этом всем это строгое лицо послушницы». Очень трудно нам, современникам, помнящим величественную, царственную Анну Ахматову, представить ее в роли гуттаперчевой женщины. Но молодость есть молодость!

В своих воспоминаниях Неведомская говорит, что в характере Гумилева «была черта, заставляющая его искать и создавать рискованные положения...». Отмечает она и его влечение к опасности чисто физической. Хочу еще обратить внимание на слова Неведомской о том, что у Гумилева было «пол-

ное отсутствие страха», потому что мы приближаемся к годам войны, в которые эти черты характера Гумилева проявятся с особенной силой.

В 1911 году у Гумилевых родился сын Лев. Лев Николаевич Гумилев стал известным советским ученым-историком, ныне живет и трудится в Ленинграде.

Судьба сына Гумилева была очень трудной. Много лет он находился под арестом. После XX съезда партии Ахматова обратилась к Фадееву с просьбой «ускорить рассмотрение дела ее сына» и помочь восстановить справедливость. В журнале «Новый мир» № 12 за 1961 год опубликовано письмо А. А. Фадеева от 2 марта 1956 года, в котором он просил Главного военного прокурора пересмотреть дело Льва Гумилева. При этом он подчеркивал следующее обстоятельство: «При разбирательстве дела Л. Н. Гумилева необходимо также учесть, что (несмотря на то, что ему было всего 9 лет, когда его отца Н. Гумилева уже не стало), он, Лев Гумилев, как сын Н. Гумилева и А. Ахматовой всегда мог представить «удобный» материал для всех карьеристских и враждебных элементов для возведения на него любых обвинений. Думаю, что есть полная возможность разобраться в его деле объективно».

Вскоре Л. Н. Гумилев был освобожден. Он стал работать в Азиатском отделе Эр-

ставшие своеобразным манифестом, которым провозгласили, что на смену символизму идет акмеизм.

Вскоре Гумилев стал признанным лидером нового литературного течения, которое противопоставляло себя не только символизму, но и нарождавшемуся тогда футуризму.

Свой отход от символизма новая группа объясняла неудовлетворенностью его поэтической и смысловой направленностью. Гумилев писал по этому поводу:

«Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого. Попеременно он брался то с мистицизмом, то с теософией, то с оккультизмом». А между тем, утверждал Гумилев, «непознаваемое по самому смыслу этого слова нельзя познать... Все попытки в этом направлении нецеломудренны... Детски мудрое, до боли сладкое ощущение собственного незнания — вот то, что нам дает неведомое...». Сергей Городецкий в своем выступлении так характеризовал новое направление: «Борьба между акмеизмом и символизмом... есть прежде всего борьба за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу планету Землю... После всяких «неприятностей» мир бесповоротно принят акмеизмом во всей совокупности красот и безобразий».

Широкие и многообещающие заверения звучали притягательно, но, прямо скажем, название «акмеизм» было туманно и мало что говорило о сути нового литературного течения. Широковещательные заявления молодых поэтов еще не означали прихода нового реализма в поэзию. Обещая показать

Н. С. Гумилев, З. И. Гржебин и А. А. Блок. Петроград. 1919 год.

митажа. В 1960 году Институт востоковедения Академии наук СССР опубликовал его большой труд «Хунну: Средняя Азия и древние времена». Это история ранних гуннов. Сейчас доктор исторических наук, профессор Л. Н. Гумилев ведет большую научную и педагогическую работу. Он автор многих научных трудов и книг.

Однако вернемся к тому счастливому дню, когда у молодых супругов родился сын Лев.

Полный творческих сил, к тому же как критик более глубоко осмысливший пути развития отечественной поэзии, Николай Гумилев ищет возможность как-то организационно объединить поэтов, близких ему по взглядам, по творческому направлению. Так родился «Цех поэтов». В него вошли многие известные поэты.

В те годы внутри символизма наметился кризис, между символистами шли жаркие споры, и в этих спорах Блок, Вяч. Иванов и Валерий Брюсов оказались в разных лагерях. А через два года, в 1913 году, в № 1 «Аполлона» Николай Гумилев и Сергей Городецкий опубликовали две статьи,

в полном объеме богатство и разнообразие жизни, основатели нового течения в своих стихах сохранили и субъективность, и келейность, и крайний индивидуализм, потому что все это очень глубоко вошло в их творчество. У представителей акмеизма, таких, как Анна Ахматова, Мандельштам, Городецкий и сам Гумилев, осталось у каждого свое, не всегда реалистическое отношение к жизни, к отображению ее.

Акмеистские принципы в творчестве Гумилева, как он считал, выразились в новом его сборнике «Чужое небо», вышедшем в 1912 году. Кроме своих стихов, Гумилев включил в этот сборник переводы четырех стихотворений Теофила Готье.

Стихотворение «Искусство», можно сказать, наиболее ярко выражает суть акмеизма.

Создание тем прекрасней,
Чем взятый материал.
Бесстрастней —
Стих, мрамор или металл.

Прочь легкие приемы,
Вашмак по всем ногам,
Знакомый

И нищим, и богам.

Твори сирен зеленых
С усмешкой на губах.
Склоненных
Чудовищ на гербах.

И сами боги тленны,
Но стих не кончит петь,
Надменный,
Властительней, чем медь...

Гумилев настолько увлекся и полюбил Готье, что через два года он выпустил целый том переводов из Готье — «Эмали и камень».

Валерий Брюсов отнесся ко вновь возникшему течению не просто критически, а скорее даже иронически. В статье «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм», напечатанной в «Русской мысли» в 1913 году, Брюсов писал: «Мы уверены, или по крайней мере надеемся, что и Н. Гумилев, и С. Городецкий, и Анна Ахматова останутся и в будущем хорошими поэтами и будут писать хорошие стихи. Но мы желали бы, чтобы они, все трое, скорее отказались от бесплодного притязания образовывать какую-то школу акмеизма. Их творчеству вряд ли могут быть полезны их сбивчивые теории, а для развития иных молодых поэтов проповедь акмеизма может и прямо вредна... Писать... стихи, применяясь к заранее выработанной теории, притом столь неосновательной, как теория акмеизма, — злейшая опасность для молодых дарований. Впрочем, вряд ли эта опасность длительна. Все-го вероятнее, через год или два не останется никакого акмеизма. Исчезнет самое его имя»...

Брюсов был, конечно, прав — теоретические основы акмеизма действительно были весьма шаткими. Но все же это течение сыграло свою роль в преодолении символизма. Как и предвидел Брюсов, вскоре и сами акмеисты разошлись во взглядах, и течение иссякло, оно осталось теперь уже только в литературоведческих анналах.

В 1912 году Гумилев ездил в Италию, где получил много свежих впечатлений; они породили новые стихи, которые он публиковал в «Русской мысли».

В 1913 году Гумилев предпринимает еще одно путешествие в милую его сердцу Африку, на этот раз он возглавляет научную экспедицию Академии наук. В результате этого путешествия, естественно, родились новые стихи. Симпатии Гумилева при его поездках по Африке однозначны. Тут никаких кривотолков быть не может, и никаких изысканий и исследований проделывать нет надобности. Я приведу только одну из его абиссинских песен, в которой отчетливо видна позиция автора.

НЕВОЛЬНИЧЬЯ

По утрам просыпаются птицы,
Выбегают в поле газели,
И выходит из шатра европеец.
Размахивая длинным бичом.
Он садится под тенью пальмы,
Обернув лицо зеленой вуалью,
Ставит рядом с собою бутылку виски
И хлещет лентящихся рабов.

Слава нашему хозяину европейцу,
У него такие дальнобойные ружья,
У него такая острая сабля
И так больно хлещущий бич!
Слава нашему хозяину европейцу,
Он храбр, но он недогадлив,
У него такое нежное тело,
Его сладко будет пронзить ножом!

И в очерке, посвященном поездке, Гумилев с большим сочувствием говорит о том, как абиссинцы отстаивают свою независимость. Он с горечью пишет о судьбе «самой большой независимой страны в Африке, страны с пятнадцатью миллионами населения, древней православной Абиссинии», о том разделе страны, который планировали европейские колонизаторы: «Этот раздел уже решен, и по тайному соглашению французы получают восточные области, итальянцы северные и часть южных, англичане все остальное...» Далее Гумилев пишет, что в противовес колонизаторам Абиссинии, кроме императора и министров, есть и новые силы, способные бороться и отстоять независимость страны: «Европейские школы, которые уже есть в Абиссинии, выпускают ряд людей, способных к управлению и понимающих опасности, грозящие их стране, и она

останется независимой еще много веков, чего, конечно, заслуживает вполне».

1914 год, такой трагический для всей Европы из-за начавшейся летом первой мировой войны, был небезоблачным и для Гумилева, и прежде всего лично. Во-первых, у него наметился разрыв с женой, Анной Ахматовой, вот как об этом сказано в стихотворении «Пятистопные ямбы»:

Сказала ты, задумчивая, строго:
— «Я верила, любила слишком много,
А уйду, не веря, не любя,
И пред лицом Всевидящего Бога,
Быть может, самое себя губя,
Навек я отрекаюсь от тебя».—

И ты ушла в простом и темном платье,
Похожая на древнее Распятые.

Незадолго перед войной в Петрограде произошла ссора между Гумилевым и поэтом Волошиным. Размолвка поэтов оказалась настолько острой, что привела к дуэли. Причина была случайной, до ссоры Гумилев и Волошин были приятелями, в день ссоры они пришли в мастерскую художника А. Я. Головина, не подозревая, что уйдут отсюда врагами. Но поскольку была дуэль, и главное, чтобы не возникло по поводу причины каких-то кривотолков (спустя столько лет это вполне возможно), наверное, надо хотя бы коротко рассказать, из-за чего произошла ссора.

Молодая учительница Елизавета Дмитриева писала стихи, но рукописи ей редакции возвращали. Максимилиан Волошин посоветовал ей послать стихи в «Аполлон», где благосклонно относились к молодым поэтам. Но и редактор «Аполлона», Сергей Маковский (сын известного художника), возвратил рукопись. Тогда Волошин придумал мистификацию: он правил новые стихи Дмитриевой, и она отсылала их почтой в «Аполлон», а подписываться стала и по телефону называлась Черубиной де Габриак. Стихи нравились, их публиковали (и это естественно, писать их помогал Волошин). И вот однажды Гумилев в мастерской Головина недоброжелательно отозвался о Дмитриевой. Волошин оскорбил за это Гумилева. Ссора произошла в присутствии Блока, Шаляпина, Алексея Толстого и других петербургских писателей. Гордый и самолюбивый Гумилев был настолько оскорблен, что настаивал стреляться до смерти одного из противников, для чего определил расстояние между стреляющимися в пять метров. С большим трудом секундантам удалось уговорить Гумилева на расстояние в пятнадцать метров, которое тоже, прямо скажем, для умеющего стрелять дает возможность наверняка убить противника. Соперники приехали на автомобилях за город в условленный утренний час. Секундант, А. Н. Толстой, стал шагами отмеривать расстояние. Гумилев сказал, что он делает слишком широкие шаги. Пришлось перемеривать.

Противники заняли свои места. Гумилев сбросил шубу на снег, остался в скюртуке и в цилиндре. Волошин сбросил шапку, стоял, расставив ноги для упора. Как и полагалось, секунданты перед выстрелами в последний раз предложили помириться. Гумилев коротко бросил: «Я приехал драться, а не мириться». Толстой начал считать: «Раз, два, три!» Гумилев выстрелил, но в противника не попал — промахнулся или не хотел попадать, может быть, вспомнив в эту минуту, сколько прекрасных писателей Россия потеряла из-за таких роковых поединков. Потерянный выстрел не последовал, пистолет Волошина дал осечку. «Пускай стреляет во второй раз», — согласился Гумилев. В черном скюртуке и цилиндре он был хорошей мишенью, стоял гордо выпрямившись.

Волошин поднял пистолет. Прицелился. Но и на этот раз — щелчок, выстрел не последовал. Опять осечка! «Я требую третьего выстрела!» — настаивал Гумилев. Секунданты посовещались и не дали согласия на третий выстрел, решив, что это будет уже недопустимым нарушением правил. Гумилев поднял свою шубу и, безмолвный, гордый, ушел к автомобилю.

Так на дуэли двух мужчин-поэтов погибла мифическая женщина-поэтесса Черубина

де Габриак, потому что после этого случая она перестала существовать. Е. И. Дмитриева (позднее Васильева) так и не выросла в крупную поэтессу, более успешно она занималась драматургией и педагогикой.

Гумилев всегда тяготел к битвам, подвигам, оружию, поэтому начало войны он встретил не как беду, а как возможность отличиться в делах ратных. Он не понимал империалистической сущности первой мировой войны, бед и несчастий, которые она приносила народам, брошенным в огонь боев ради передела сфер влияния и наживы буржуазии, а также территориальных притязаний императорских фамилий. Горячий патриот и монархист, Гумилев воспринял эту войну в точном соответствии с призывом официальных властей постоять за отечество и защитить его от врагов. В первый же месяц войны Гумилев стал вольноопределяющимся, как тогда называли людей, добровольно вступающих в армию. Кстати, этот его шаг отразился в стихах, в тех же «Пятистопных ямбах»:

И в реве человеческой толпы,
В гудении проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь своей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: буди, буди.
Солдаты громко пели, и слова
Невнятные были, сердце их ловило:
— «Скорей вперед! Могила так могила!
Нам ложем будет свежая трава,
А пологом — зеленая листва,
Союзником — архангельская сила».
Так сладко эта песнь лилась, маня,
Что я пошел, и приняли меня
И дали мне винтовку и коня,
И поле, полное врагов могучих,
Гудящих грозно бомб и пуль певучих,
И небо в молниенных и рдяных тучах.

Так 24 августа 1914 года Николай Степанович Гумилев стал добровольцем лейб-гвардии уланского полка, в который был зачислен на правах вольноопределяющегося. Гумилев сделал все, чтобы немедленно попасть в действующую армию.

Все время пребывания на фронте Николай Гумилев был (по нашей современной терминологии) войсковым разведчиком, он служил во взводе конной разведки и прошел через многие опасности, трудности и приключения, связанные с этой службой. Но он не забывал и о том, что он писатель; наряду со стихами, которые накапливались в душе и постепенно складывались в книгу, Гумилев писал и прозу. Это были «Записки кавалериста», они печатались в газете «Биржевые ведомости» начиная с февраля 1915 по январь 1916 года. Записки эти сопровождалась пометкой «От нашего специального военного корреспондента». В них Гумилев не просто описывал военные действия на своем участке фронта, он рассказывал и о личных впечатлениях и переживаниях, о своем участии в разведывательных вылазках, о боях, которые он видел сам. В этой прозе, как и в стихах, по-прежнему сказывается романтический характер его творчества. Все трудности войны, о которых он писал, — и холод, и грязь, и смерть — он изображал все-таки больше в романтическом свете. Ему нравится и опасность и то щекотание нервов, которое он испытывает при выполнении заданий. Он не думает, ради чего все это вершится, в чем действительно состоит благо отечества.

Мне, как войсковому разведчику в годы Великой Отечественной войны понятны дела и переживания Гумилева в те далекие времена. Во многом его ощущения схожи с тем, что доводилось переживать и нам. Я могу с полной уверенностью сказать, что Гумилев был настоящий войсковой разведчик в лучшем смысле этого слова — смелый, увлекающийся, дерзкий, веселый и, несмотря на свое поэтическое свободолобие, дисциплинированный воин. Приведу лишь несколько примеров из его записок, подтверждающих высказанное мною выше о чертах его характера на войне. Вот середина описания одной из вылазок «охотников»:

«Вдруг ползущий передо мной остановился, и я с размаху ткнулся лицом в широкие и грязные подошвы его сапог. По лихорадочным движениям я понял, что он высвобождает из ветвей свою винтовку. А за его плечом на небольшой, темной поляне, шагах в пятнадцати, не дальше, я увидел немцев. Их было двое, очевидно, случайно отошедших от своих: один — в

мягкой шапочке, другой — в наске, покрытой суконным чехлом. Они рассматривали какую-то вещьцу, монету или часы, держа ее в руках... Оба держали у плеча винтовки с примкнутыми штыками. Только на охоте за крупным зверем, леопардами, буйволами, я испытывал то же чувство, когда тревога за себя сменяется боязнью упустить великолепную добычу. Лежа я подтянул свою винтовку, отвел предохранитель, прицелился в самую середину туловища того, кто был в наске, и нажал спуск. Выстрел оглушительно пронесся по лесу. Немец опрокинулся на спину, как от сильного толчка в грудь, не крикнув, не взмахнув руками, а его товарищ как будто согнулся и как кошка бросился в лес. Над моим ухом раздалось еще два выстрела, и он упал в кусты, так что видны были только его ноги.

«А теперь айда!» — шепнул взводный с веселым и взволнованным лицом, и мы побежали. Лес вокруг нас ожил. Гремели выстрелы, скакали кони, слышалась команда на немецком языке. Мы добежали до опушки, но не в том месте, откуда пришли, а много ближе к врагу. Надо было перебежать к перелеску, где, по всей вероятности, стояли неприятельские посты.

После короткого совещания было решено, что я пойду первым, и если буду ранен, то мои товарищи, которые бегали гораздо лучше меня, подхватят меня и унесут. Я наметил себе на полпути стог сена и добрался до него без помехи. Дальше приходилось идти прямо на предполагаемого врага. Я пошел, согнувшись и ожидая каждую минуту получить пулю вроде той, которую сам только что послал неудачливому немцу. И прямо передо мной в перелеске я увидел лисицу. Пушистый красновато-бурый зверь грациозно и неторопливо скользил между стволов. Нечасто в жизни мне приходилось испытывать такую чистую, простую и сильную радость. Где есть лисица, там, наверное, нет людей. Путь к нашему отступлению свободен».

Могу засвидетельствовать: все здесь достоверно и правдоподобно. Не раз я испытывал подобное описанному в этом отрывке — и ту «боязню упустить великолепную добычу», и тот молодой азарт, который охватывает разведчика, заставляя его забывать об опасности и даже смерти, который охватывал нас при погонях за нами противника. И даже чисто тактический прием: уходить от погони, не удаляясь от противника, а, немного отбежав в сторону, идти поближе к позициям противника, что вводит в заблуждение преследователей, которые всегда думают, что убегающий стремится только к своим позициям. И вот то, что группа в момент преследования шла не в сторону своих позиций, а ближе к немецким, это подчеркивает их опытность и умелость. И очень точно передано ощущение, когда приближаешься к тому месту, в котором может оказаться враг, и ждешь неожиданного рокового для себя выстрела. И, наконец, совершенно достоверное описание «простой и сильной радости» после того, когда опасность миновала, когда становится ясно, что ты остался жив и что все трудности позади.

А вот другой случай: «Вызвали охотников идти в ночную пешую разведку, очень опасную, как наставлял офицер».

Человек десять порасторопнее вышли сразу; остальные, потоптавшись, объявили, что они тоже хотят идти и только стыдятся напрашиваться. Тогда решили, что взводный назначит охотников. И таким образом были выбраны восемь человек, опять-таки побойчее. В числе их оказался и я...

Мы решили пробраться в деревню и, если возможно, забрать какого-нибудь разведчика живьем. Светила полная луна, но, на наше счастье, — она то и дело сыривалась за тучами. Выждав одно из таких затмений, мы, согнувшись, гуськом побежали в деревню, но не по дороге, а в канаве, идущей вдоль нее. У околицы остановились. Отряд должен был оставаться здесь и ждать, двум охотникам предлагалось пройти по деревне и посмотреть, что делается за ней. Пошли я и один запасной унтер-офицер, прежде вежливый служитель в каком-то казенном учреждении, теперь один из храбрейших солдат считающегося боевым эскадрона. Он по одной стороне улицы, а я по другой. По свистку мы должны были возвращаться назад.

Вот я совсем один, посреди молчаливой, словно притаившейся деревни, из-за угла одного из домов перебегаю к углу следующего. Шагах в пятидесяти мелькает крадущаяся фигура. Это мой товарищ. Из самолюбия я стараюсь идти вперед него, но слишком торопиться все-таки страшно... В ту же минуту передо мной вырывается человеческая фигура. Она вглядывается в меня и тихонько свистит каким-то особенным, очевидно, условным свистом. Это враг, столкновение неизбежно. Во мне лишь одна мысль, живая и могучая, как страсть, как бешенство, как экстаз: я его или он меня? Он нерешительно поднимает винтовку, я знаю, что мне стрелять нельзя, врагов много поблизости, и бросаюсь вперед с опущенным штыком. Мгновение — и передо мной никого. Может быть, враг присел на землю, может быть, отскочил. Я останавливаюсь и начинаю всматриваться. Что-то чернеет. Я приближаюсь и трогаю штыком — нет, это бревно. Что-то чернеет опять. Вдруг сбоку от меня раздается необычайно громкий выстрел, и пуля ноет обидно близко перед моим лицом. Я оборачиваюсь, в моем распоряжении несколько секунд, пока враг будет менять

патрон в магазине винтовки. Но уже из окопов слышится противное харканье выстрелов — тра, тра, тра, и пули свистят, ноют, визжат.

Я побежал к своему отряду. Особенного страха я не испытывал, я знал, что ночная стрельба недействительна, и мне только хотелось сделать все как можно правильнее и лучше. Поэтому, когда луна осветила поле, я бросился ничком и так отполз в тень домов, там уже идти было почти безопасно. Мой товарищ, унтер-офицер, возвратился одновременно со мной. Он еще не дошел до края деревни, когда началась стрельба. Мы вернулись к коням. В одинокой халупе обменялись впечатлениями, поужинали хлебом и салом, офицер написал и отправил донесение, и мы вышли опять посмотреть, нельзя ли что-нибудь устроить. Но увыл — ночной ветер в ключья изорвал тучи, круглая, красноватая луна опустилась над неприятельскими позициями и слепила нам глаза, нас было видно, как на ладони, мы не видели ничего. Мы готовы были плакать с досады и, назло судьбе, все-таки поползли в сторону неприятеля. Луна могла же опять скрыться, или мог же нам встретиться какой-нибудь шальной разведчик! Однако ничего этого не случилось, нас только обстреляли, и мы уползли обратно, проклиная лунные эффекты и осторожность немцев. Все же добытые нами сведения пригодились, нас благодарили, и я получил за эту ночь Георгиевский крест».

Еще раз мне хочется засвидетельствовать очень точное описание действий опытных, умелых разведчиков. По нашим понятиям, здесь описана попытка захватить языка и достоверно изложена тактика действий. И даже то, что луну разведчики в той войне ругали за то, что она не позволяет подкрасться незамеченными, и то, что они все же идут, освещенные этой луной, потому что задание надо выполнять, все это необычайно похоже на наши действия. Думаю, что не совсем прав Гумилев в том, что именно за эту ночь ему был дан Георгиевский крест. То, что сведения их пригодились, и то, что они давали командованию возможность узнать, где находится противник, это само собой, но, видимо, крест ему все-таки дали и за многие другие смелые действия, которые предшествовали описанной здесь попытке взять «языка». Одновременно с Георгиевским крестом Гумилев получил звание ефрейтора.

В «Записках кавалериста» таких эпизодов много, по сути дела, они есть в каждой газетной публикации, и мне кажется, что среди них нет ни одного выдуманного, а все пережиты самим Гумилевым. Да, собственно, Гумилев и не скрывается за каким-то другим героем, ведущим рассказ, а напрямую называет свою фамилию. В одном из эпизодов, когда в нейтральной зоне оставался товарищ, именно его, Гумилева, посылает командир искать раненого. «Наконец прискакал и левый дозорный. Он приложил руку к козырьку и молодежато отрапортовал офицеру: «Ваше сиятельство, германец наступает слева... И я ранен». На его бедре виднелась кровь. «Можешь сидеть в седле?» — спросил офицер. «Так точно, пока могу!» «А где же другой дозорный?» «Не могу знать; кажется, он упал». Офицер повернулся ко мне: «Гумилев, поезжайте, посмотрите, что с ним?» Я отдал честь и поехал прямо на выстрелы». Дальше описывается, как Гумилев нашел товарища и, выполнив приказ офицера, вернулся с этим разведчиком к своему взводу.

За отличие в боях Гумилев был произведен в унтер-офицеры, а 25 декабря его награждают вторым Георгиевским крестом уже III степени. Весной, а именно в марте 1916 года, опять-таки за отличие в боях и личное мужество, Николай Гумилев произведен в прапорщики. В те годы прапорщик было офицерским званием и соответствовало нашему сегодняшнему званию младшего лейтенанта. С получением офицерского чина Гумилев получил и новое назначение, в Пятый гусарский Александровский полк, куда он и прибыл в апреле 1916 года.

Несмотря на трудности и опасность, Гумилев все еще не прозрел и, размышляя о войне, находится в угаре шовинистических заблуждений. В письме жене от 16 июля 1915 года он пишет:

«Мы все воюем, хотя теперь и не так ожесточенно. За 6-е и 7-е наша дивизия потеряла до 300 человек при 8 офицерах, и нас перевели верст за пятнадцать в сторону. Здесь тоже беспрерывный бой...

Здесь каждый день берут по несколько сот пленных, все германцев, а уж убивают без счету, здесь отличная артиллерия и без счету снарядов. Солдаты озверели и дерутся прекрасно».

Из письма Ахматовой от 25 июня 1915 г.:

«Ты знаешь, я не шовинист. И, однако, я считаю, что сейчас, несмотря на все отходы, наше положение ничем не хуже, чем в любой из прежних моментов войны. Мне кажется, я начинаю понимать, в чем дело, и больше, чем когда-либо, верю в победу».

И даже мать, переживающую за него, не щадит ослепленный своими страстями (из письма ей от 2 августа 1916 г.):

«Представь себе человек сорон офицеров, несущихся карьерой без дороги, под гору, на гору, через лес, через пашню, и вдобавок берущих препятствия: канавы, валы, барьеры и т. д. Особенно было эффектно одно — посредине очень крутого спуска забор и за ним канава. Последний раз на нем трое перевернулись с лошадыми. Я уже два раза участвовал в этой скачке и ни разу не упал...»

Вот так — триста убитых за два дня, «солдаты озверели», «убивают без счета», трое перевернулись с лошадыми, и все это «эффектно» и с «верой в победу».

В гусарском полку Гумилев был до августа 1916 года, каких-либо описаний и воспоминаний самого Гумилева об этих днях службы нет. Приведу лишь рассказ штаб-ротмистра Посажного:

«Однажды, идя в расположение четвертого эскадрона по открытому месту, штаб-ротмистры Шахназаров, я (Посажный. — В. К.) и прапорщик Гумилев, были неожиданно обстреляны с другого берега Двины немецким пулеметом. Шахназаров и я быстро прыгнули в окоп. Гумилев же нарочно остался на открытом месте и стал зажигать папироску, бравируя своим спокойствием. Зажурив папироску, он затем тоже прыгнул с опасного места в окоп, где командующий эскадрона Шахназаров сильно разнес его за ненужную в подобной обстановке храбрость — стоять без цели на открытом месте под неприятельскими пулями». Этот поступок очень в характере Гумилева, бравада всегда была ему свойственна.

В августе 1916 года прапорщик Гумилев откомандирован в Николаевское кавалерийское училище для держания экзамена на следующий офицерский чин. В этом училище он пробыл до октября 1916 года, но экзамен не выдержал. По каким причинам это произошло, неизвестно, но имеющиеся материалы о том, что в эти месяцы Гумилев оказался в лазарете, дают возможность предположить, что экзамен он не выдержал из-за того, что заболел. Во время лечения в лазарете Гумилев писал стихи и встречался с навещавшими его петербургскими друзьями.

В том же 1916 году вышла пятая по счету книга стихов Гумилева, которую он назвал «Колчан». В нее были включены и некоторые стихи, написанные уже в годы войны.

Вот несколько строк из стихотворения «Наступление»:

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели.
Птиц быстрее взлетают клинки.
Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.
Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.
И так сладко рядить победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымящему следу
Отступающего врага.

Несмотря на то, что Гумилев, как разведчик, прошел через самые опасные рубежи войны — видел не раз смерть в глаза, испытывал все тяготы фронтовой окопной жизни, он не утратил, не растерял своей романтической одухотворенности.

Как мы уже говорили, Гумилев был представителем своего класса, разделял идеи и взгляды того общества, к которому принадлежал, поэтому вполне естественно, что и в его стихах отразились монархические взгляды и соответствующее отношение к войне. Он воспринимает войну как дело справедливое и благородное.

Об этом свидетельствуют хотя бы такие строки:

И в дни прекраснейшей войны,
Которой кланяюсь я земно,
К которой завистью полны
И Александр и Агамемнон,
Когда все лучшее, что в нас
Таилось скупой и сурово.
Вся сила духа, доблесть рас
Свои разрушила оковы...

В мае 1917 года Гумилев получает назначение в экспедиционный корпус, который находился на западе, в расположении союзных войск. Путь Гумилева лежал через

Финляндию, Швецию, Норвегию и Лондон. В Лондоне он задержался на несколько дней, встречался со своими старыми приятелями, и они даже успели познакомиться его с некоторыми английскими литераторами.

В июле 1917 года Гумилев в Париже. Об этой его службе мало что известно, но и малая осведомленность дает мне основание высказать ранее никем не выдвигавшееся предположение, что Гумилев служил в русской разведке. Основанием для такой гипотезы является то, что на фронте он был разведчиком, и то, что в Париже и позднее, в Лондоне, Гумилев был связан с военными атташе. Это предположение я не могу подкрепить неопровержимыми документами, но есть бумаги, косвенно его подтверждающие, хотя бы служебная «Записка об Абиссинии», написанная рукой Гумилева. Это информационный документ, характеризующий мобилизационные возможности Абиссинии для пополнения войск союзников, она Гумилевым так и названа: «Записка относительно могущей представиться возможности набора отряда добровольцев». Подробно и со знанием дела Гумилев излагает мобилизационные возможности абиссинских племен. Записка эта написана Гумилевым на французском языке и, очевидно, использовалась

и одновременно над повестью «Военные братья». Ни Париж, ни Лондон, ни дела и заботы, пережитые здесь, не отразились на литературном творчестве Гумилева, он по-прежнему витает в отвлеченных, придуманных им романтических мирах. Только стихи в альбом Елены Д. были чисто любовной лирикой.

В апреле 1918 года Гумилев покидает Лондон и направляется в Петербург через Мурманск — в то время это был единственный путь в обход фронтов для возвращения на родину.

В мае 1918 года революционные волны бушевали в Петрограде. Но все же самые бурные, самые напряженные дни Октябрьской революции 1917 года и последовавшие за ними революционные перемены произошли, когда Гумилев находился за границей. Многие исследователи его жизни и творчества говорят, что Гумилев был оторван от революционных событий, не понимал их, и поэтому случилось то трагическое событие, которое оборвало его жизнь. На мой взгляд, это предположение не совсем верно. Гумилев, вернувшись на Родину, продолжал жить в своем литературном кругу. В том же году произошел окончательный разрыв с Анной Ахматовой, они

составляет книгу о принципах художественного перевода.

Вскоре после возвращения Гумилев переиздает сборники своих стихов «Романтические цветы» и «Жемчуга», пересмотрев, поправив и дополнив их. В том же 1918 году издан его новый, шестой сборник, «Костер», в который вошли стихи, написанные в 1916—1917 годах.

В 1921 году Гумилев ездил в Крым. В Севастополе он издал сборник «Шатер», куда вошли стихотворения, написанные до 1921 года. В нем преобладают романтические стихи; хотя они и написаны в последние годы, но они в стиле «старого» Гумилева. И посвящение говорит о прежних странствиях Гумилева: «Памяти моего товарища в африканских странах Николая Леонидовича Сверчкова». И сами названия стихотворений напоминают о них же: «Красное море», «Египет», «Сахара», «Суэцкий канал», «Абиссиния», «Замбези» и т. д., и т. п.

В начале двадцатых годов Николай Гумилев был весьма популярен среди поэтов Петрограда. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что именно он, Гумилев, в феврале 1921 года был избран вместо Блока руководителем Петербургского отделения Всероссийского союза поэтов.

Отношения Гумилева и Блока всегда были уважительными, но не были дружескими. Правильнее сказать, что в разные годы они были разные. Вс. Рождественский, присутствовавший при одном из разговоров двух поэтов, пишет следующее:

«Они явно недолюбливали друг друга, но ничем не выказывали своей неприязни. Более того, каждый из разговоров казался тонким поединком вежливости и безукоризненной любезности. Собеседник Блока рассыпался в изощренно иронических комплиментах. Блок слушал сурово и с особенно холодной ясностью, несколько чаще, чем нужно, произносил имя и отчество оппонента, отчеканивая каждую букву, что само по себе звучало чуть ли не оскорблением.

Однажды после долгого и бесплодного спора Гумилев отошел в сторону, явно чем-то раздраженный.

— Вот, смотрите, — сказал он. — Этот человек упрям необыкновенно. Мало того, что он назвал мои стихи «стихами только двух измерений». Он не хочет понимать и самых очевидных истин. В этом разговоре он чуть не вывел меня из равновесия.

— Да, но вы беседовали с ним необычайно почтительно и ничего не могли ему возразить.

— А что бы я мог сделать? Вообразите, что вы разговариваете с живым Лермонтовым. Что бы вы могли ему сказать, о чем с ним спорить?»

В дневниках Блока часто встречается имя Гумилева, чаще всего по поводу их совместной работы в издательстве «Всемирной литературы». В книге К. Чуковского об А. Блоке, в том месте, где он пишет о работе редколлегии этого издательства, сказано, что заседания порой длились целый день. Блок говорил на самих заседаниях немного.

«Чаще всего, — пишет Чуковский, — Блок говорил с Гумилевым. У обоих поэтов шел нескончаемый спор о поэзии. Гумилев со своим обычным бесстрашием нападал на символизм Блока:

— Символисты — просто аферисты. Взяли гирию, написали на ней десять пудов, но выдолбили середину, швыряют гирию и так и смят, а она пустая».

Блок всегда парировал не менее остроумно. Это не были праздные разговоры, пикировка остроумных писателей, спор шел принципиальный, свидетельство тому его публичное продолжение в печати. Вот что в 1921 году А. Блок (уже больной, за три месяца до смерти) пишет в своей статье «Без божества, без вдохновения», почти полностью направленной против теорий и поэзии Гумилева:

«Н. Гумилев вещает: «Поэтом является тот, кто учет все законы, управляющие комплексом взятых им слов. Учтывающий только часть этих законов будет художником-прозаиком, а не учитывающий ничего, кроме идейного содержания слов и их сочетаний, будет литератором, творцом деловой прозы...»

Н. Гумилев и некоторые другие «акмеисты», несомненно, даровитые, топят самих себя в холодном болоте бездушных теорий и всяческого формализма; они спят непробудным сном без сновидений; они не имеют, не желают иметь те представления о русской жизни и о жизни мира вообще; в своей поэзии (а следовательно, и в себе самих) они замалчивают главное, единственно ценное — душу.

Если бы они все развязали себе руки, стали хоть на минуту корявыми, неотесанными, даже уродливыми и оттого больше похожими на свою родную, искаленную, сожженную смутой, развороченную разрухой страну! Да нет, не за-

Н. С. Гумилев и С. М. Городецкий. 1915 год. Публикуется впервые.

как русским, так и французским командованием.

И вот еще одно свидетельство: в Лондоне Гумилев получает деньги на возвращение в Россию не от кого-нибудь, а именно «от военного агента в Великобритании». В документе так и написано: «Выдано взаимнообразно военным агентом в Великобритании прапорщику Гумилеву на возвращение в Россию пятьдесят четыре (54) фунта стерлингов...» И после расчета выдаваемых денег на различные отрезки пути подпись «Помощник военного агента в Великобритании генерал-майор Дьяконов, 10/23 января 1918 года, Лондон».

Наряду с военными делами, Гумилев не бросал и литературные свои занятия. Друзья называли его в то время непоседой, он много бродил по Парижу, который хорошо знал и любил, встречался с земляками, находившимися здесь, и у него даже разгорелась новая любовь к Елене Д. — полуфранцуженке, полурусской. Он называл ее «сией звездой» и написал ей в альбом целый цикл стихов. В Париже, а затем и в Лондоне, Гумилев работал над трагедией на византийские темы «Отравленная туника»

официально оформили свой развод. Но Гумилев не был ни в состоянии подавленности, ни растерянности. Как и положено молодому человеку, он вскоре влюбился и уже на следующий год после развода женился на Анне Николаевне Энгельгард, дочери литератора, которая была очень красива. В 1920 году у молодых супругов родилась дочь Елена.

Гумилев с головой ушел в литературную жизнь, по которой он соскучился за годы войны и пребывания за границей. Он читает лекции, ведет литературные занятия в институте истории искусств и во всевозможных, часто возникавших в те дни студиях. Например, в студии Балтфлота, в Пролеткульте. Он был членом редколлегии издательства «Всемирная литература», которой руководил Горький, редактировал там поэтическую серию, много занимался переводами, перевел балладу Роберта Саути, «Поэму о старом моряке» С. Кольриджа. В те годы вышли «Баллады о Робине Гуде», многие из них переведены Гумилевым, а предисловие написано было Горьким. Вместе с Батюшковым и Чуковским Гумилев

хотят и не сумеют, они хотят быть знатными иностранцами, цеховыми и гильдейными; во всяком случае, говорить с каждым и о каждом из них серьезно можно будет лишь тогда, когда они оставят свои «цехи», отречутся от формализма, проклянут все «эйдолологии» и станут самими собой».

Многие знавшие в эти годы Гумилева говорят о том, что он избегал говорить о политике и не высказывал своих, несомненно, монархических убеждений, но и революцию или всего, что происходило вокруг него в те дни, не осуждал. Он считал себя поэтом, жил литературой, весь был в литературных замыслах, спорах, увлечениях. Да и количество изданных за очень короткое время сборников, сделанных переводов, подготовленных переизданий, выступлений, лекций свидетельствует о том, что Гумилев полностью отдался работе, заботам о семье и старался быть подальше от политики.

Последний сборник стихов, который вышел в 1921 году, Гумилев назвал «Огненный столп». В этот сборник вошли стихи, написанные после возвращения на Родину, в период самых напряженных революционных перемен в России. Здесь стихи уже совсем другого Гумилева. Он отходит от им же придуманного акмеизма. С одной стороны, он становится ближе к реальной жизни, всматривается в нее, старается понять, а, с другой стороны, не понимая эту жизнь, не понимая ее прогрессивных перемен, он опять-таки уходит в иной мир. Но если раньше это был романтический мир героического и прекрасного, то теперь, не находя в окружающих событиях ничего воодушевляющего его лично, поэт уходит в мистику, как бы возвращается к символизму, к его туманности. Первая группа стихов, где Николай Гумилев пристально всматривается в себя — не условного, романтического, а участника всего происходящего, можно проиллюстрировать стихотворением «Память».

Память, ты слабее год от году,
Тот ли это или кто другой
Променил веселую свободу
На священный долгоданный бой.
Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны...
Крикну я... но разве кто поможет,—
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела.

Здесь уже, как видим, и мир реальный, и воспоминания конкретные (даже о двух Георгиях), и думы вытекают тоже из сегодняшних страданий и устремлений.

В этом отношении особенно показательным для состояния духа Гумилева в те дни стихотворение «Заблудившийся трамвай». Уже сам рожденный поэтом образ заблудившегося трамвая, сошедшего с железного, казалось бы, раз навсегда определенного пути, свидетельствует, что в глазах Гумилева его собственная жизнь и вообще вся жизнь сошла с рельсов, что происходит нечто непонятное и странное. А душевное его состояние очень хорошо видно из строфы:

Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет.

Поэт и занят поисками этой Индии Духа, где можно обрести спокойствие, равновесие, почувствовать твердую почву, которая у него явно уходит из-под ног.

Прежняя жизнь, старый мир все еще живут в душе Гумилева, но теперь уже только как сладкие воспоминания. В этом же сборнике мы найдем стихотворения в прежнем роде — «Подражание персидскому», «Пьяный дервиш», «Леопард», «Дева-птица» и другие. Но все это, как говорится, пройденный этап, это только улада для страдающей души. Жизнь с ее трагическими и нелегкими реалиями заставляет Гумилева все чаще и глубже всматриваться в самого себя и осознавать, что же происходит с ним самим и со всем окружающим.

«Огненный столп» Гумилев успел только собрать и подготовить к печати (он посвятил его своей второй жене — Анне Никола-

евне), а вышла книга уже после смерти Гумилева, небольшим тиражом, всего тысяча экземпляров, да в то время вообще тиражи поэтических сборников были небольшие.

В стихотворениях, составивших «Огненный столп», Гумилев, несомненно, достиг вершины поэтического мастерства.

В «Огненном столпе» Гумилев как бы предчувствует, что с ним должно произойти что-то недоброе. Он, как в его стихотворении «Заблудившийся трамвай», не ведает, куда идти. Ему «трудно дышать и больно жить», и он даже не знает, где она, эта «Индия Духа», где можно было бы скрыться от окружающей непонятной и чуждой действительности. Кроме поворота к реальной жизни, к которой Гумилев впервые так вплотную подошел, этот сборник отличен еще большой эмоциональной силой. Прежде в его стихах она тоже чувствовалась, но там она казалась несколько искусственной, восторженно-романтической, теперь же Гумилев пишет из глубины сердца, без всяких фантазий, здесь Гумилев страдающий — страдающий искренне и честно.

Мы подошли к завершающему, самому трудному для описания периоду жизни поэта. Некоторые исследователи объясняют неожиданный конец жизни Гумилева тем, что он не понял происходящего, заблудился в вихре политических событий и революционных перемен и поэтому, якобы не поняв всего этого, случайно попал в число заговорщиков против революции. Другие, наоборот, утверждают, что Гумилев, как человек, не принявший революционные изменения, вполне естественно шел к такой развязке, его участие в заговоре подтверждает это, а другого пути при его убеждениях они просто не видят. Существует еще точка зрения, объясняющая рост «второй популярности» Гумилева не как поэта, а как человека, «безвинно пострадавшего» от Советской власти.

Не берусь выступать в роли арбитра, не зная подробностей дела, не будучи знакомым с материалами следствия, но короткое сообщение в газете, где изложена вина Гумилева, за которую он был осужден, дает основания для некоторых рассуждений.

Гумилев был арестован 3 августа 1921 года по обвинению в участии в заговоре контрреволюционной Петроградской боевой организации, возглавляемой сенатором В. Н. Таганцевым. В «Петроградской правде» 1 сентября 1921 года в статье «О раскрытии в Петрограде заговора против советской власти» говорилось о многих контрреволюционных делах этого заговора и о степени виновности каждого из шестидесяти одного участника.

Повторяю: не берусь судить о степени виновности Гумилева, но и невиновности его суд не установил. В те годы, когда был осужден Гумилев, были и открытые суды (например, в 1924 году судебный процесс по делу Савинкова, проходивший в Москве в Колонном зале, широко освещался в печати, Савинкову была дана возможность выступать на суде и давать письменные материалы для прессы). О заговоре Таганцева тоже, как видим, было подробное сообщение в газете.

Про Гумилева, в частности, сказано следующее:

«Гумилев Николай Степанович, 35 лет, бывший дворянин, филолог, поэт, член коллегии издательства «Всемирная литература», беспартийный, бывший офицер. Участник Петроградской боевой организации, активно содействовал в составлении прокламаций контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент выступления группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности».

Не ставя под сомнение решение суда, хочу высказать просто-логические суждения по поводу обстоятельств, в которых оказался Гумилев.

Он был офицером. Звание накладывает своеобразный отпечаток на поведение, образ жизни и общение людей военных. Советские офицеры отказались от многих традиций, которые не могут быть свойственны Советской Армии. Но мне, бывшему советскому офицеру, понятно, например, почему до революции офицеры за оскорбление словом, не говоря уж об оскорблении дейст-

вием, вызывали на дуэль, лишались жизни, сберегая свою честь. Понимая это, я представляю себе Гумилева, к которому, очевидно, пришли его друзья или бывшие сослуживцы-офицеры и, зная его как человека своего круга, предложили, видимо, участвовать в заговоре и для начала написать прокламацию. Но, насколько мне известно, он эту прокламацию не написал. Не знаю, что ему помешало: не хотел или не успел? Дальше в обвинении сказано «обещал связать». Но обещал, опять-таки исходя из этих чисто офицерских отношений; он просто не мог отказать сотоварищам, даже и не будучи их единомышленником. По старой дружбе обещал. Но в газете ведь не сказано, что он это обещание выполнил. Еще известно, что при аресте у Гумилева были взяты из письменного стола деньги, именно те деньги, которые были ему отпущены «на технические надобности». А если деньги были изъяты, следовательно, Гумилев просто не успел осуществить или оплатить какое-то дело, на которое предназначались эти деньги. Но самое убедительное, на мой взгляд, доказательство вероятной лояльности Гумилева в том, что у него нет антисоветских стихотворений. Ни одного! И это говорит об очень многом. Мне думается, что если даже Гумилев был виноват и если мои мотивы для его реабилитации и неубедительны, то Родина может его помиловать — есть и такая форма прощения пусть даже совершившему преступлению.

Кстати, очень четко и определенно высказывался по этому поводу Константин Симонов:

«...некоторые литераторы предлагали чуть ли не реабилитировать Гумилева через органы советской юстиции, признать его, задним числом, невиновным в том, за что его расстреляли в двадцать первом году. Я лично этой позиции не понимаю и не разделяю. Гумилев участвовал в одном из контрреволюционных заговоров в Петрограде — этот факт установленный... Примем этот факт как данность. История есть история».

Но, назвав все вещи своими именами, издадим при этом избранные стихи Гумилева, потому что он написал много хороших стихов и несколько не враждебных нам стихов и сделал много замечательных переводов и потому что нельзя писать историю русской поэзии XX века, не упоминая о Гумилеве, о его стихах, о его критической работе как автора книги о русской поэзии, о его взаимоотношениях с Блюмом, с Брюсовым, с другими выдающимися поэтами».

Конечно, было много ученых, писателей и военных, которые в грозные дни революции в конце концов поняли смысл происходящих изменений и не только осознали их необходимость, но и перешли на сторону партии, осуществляющей революционные преобразования. Назову только нескольких: писатель граф Алексей Николаевич Толстой, ученый, академик с 1907 года Иван Петрович Павлов, из военной среды — полковник царской армии Александр Ильич Егоров, полковник генерального штаба Борис Михайлович Шапошников — оба впоследствии ставшие Маршалами Советского Союза, тысячи бывших офицеров царской армии.

В общем, не «дело» Гумилева и не степень его виновности хотелось мне проанализировать в этой статье. Главное для меня — личность поэта, который вошел в русскую литературу. Он был, есть и будет жить в ней независимо от любых конъюнктурных, временных наслоений.

Есть стихи Гумилева. Очень многие их помнят и любят, это неоспоримый факт. Свидетельство тому и вышедшие недавно подборки стихов Гумилева в «Литературной России», в журнале «Огонек», письма Ахматовой Гумилеву и его стихи периода его женитьбы на Ахматовой в «Новом мире». Ну, и более солидная дань памяти — книга «Избранное» Н. Гумилева, которая готовится сейчас, в 100-летнюю годовщину со дня рождения поэта.

То, что успел написать Гумилев, осталось в памяти многих и многих, любящих отечественную поэзию. Сто лет — целый век прожил в нашей литературе замечательный, оригинальный поэт Николай Гумилев. Он прожил этот век по-своему, и как поэт, и как человек. И вековой рубеж, который мы отмечаем в этом году, не является, конечно, той гранью, за которой завершится его писательская судьба.

А. Н. Бенуа. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К БАЛЕТУ «ПАВИЛЬОН АРМИДЫ».

Н. С. Гончарова. 1881—1962. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ОПЕРЕ-БАЛЕТУ «ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК».

Л. С. Бакст. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К БАЛЕТУ «ШЕХЕРЕЗАДА».
А. Н. Бенуа. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К БАЛЕТУ «ПЕТРУШКА». ПЕРВАЯ КАРТИНА.

ОРНАМЕНТА ТОНКАЯ НИТЬ

езды на автобусе. Мы очень хотели бы, чтобы в Кубачах открыли филиал какого-нибудь завода, связанного с изготовлением точных приборов. Помещение для этого есть — старое здание комбината. Тогда мы могли бы принимать только самых одаренных.

Долго и кропотлив труд златокузнеца. Гаджибахмуд Магомедов более трех лет создавал вазу. Она сейчас хранится в музее комбината.

— За эту вазу, — рассказывает Гаджибахмуд, — мне заплатили в свое время семь тысяч рублей старыми деньгами. А сейчас никто из молодых не возьмется за такую, заплати ему хоть пятнадцать тысяч, конечно же, новыми. Очень уж сложная, долгая работа... Недавно меня попросили повторить ту вазу. Но повторять неинтересно, приятно делать что-то новое...

Понятно, когда мастер мечтает о шедевре, он не думает, сколько ему заплатят. О том, чтобы оплата труда соответствовала его ценности, должны думать другие и в первую очередь руководители министерств местной промышленности. Всемирно известный мастер Гаджибахмуд Магомедов, проработавший на комбинате более полувека, имеет пятый разряд. Такую же квалификацию может получить и новичок, всего лишь год назад переступивший порог цеха массовой продукции. За смену он выполнит большее количество операций, а значит, и заработает больше, нежели ветеран.

Впрочем, никто из известных мастеров не жаловался на низкие заработки. Их беспокоило другое. Почему молодые слишком часто удовлетворяются малым в своем творчестве? Что останавливает их на пути к совершенству?

У Гаджибахмуда нет на это готового ответа...

— Сейчас ведь так хорошо учат, — говорит он. — В нашей средней школе детям четыре раза в неделю преподают кубачинское искусство. Кроме того, каждый день после уроков школьники занимаются в мастерских. Завершая среднее образование, они получают профессии гравировщика, филигранщика, эмалиера... И на комбинате им все до тонкостей объясняют... А вот когда я учился, некоторые мастера специально отсылали меня куда-нибудь: принеси, мол, очки или инструмент, — чтобы только не показать свою работу.

— Невольно вспоминаются старые времена, — вступает в разговор Расул Алиханов. — Тогда жители аула часто собирались вечерами на базарной площади на так называемый гудикан. Здесь люди беседовали, рассказывали всевозможные истории и, конечно же, оценивали изделия друг друга. Посмотрев на браслет или на украшенную рукоять кинжала, знатоки сразу же называли имя мастера. Такое признание было для златокузнецов дороже денег. Показать плохую работу на гудикане было не просто стыдно — невозможное.

В те времена мастера плохо

одевались, но вещи делали хорошие. А теперь все прекрасно одеваются, но вот истинное мастерство демонстрируют немногие. Мы говорим молодым: «Не надо торопиться». Но увы, желание поскорее приобрести цветной телевизор заставляет их спешить.

Большинство из них трудятся в цехе массовой продукции. Здесь строго определено, какой должна быть каждая вещь по форме, весу... Разумеется, стараются разнообразить орнамент, однако нередко выпускают вещи-близнецы, поскольку тираж этих изделий слишком велик. А копирование противопоказано искусству.

В экспериментальном цехе, где работают самые опытные мастера, простора для творчества больше. Мы разрабатываем образцы, фантазируем, изобретаем. У нас постоянный оклад, мы можем совершенствоваться вещи несколько месяцев, и никто не упрекнет нас за это. Видимо, нужно и для молодых одаренных мастеров создать подобные условия, быть может, даже открыть для них специальный цех. Там будет не так уж много работников: человек десять — пятнадцать, поскольку таланты рождаются нечасто...

После беседы со старыми мастерами я встретился с Магомедгаджи Шайтановым, представителем молодого поколения кубачинских мастеров, успевшим хорошо себя зарекомендовать, и спросил, как он относится к предложению Расула Алиханова.

— Молодежный цех — это как раз то, что нам нужно, — сказал Магомедгаджи. — Занимаясь выпуском массовой продукции, мы все время делаем одно и то же, «набиваем руку» — и становимся ремесленниками.

Мне в этом году доверили сделать сахарницу в виде кубачинского колокола. Вот уже шесть месяцев я гравировал ее. Если бы я старался из-за денег (в нашем цехе сдельная оплата), то выполнил бы этот заказ за месяц.

В будущем году меня обещают перевести в экспериментальный цех. С нетерпением жду этого.

Есть у меня еще одно пожелание, не относящееся впрямую к производству. Я очень хотел бы, чтобы у нас, в Кубачах, был свой стадион, чтобы в нашем единственном спортзале занятия вел опытный специалист.

Ну и, конечно же, поселку нужен кинотеатр. Сейчас фильмы показывают в Доме культуры комбината, где с трудом размещаются двести человек. А живут здесь более двух тысяч.

...Бежит по серебряной поверхности тонкая нить орнамента, входящая из-под штихеля гравировщика. Разве может она прерываться? Нет, конечно. Но чтобы не исказился рисунок, чтобы не потускнели искры огня, одушевляющего его, необходимо очень внимательно отнестись к проблемам златокузнецов, обладающих редчайшим даром соединять орнаментальным узором человеческую суть и с родной природой, и со временем.

Разумеется, никакого плана у саперов нет и быть не может. Но средние цифры вывести нетрудно. В хорошую погоду наряды проверяют до четырех гектаров и находят до 80 взрывоопасных предметов. Получается, что ржавая смерть подстерегает на площади в пять соток! И неизвестно, в каком углу притаилась коварная беда. Ведь не по клеточкам лежат — не шахматы. Разбросаны капризной россыпью.

Впрочем, случается и так. Накрыло, скажем, минометный расчет. Его нерасстрелянный боезапас и донныне тихо ржавеет под землей, год от года становясь все опаснее.

Сапер проверяет буквально каждый сантиметр. Наушники однообразно, даже занудно, но тихо пищат на чистом грунте. А на любой металл отзываются усилением громкости. Бывает, и ведро попадется, и пробитая каска, и винтовка без приклада. Обнаружив предмет шупом, саперы вызывают офицера.

С майором Б. Филем мы продираемся на такой вызов сквозь непроходимый кустарник, по буйной, выше пояса траве. Миновали красный флажок — впереди опасная зона. Она поделена между поисковыми нарядами шлагбаумной окраски лентами.

— Похоже, снаряд, товарищ майор, — предполагает сержант Петухов.

— Проверим, отойдите-ка в сторонку, — отзывается Филь и начинает окапывать предмет. Обнаружить его — задача расчета. Извлечь — обязанность офицера.

— Ты не ошибся, Глеб, — заключает Богдан Иванович и просит сержанта пододвинуть носилки.

Бережно, нежно, чутко — спящего грудничка так не поднимают из колыбели — достает Филь снаряд из логова. Майор опускает его на песок в носилках, и через какое-то время снаряд присоединяется к необычной «коллекции» под кустами.

— Все наши солдаты, как и полагается гвардейцам, предельно внимательны и аккуратны, — рассказывает майор. — Но и среди хороших специалистов всегда выделяются лучшие. Скажем, рядовой Неби Рамзанов из Дагестана. Осенью он уже демобилизуется...

На счету невысокого и скромного, стеснительного паренька сотни обнаруженных и обезвреженных бомб, снарядов, гранат, мин. Его земляки из селения Халаг рядом со знаками солдатской доблести увидят и особо почитаемый саперами «За разминирование».

Награжден им и горьковчанин, сапер-водитель рядовой Алексей Пикин. В кузове его «ЗИЛа» к местам подрыва переправлено более тысячи смертоносных предметов.

Между тем сержант Петухов, надев наушники, снова пошел вперед. Настороженный шаг, сосредоточенность, плавный лёт миноискателя над землей. Сапер чем-то очень похож на косаря, только движется много медленнее. Спешить тут, понятно, нельзя.

— Каждое утро перед выходом на разминирование мы проводим обязательный инструктаж, — говорит офицер подразделения. — Со стороны может показаться, что мы преданные рабы инструкции. Но строгое ее соблюдение — залог

безопасности людей. Ребята должны вернуться домой. Их ждут. В их деле нужна максимальная осторожность. Им приходится сталкиваться не с муляжами и учебными пособиями, а с реальной опасностью. И наглядные примеры здесь недопустимы.

Впрочем, был случай, когда двое молодых и неопытных солдат, обнаружив бутылку с зажигательной смесью, пытались ее откупорить. К счастью, им вовремя помешали. Пришлось на их глазах провести эксперимент — разбить бутылку. Горела земля...

В Зубцовском, Ржевском, других районах Калининской области саперов знают как своеобразную скорую помощь. Ни у кого в Ржеве не вызывает паники, когда в сиянии синих мигалок едет по улицам «ЗИЛ» с надписью «Разминирование». К нему привыкли. Нет, а напомним о себе война. И тогда в Ржевском горвоенкомате появляются заявки. В специальном журнале фиксируются адреса опасных находок. Заводы, фабрики, деревни, школы, жилые районы. В тот день было три заявки.

...Юра Дронов — совсем молодой человек. Он идет по полю, где вчера оборвал пахоту. Из кабины трактора он увидел дно снаряда. И когда вернулся из деревни Бурманцево в общежитие учебного хозяйства СПТУ-38, сообщил о своей находке. Юра еще очень молод, но о войне знает не только по книжкам. С раннего детства его окружали плакаты, предупреждающие об опасности. Они висят везде: в учреждениях, сельсоветах и школах. С раннего детства он слышит о несчастных случаях. И потому он идет по полю в поисках «своего» снаряда. И, найдя его на широкой пашне, он призывно машет рукой...

— Что произошло бы, если б плуг Дронова зацепил снаряд? — спросили мы у майора А. Богатыренко после извлечения предмета.

— Пожалуй, осталась бы только покореженная рама трактора. У этого «сюрприза» солидный заряд. Богатыренко внешне соответствует своей фамилии. Он говорит спокойно и мало. Не спросишь — молчит. Промолчал, к примеру, о том, что несколько недель назад за мужество и отвагу награжден орденом «За службу Родине» III степени. Не пояснил, что награду заслужил за 21 тысячу ВОП, обезвреженных им за последние четыре года. Не поведал Александр Александрович и о том, что здесь, под Ржевом, покоится в братской могиле его дядя.

Последней в ящик с песком, установленный в кузове, легла авиабомба. Небольшая, в общем, размеров, килограммов на пятьдесят, с ушком для крепления, с которого когда-то сорвалась и упала на нашу землю. С маркировкой латинским шрифтом и датой выпуска «1941». К вечеру добычу доставили в старый карьер и взорвали. И снова дрогнула земля, взметнулся куст взрыва, и с сосен посыпались срезанные осколками ветки. Горячий, забуференный на изломе металл шлепался о сырую глину.

Было бы справедливо завершить материал популярной фразой: «Проверено. Мин нет». Но они пока есть. Есть коварный след страшной войны.

Б. РЯЗАНЦЕВ

Снова подтверждается: хуже нет, когда у одного дела два хозяина. Чем завершился эксперимент с семью нянями при одном дитяти, мы в общем и целом знаем. А вот как «закруглятся» новации с вокзальными ресторанами, еще предстоит выяснить.

Одно время представлялось: все определено. Есть указания и распоряжения, проведены семинары и совещания, обменялись опытом и просто разговорами, изданы приказы. Два министерства — торговли и путей сообщения — выяснили свои отношения, и не только на уровне «я тебя уважаю», но и письмами, это уважение подтвержденными, обменялись.

И тут-то в эту гармонию — телефонный звонок. С Казанского вокзала столицы.

— Пыталась зайти в ресторан, не пускают... Покажите, говорят, билет. На поезд. Ресторан обслуживает только пассажиров «нашего направления»...

Чудеса в решете — это мелочь в сравнении с чудесами дорожного общепита... Но чтобы разобраться в этой неразберихе, надо вернуться назад, к первым нашим публикациям на тему ресторан на вокзале. И в чем-то, хоть это и противоречит принятой практике, буквально повторить их. Само дело, логика его развития, беседы с пассажирами, документы и письма, наблюдения и практика некоторых вокзальных ресторанов (в частности в эстонском городке Тапа) подсказали решение: в наше стремительное время, когда на вокзал приходят не накануне отхода поезда и даже не за час-полтора, а за пятнадцать минут до свистка, надобность в медлительном, нерасторопном (вспомним любимую реплику ресторанных официантов: «Хотите быстро, идите в буфет») ресторане никак не сопрягается со скоростями поездов да и с ресурсами пассажирского времени и терпения. Ресторан вальяжен, а пассажир спешит в понятном желании поскорее добраться до места назначения. Беда еще и в том, что эта ресторанный вальяжность не гарантирует ни вкусного обеда, ни чистой посуды. «Вы на вокзале, а не в «Славянском базаре» — еще один типичный посыл.

И пока у редких вокзальных буфетов выстраивались очереди, рестораны пустовали. Во всяком случае, в них бражничали не пассажиры. И вскоре разрыв между двумя составляющими оказался таким, что в щель эту просматривалось все несовершенство дорожного питания.

Об этом и написал «Огонек». Суть: не попробовать ли открыть

На месте вокзальных ресторанов будут открыты экспресс-столовые самообслуживания, быстрые кафе и закусовые — словом, удобные для пассажира предприятия общественного питания. В этом читателей заверяли Министерство путей сообщения и Министерство торговли СССР в ответ на журнальный рейд («Огонек» № 39, 1983) и на предшествующие ему публикации. Но когда редакция спросила о сроках, о том, почему руководители столичных вокзалов прелятствуют Главобщепиту Мосгорисполкома нормально работать на вокзалах, из МПС и из Минторга делового ответа не последовало... Говорят, что министерства что-то согласовывают. А у редких вокзальных буфетов по-прежнему стоят очереди.

вместо (и на месте) огромных ресторанов по два-три экспресс-кафе, по блинной и диетической столовой самообслуживания? Прикинули, посчитали, поговорили со знатоками — выходила солидная экономия времени.

Министерство путей сообщения в категорических тонах поддержало публикацию. Состояние организации общественного питания в вокзальных ресторанах требует принципиального изменения и совершенствования, согласилась с нами депеша из МПС. «По нашему мнению, — писал в редакцию заместитель министра (было это в апреле 1984 года. — К. Б.), — на большинстве вокзалов вместо ресторанов должны быть организованы кафе и буфеты, в которых можно быстро и недорого покушать». Мы уже знакомили читателей с этой точкой зрения; приношу извинения за повтор, он оказался необходим по ходу нынешних рассуждений. И как вещественное доказательство тоже нужен.

Министерство торговли особого восторга предстоящим перепрофилированием своей вокзальной сети не выразило, но все же согласилось. Более того, в Харькове при стечении большого числа специалистов был со всех сторон рассмотрен вопрос «О дальнейшем развитии и совершенствовании организации питания пассажиров на железнодорожном транспорте». И Минторг, и МПС, и Центросоюз, и даже Центральное правление научно-технического общества торговли не спорили друг с другом: надо сделать вокзальный общепит быстрым и удобным не только для самого общепита, но и для пассажира-едока. И посему «продолжить работу по перепрофилированию ресторанов на вокзалах в предприятия быстрого обслуживания».

Министр торговли СССР Г. Ващенко подписал приказ (№ 143 от 25 мая 1984 г.), которым, в частности, предписывалось: «В трехмесячный срок по согласованию с местными исполкомами Советов народных депутатов рассмотреть вопрос о возможности перепрофилирования действующих ресторанов на вокзалах и станциях в предприятия быстрого обслуживания». И торговля попыталась начать выполнение этого распоряжения.

Но вскоре произошло одно событие. Рестораны решили передать в железнодорожное ведомство, чтобы на вокзале был один хозяин, не два. Разумно? Очевидно, хотя это мое предположение сугубо теоретическое, ведь оно не прошло проверку практикой. Так как вокзальные рестораны — в большинстве городов — как были, так пока и остались в ведении торгового ведомства. Я спросил министра путей сообщения Н. Конарева: что будет с железнодорожным общепитом? Министр ответил: «С первого января вся сеть железнодорожного общепита передается в МПС».

Первое января давно миновало.

Но долго еще начальником всех вокзальных ресторанов столицы оставался городской Главобщепит. Но у него было меньше прав. Теперь он — бедный родственник. Клиентов даже пригласить не имеет права. Разрешит кому дежурный по вокзалу зайти в ресторан, хорошо. А если строго спросит: «А ну покажи билет!»

На вокзалах мало экспресс-кафе, скорых буфетов, развозных тележек со всякой снедью. Зато разбухает переписка между представителями торговли и железных дорог. Трест вокзальных ресторанов Москвы пишет начальникам вокзалов. Те отвечают: «Надо согласовать». Или возражают: «Учитывая многочисленные пожелания пассажиров, считаю перепрофилирование ресторана нецелесообразным». И подпись: «Начальник станции Москва-пассажирская — Курская В. Шатаев». В связи с тем, что Казанский вокзал, а также зал ресторана являются памятниками архитектуры творения академика Щусева, Бенуа и Лансере, перепрофилирование ресторана в кафе не разрешается — это из письма заместителя начальника Московско-Рязанского отделения железной дороги А. Латышева. Но кто сказал, что общепитовцы покушаются на Лансере? На месте шумного и огромного ресторана они намеревались сделать чистое и удобное, быстрое кафе, не нарушая росписи, не сбивая лепнину! Получается, что железнодорожный министр и его заместители, видящие надобность в создании быстрых кафе, столовых, блинных, пельменных, не правы? Или не согласовали свое мнение с начальниками станций?

Беседую в Главобщепите Москвы, и мне говорят, что создание на вокзалах кафе, пирожковых, пельменных, чайных, пышечных могло бы дать ответ: где и как поесть пассажиру?

Поразительна привязанность к старым, не оправдавшим себя формам работы. Никакой аргументации. «Не считаю целесообразным», и все тут. Не консерватизм должен бы руководить начальниками станций, а целесообразность. Правда, в одном письме есть аргумент. Это ссылка на то, что «услугами ресторана, кроме транзитных пассажиров, пользуются москвичи и трудящиеся Московской области». Но как же им попасть в ресторан, если туда пускают только по билету? Да и кто сказал, что эти самые «москвичи и трудящиеся Московской области» откажутся выпить стакан чая и съесть омлет в кафе, а не в ресторане? И. Семенов в своем отклике опирался также на то, что якобы «ресторан постоянно обслуживает спецмероприятия по линии МГК и РК КПСС, МПС, Минторга СССР». Не знаю, что это за мероприятия, да и имели ли они место, как говорится.

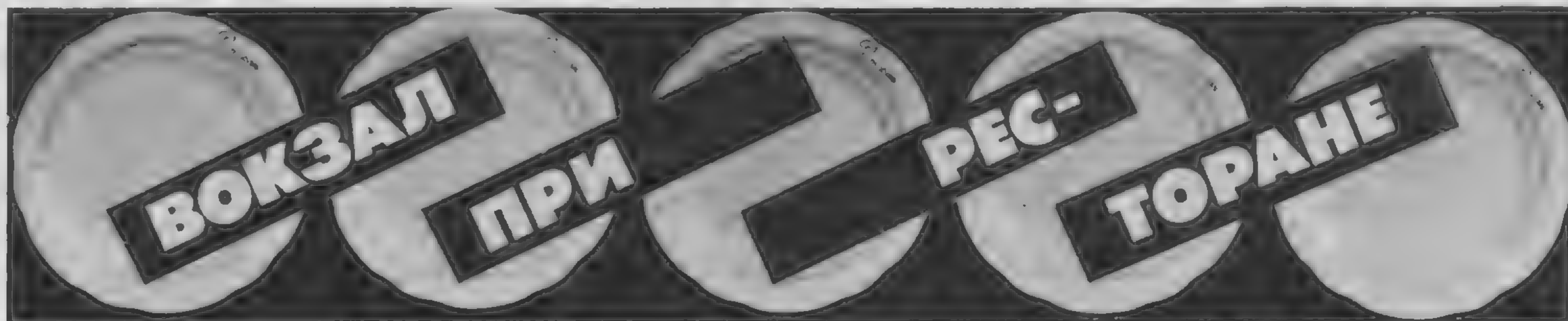
Но даже если МПС или Минторг проводят свои «спецмероприятия» в вокзальном ресторане, является ли это доводом против решения, принятого этими ведомствами?

Идет переписка. Общепитовцы винят железнодорожников, те готовы переложить ответственность на общественное питание. А что стоило бы одному из министров (или его заместителю) поднять телефонную трубку и позвонить другому министру (или его заместителю). А то и подъехать — на метро вся дорога от МПС до Минторга займет десять — пятнадцать минут. Надо их найти для того, чтобы решить вопрос, который был «решен» более года назад...

Предпринять, наконец, какие-то конкретные шаги придется. Напомню слова, сказанные в докладе на пятой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва: «...есть вопросы, целиком зависящие от МПС. Это прежде всего качество обслуживания пассажиров, которое вызывает многочисленные жалобы. Тут не нужны крупные дополнительные ресурсы. Работникам транспорта надо просто проявить элементарную заботу о человеке». А в постановлении ЦК КПСС сказано: «Перед министерствами путей сообщения и торговли СССР поставлена задача решительно улучшить организацию питания пассажиров».

Именно так — решительно! В духе времени.

...Почему бы одновременно с передачей ресторанов железнодорожному ведомству не заняться организацией на вокзалах и возле них экспресс-кафе, быстрых столовых, блинных, чайных, чебуречных, пирожковых?

Цветы погибшим друзьям.

крылья СЕВЕРНОГО ФЛОТА

**Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото автора**

Последние дни северного лета выдались погожими. Лазоревая синь неба, серо-стальное море, ярко-фиолетовые россыпи иван-чая и... золото орденов и медалей. На крутых улицах — группы ветеранов. Одни здесь не были лет сорок с лишним, другие чуть меньше. Эти места сейчас не узнать, но фронтовики-североморцы, перебывая друг друга, вспоминают, где был ангар, где капоныры, где землянки, в которых жили они, морские летчики.

А съехались ветераны в этот суровый край, чтобы отметить пятидесятилетний юбилей авиации Краснознаменного Северного флота.

— Я попал сюда в июле сорок первого, — вспоминает Герой Советского Союза Н. А. Бокий, — и сразу в эскадрилью Бориса Сафонова. Это, конечно, было большим счастьем: мы уже знали, что именно он открыл боевой счет летчиков Заполярья, уже 24 июня сбив фашистский «хейнкель».

— А мне повезло еще больше, — подхватывает полковник в отставке В. П. Максимович. — Всего одиннадцать месяцев воевал дважды Герой Советского Союза Борис Сафонов, за это время он сбил двадцать пять самолетов лично и четырнадцать в групповых боях, и все это время я был его ведомым! Никогда себе не прощу, что не был рядом в его последнем бою: в мае сорок второго я угодил в госпиталь, и командир улетел без меня. А его последнюю радиogramму буду помнить до конца своих дней: «Сбил двух. Подбил третьего... Мотор...» И все. Недавно удалось установить координаты того места, где упал в море самолет Сафонова. Отныне это координаты памяти героизма летчиков-североморцев.

— Но мы за командира отомстили! — продолжает Н. А. Бокий. — У гитлеровцев трехкратное превосходство в воздухе, огромный боевой опыт, а мы их, несмотря на это, били. Били иной раз на одной злости! За годы войны летчики-североморцы уничтожили 1045 самолетов противника и потопили более четырехсот кораблей. Ну, а мне выпала такая большая удача: я сбил одного из самых знаменитых асов Германии — Мюллера.

— Вы помните, как это было? — спросил я.

— Еще был. Во время боя я уви-

дел, что от Мюллера оторвался ведомый. Я тут же вывалился из облака и занял его место. Мюллер ничего не заметил и продолжал выписывать фигуры высшего пилотажа — это был его стиль, иначе он никогда не летал. Я старательно и предельно аккуратно повторял все за ним. Повторять-то повторял, но постепенно сближался, сближался... Фашист почувствовал опасность, лишь когда я открыл огонь. Он рванулся в сторону, но поздно: его самолет был поврежден. И все же Мюллер совершил посадку, правда, на нашей территории. Больше того, он пытался уйти к своим, но его быстро задержали. На допросах он держался самоуверенно, требовал, чтобы о нем сообщили в Берлин, и Гитлер, мол, обменяет его на пятьдесят советских летчиков. А потом скис и попросил показать аса, который одержал над ним победу. Долго он не мог поверить, что старший сержант в фуфайке и ватных брюках и есть тот самый ас!

— Да, истребители бились славно, — вступает в разговор Герой Советского Союза В. В. Пирогов. — Но нас, летчиков-торпедоносцев, больше всего покоряло то, что мы сражались под девизом: «Бережь торпедоносцы!» Никогда не забуду случай, когда шестерка истребителей, израсходовав боезапас, прикрыла нас от «мессеров» со-

бой. Это то же самое, что закрыть грудью амбразуру! Вся шестерка погибла, но мы сбросили торпеды точно и потопили несколько фашистских транспортов... Да, парни у нас были на подбор. Недаром пятьдесят три из них стали Героями Советского Союза.

— Но ведь в аллее Героев пятьдесят четыре бюста!

— Пятьдесят четвертый — Юрий Гагарин, — объясняет Н. А. Бокий, — он ведь тоже летчик-североморец и служил здесь после окончания училища.

— А я его знал, — вдруг говорит подполковник И. Д. Маслий. — И даже окончил то же, что и он, Оренбургское училище. Гагарин не раз приезжал к нам, когда я был курсантом. Он рассказывал о Севере так темпераментно и ярко, что я написал рапорт с просьбой направить именно в эти места. Здесь я уже давно, налетал более четырех тысяч часов, стал летчиком-снайпером и командиром эскадрильи.

А потом было торжественное открытие памятника летчикам, штурманам, стрелкам-радистам и борттехникам, погибшим в годы войны. Ни у одного из них нет могилы. Этот памятник тем, кто погиб в море. Восемьсот девяносто восемь имен высечено на каменной стене. А над ней устремился в свой вечный полет стрелительный «ястребок»...

Игорь Павлов преодолел планку на высоте 2 метра 34 сантиметра.

Близка победа советских спринтеров в эстафетном беге 4x100 метров.

Сергей и Василий Бубка завоевали золотую и серебряную медали в прыжках с шестом.

Сил не осталось.

См. стр. 4.

В первые два дня нас ждало немало огорчений. Зато финиш удался на славу. Итог борьбы: 11 золотых, 13 серебряных и 12 бронзовых медалей. Советские спортсмены оставили на втором месте команду ГДР, а на третьем — сборную Великобритании.

Идет дождь.

УСПЕХ БОЛЬШОГО БАЛЕТА

«Мы счастливы, что новое поколение наших зрителей убедилось, что Большой не легенда», — сказал мне генеральный директор «Ковент-Гардена» сэр Джон Тули. Для уточнения одно дополнение: легенде тридцать лет, а большинству тех, кто ее сегодня подтверждает, тридцати еще не исполнилось. Поэтому добавим, что старую легенду на новый лад подтвердило и новое поколение артистов.

Вместе со своими ученицами приехала в Лондон в августе 1986-го и Галина Сергеевна Уланова.

Английские критики гордятся, что именно после выступления Улановой в их стране слава ее стала всепланетной.

Британские критики считают себя и первыми, кто рассмотрел бесподобное дарование Натальи Бессмертной, когда она еще никому не известной дебютанткой танцевала в «Ко-

вент-Гардене». Теперь, удостоенная нынешней весной Ленинской премии, она приехала в Англию в третий или четвертый раз, но «Золотой век» с Натальей Бессмертной в главной роли для них был премьерой, и газетам пришлось еще раз признаться, что ничего подобного в своей жизни еще не видели.

Самые великолепные слова были написаны в рецензиях на гастроли Большого о Людмиле Семеняке, Татьяне Голиковой, Алле Михальченко, Марии Быловой, Нине Семизоровой, Нине Ананишвили; их великолепных партнерах Иреке Мухамедове, Юрии Васюченко, Борисе Акимове, Андрисе Лиеле, Михаиле Цивине, Алексее Фадеечеве, Алексее Лазареве и других артистах театра.

В гастрольной афише четыре спектакля — «Раймонда» Глазунова, «Иван Грозный» Про-

кофьева, «Спартак» Хачатуряна и «Золотой век» Шостаковича — в постановке Юрия Григоровича. «Спартак» уже шел ранее в Англии и в кругу зрителей почитается современной классикой. Теперь, судя по приему спектаклей, у «Спартак» появились равноценные конкуренты. В подтверждение привожу цитату из «Гардиан»: «Единственный, кто может превзойти Григоровича в постановке хореографии, — это сам Григорович».

Выступая недавно на открытии очередного сезона Большого театра, Юрий Григорович объявил, что к 70-летию Великого Октября поставит еще один балет на музыку Дмитрия Шостаковича, написанную в 20—30-е годы. Тема — революция, то, как входит она в судьбы людей и судьбы страны...

Ал. АВДЕЕНКО,
фото автора

Лондон — Москва.

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕНИНГРАД!

Ю. АВЕРБАХ,
международный
гроссмейстер

Сыграв 12 партий в Лондоне, участники матча вместе со своими секундантами и тренерами переехали в Ленинград. Здесь 3 сентября в уютном зале гостиницы «Ленинград» Каспаров и Карпов снова сели за шахматный стол, чтобы продолжить борьбу за высший шахматный титул.

Воспользовавшись паузой, обозреватели поспешили подвести итоги лондонской половины матча. По общему мнению, она оправдала ожидания любителей шахмат. Мы уже видели и тонкую позиционную борьбу, и глубокие маневры, но главное, что особенно привлекает и радует настоящих ценителей шахматного искусства, — в ряде партий развернулась грандиозная, полная комбинационных осложнений увлекательная тактическая борьба, в которой оба соперника проявили массу выдумки и изобретательности.

Рассмотрим, как протекали в Лондоне последние четыре партии.

Вы, конечно, помните богатую событиями бурную восьмую партию, в которой Каспаров успешно

провел атаку на короля, партию, которая завершилась драматическим финалом — Карпов просрочил время на обдумывание. Произошло это, правда, в безнадежной позиции.

После этого в матче наступил вполне естественный спад. Пропустив, говоря языком бокса, сильнейший удар, Карпов взял тайм-аут, чтобы прийти в себя, а следующую, девятую партию вел белыми предельно осторожно, с большим запасом прочности. Убедившись, что инициатива утеряна, он предпочел не рисковать, а предложил повторение ходов, на которое имевший перевес в счете Каспаров, естественно, согласился.

В спокойной маневренной борьбе протекала и десятая партия. В дебюте соперники продолжили теоретический спор, начатый ими еще в первом матче. Последнее слово в этом варианте было сказано Каспаровым в 23-й партии прошлого матча. Там он применил новинку, которая принесла ему очевидный позиционный перевес. Когда выяснилось, что Карпов все-таки пошел по этому пути, стало очевидным — он подготовил усиление специально для матча-реванша. Так и случилось. На 13-м ходу он сыграл иначе, чем в 23-й партии.

Однако, как нам кажется, легко-

го уравнения ему это не принесло. Фигуры Каспарова были расположены значительно активнее, чем у черных, а ферзь белых занял угрожающую позицию прямо перед черным королем.

В этот момент, почувствовав опасность, Карпов сыграл «по Петросяну». Тонко оценив позицию, он сам отошел на последний рубеж, перевел игру в худший, но защитимый эндшпиль, в котором его пассивный конь выполнял важную роль, защищая поля вторжения от неприятельского короля. Хотя партия была отложена, ее доигрывание не состоялось. Убедившись, что взять штурмом крепость, воздвигнутую соперником, невозможно, Каспаров предложил ничью.

Для матчей на первенство мира, где борьба ведется часто на пределе человеческих возможностей, вообще характерны приливы и отливы, подъемы и спады.

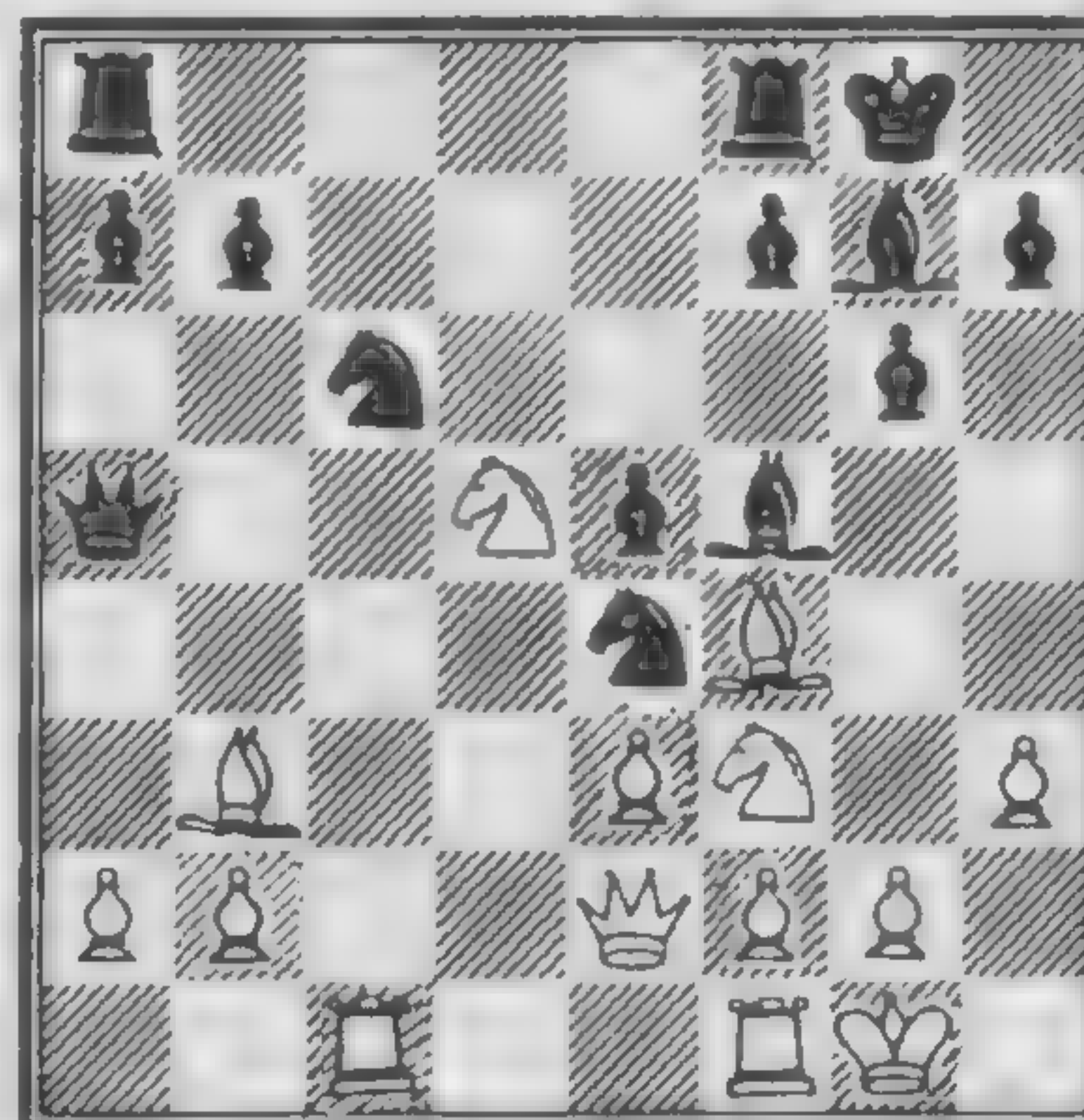
Это чем-то напоминает «рваный темп» нынешних футбольных баталий, когда острые атаки ворот сменяются маневрами в середине поля.

Вспомним неторопливо протекавшие первые три партии и полные все увеличивающегося накала борьбы последующие пять встреч, завершившиеся грандиозной по масштабам сражения и драматическому финалу восьмой партии.

И снова после лишенных острой тактической борьбы девятой и десятой партий в одиннадцатой грянул гром.

Это оказался поединок, в котором оба соперника в равной степени показали шахматное искусство самой высокой пробы. При чем зачинщиком комбинационных осложнений на этот раз оказался не Каспаров, а Карпов.

Расскажем об этой партии подробнее:

Позиция, которую вы видите на диаграмме, не раз встречалась на практике и хорошо известна в теории. Она, например, приводится в монографии «Защита Грюнфельда» М. Ботвинника и Я. Эстрина с

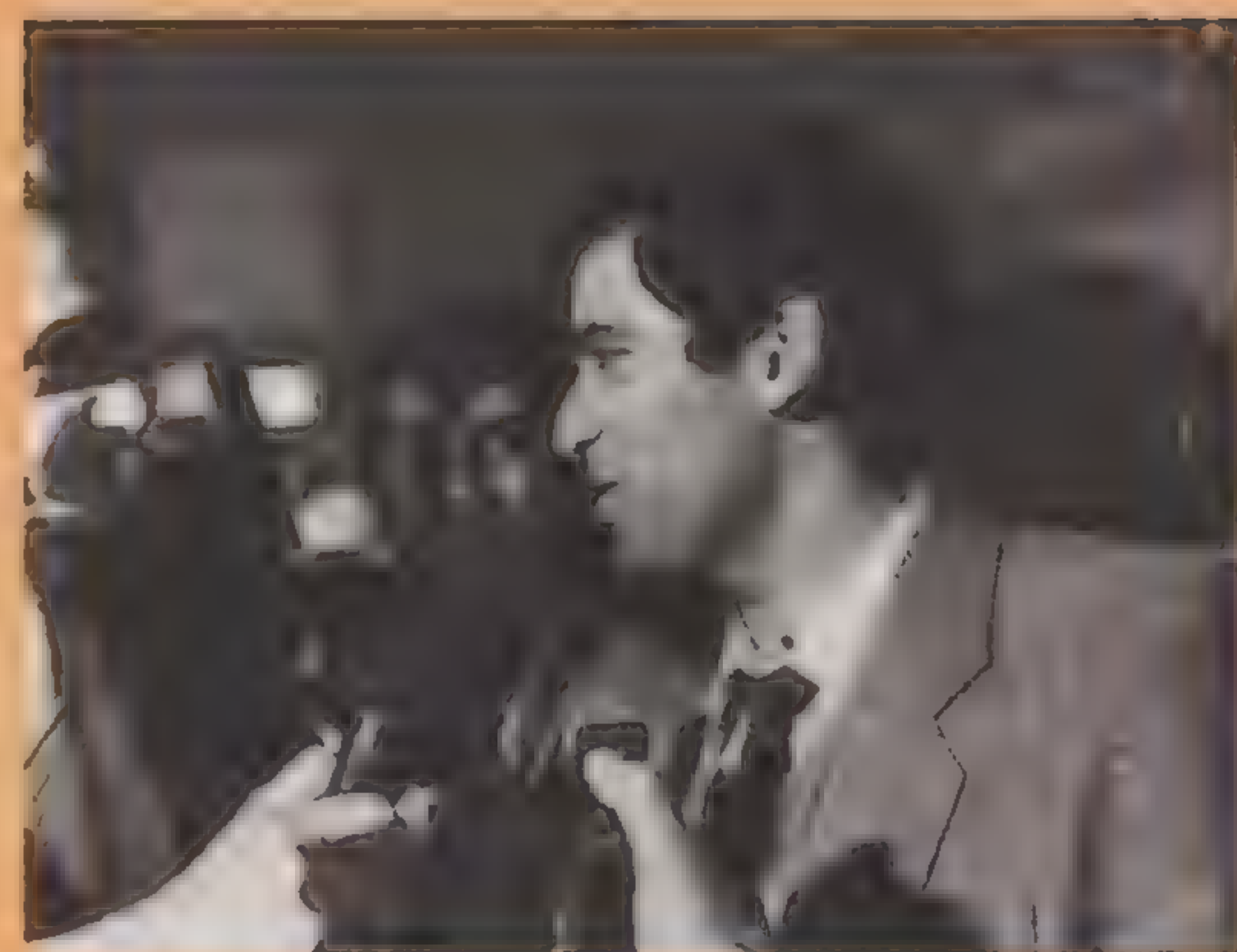
ШАХМАТНАЯ ЭСТАФЕТА

...В Ленинграде осень. Порывистый ветер гонит по влажному граниту набережных желтые листья. Туманный Лондон передал свою дождливую эстафету Ленинграду, и жаловаться на резкую перемену климата ни чемпиону, ни претенденту не приходится. Не приходится сетовать почитателям Каспарова и Карпова и на перемену турнирного климата: так же как и в Лондоне, их ждут интригующие сюжеты и неожиданные развязки.

Анатолий Карпов в ленинградском аэропорту.

Надо ли говорить, что Ленинград хорошо подготовился к проведению столь ответственного соревнования? Уютен, оснащен всем необходимым новый концертный зал гостиницы «Ленинград», где будет проходить встреча. Четко действует международная связь; информационная система «Марина», установленная в пресс-центре, знает многое о матче, о творчестве участников. В фойе развернута выставка редких книг, посвященная древней игре; уникальные, фарфоровые комплекты шахмат представили мастера всемирно известного завода имени М. В. Ломоносова. Одним словом, заботливо продумана каждая мелочь, и даже билеты, уверен, долго будут храниться их счастливыми обладателями, как сувениры. Правда, обладать этими билетами смогут сравнительно немногие: семьсот девяносто восемь мест в зале — это так немного, и организаторам матча пришлось поломать голову над тем, как справедливо распределить эти места. Решено право на приобретение билетов в первую очередь предоставить предприятиям, где активно действуют шахматные секции, бесплатные пропуски выделены лучшим юным шахматистам. На особом счету и гости из 20 развивающихся стран Азии, Африки и Южной Америки. Для них в рамках матча-реванша организован международный семинар, будут читаться лекции гроссмейстерами М. Таймановым, Ю. Авербахом, Э. Гуфельдом, Ю. Разуваевым.

Гарри Каспаров отвечает на вопросы репортеров.

Фото Ю. Щенникова

А те, кому не удастся попасть в заветные пределы гостиницы «Ленинград», смогут воспользоваться телефонной трансляцией, которая будет передавать каждый ход в залы городского шахматного клуба имени М. И. Чигорина, Дворца культуры имени А. М. Горького, Дворца пионеров имени А. А. Жданова.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собств. корреспондент «Огонька»

диагнозом — после 15. Ch2 Lfe8 шансы сторон равны.

Думал ли Карпов, что Каспаров черными в матче-реванше будет играть защиту Грюнфельда — дебют, который он раньше играл только белыми? На этот вопрос может ответить только сам Карпов. Если же не думал, то, значит, следующую новинку он нашел вместе со своими помощниками уже в Лондоне.

А он сыграл 15. Lf:c6!

Эта неожиданная жертва качества сразу же резко обостряет борьбу. Теперь от соперников требуются исключительная внимательность и точность решений. Ведь в подобных ситуациях малейшая, даже самая малая оплошность вполне может стать роковой.

15. ...ef! Каспаров, видимо, правильно отзывается от данайского дара. После 15. ...bc 16. Ke7+ Kph8 17. Ke5 белые полностью захватывали бы инициативу 16. Lc7 Ce6!

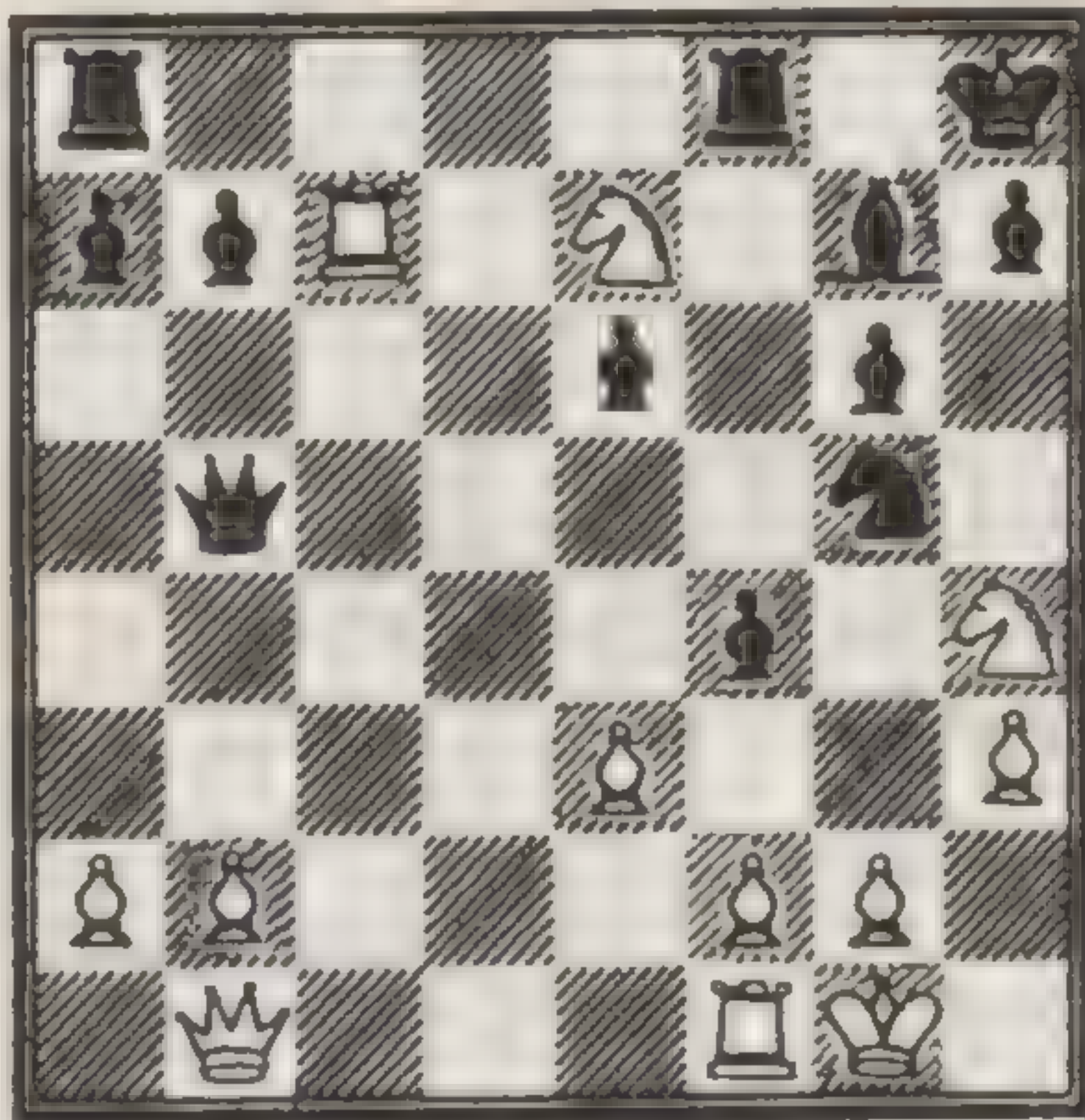
Свыше полчасика продумал Каспаров, прежде чем сделал этот ход слонем. Напад на коня, он стремится использовать неустойчивое положение белых фигур в центре. 17. Fe1! ...

Замечательно! Соперники как будто соревнуются друг с другом в изобретательности. После размена ферзей белые получают лучший эндшпиль, поэтому Каспаров вполне резонно избегает упрощения игры. 17. ...Fb5 18. Ke7+

На первый взгляд связано с большим риском. Блестящий конь забираться глубоко в лагерь соперника, откуда пути назад уже не будет. Однако, как вскоре выяснится, ход конем — важное звено в глубоком плане, задуманном белыми, — начать стремительную атаку на короля черных, в которой конь должен быть принесен в жертву, разрушающую пешечные бастионы вокруг монарха черных. 18. ...Kph8 19. Ce6 fe 20. Fb1!

Только теперь глубокий замысел белых становится понятен. Нападая на коня, которому все равно придется отступить, белые на самом деле берут на мушку дальнюю цель — поле g6, куда после

жертвы коня намерен «высадить» белый ферзь. 20. ...Kq5 21. Kh4!

Белые еще подливают масло в огонь! Теперь на g6 могут быть пожертвованы оба коня.

Как сообщил из Лондона гроссмейстер А. Суэтин, сыграв хладнокровно в этот момент 21. ...fe, Каспаров мог заставить соперника форсировать ничью вечным шахом путем 22. Kh:g6+ hq 23. K:g6+ Kqg8 24. Ke7+, так как опасно для белых 22. fe из-за 22... K:h3+! 23. qh Fq5+ 24. Kq2 Ce5 со смертельной угрозой 25... Fq3.

Однако чемпион мира принимает мужественное решение продолжать идти по тонкому льду тактической борьбы и, в свою очередь, жертвует коня. 21... K:h3+ 22. Kph2

Конечно, не 22. qh Fq5+, и белые вынуждены расстаться с конем h4, так как совсем плохо 23. Kq2 из-за 23... f3. 22... Fh5

Ферзь спешит на помощь своему королю. 23. Ke:g6! +

Итак, зарвавшийся конь принесен в жертву. Однако Таль рекомендовал здесь жертвовать другого коня — 23. Kh:g6+ hq 24. F:g6, чтобы на 24... F:e5 иметь ответ 25. Kph3 и на 25... F:c7 дать мат в два хода путем 26. Fh5+ А на попытку защититься путем 25... Lf6 был возможен красивый тихий ход 26. Lh1! с угрозой 27. Kqg4+.

Впрочем, я не поручусь, что в конце концов аналитики не найдут здесь самое лучшее продолжение за белых. Возникшая позиция

настолько сложна, что лишь многочасовой кропотливый анализ позволит выявить все ее нюансы. Что же говорить о соперниках, кто вынужден принимать решение прямо сразу, за доской, не передвигая фигур, распутывая в уме возникающие сложнейшие варианты и оглядываясь на тикающие шахматные часы. 23... hq 24. F:g6 Fe5!

В этом отскоке ферзя все дело. Нападая на ладью, черные выигрывают драгоценное время для защиты. 25. Lf7.

Выглядит сильно, но теперь черным не только удастся защититься, но и форсированно перевести игру в несколько лучший эндшпиль.

Заслуживало рассмотрения более сложное 25. L:g7 и, если 25... F:g7, то 26. Fh5+ Kqg8 (26... Fh7 27. Kq6+) 27. qh fe 28. Lq1 ef 29. L:g7+ Kp:g7 30. Fg6+ с вечным шахом. Однако белым пришлось бы здесь считаться с многочисленными разветвлениями вариантов, возникающими после промежуточного 25... fe+. Например: 26. f4 F:g7 27. Fh5+ Kqg8 28. qh F:b2+ 29. Kph1 Lf7 с неясной игрой. 25... L:f7 26. F:f7 Kq5!

Кажется, что после этого хода черные остаются без пешки, но они рассчитали дальше. 27. Kq6+ Kph7 28. Ke5 K:f7 29. K:f7 Kqg6 30. Kd6 fe.

Вот, оказывается, в чем дело! Из-за угрозы 31... Ce5+ с выигрыванием коня белые никак не могут сохранить лишнюю пешку. 31. Kc4 ef

Объективно говоря, этот ход упрощает задачу белых. Заслуживало внимания 31... b5 32. Ke3 C:b2, получая перевес в пешках на ферзевом фланге. Теперь же игра быстро сводится к ничейному концу. 32. L:f2 b5 33. Ke3 a5 34. Kqg3 a4 35. Lc2 Lf8 36. Kqg4 Cd4 37. Le2 Ce3 38. L:e3 Lf2

Черные даже выигрывают пешку, но это только приводит к теоретически ничейному ладейному эндшпилю. 39. b3 L:g2+ 40. Kpf3 La2 41. ba. Сопласились на ничью.

Яркий, захватывающий поединок, который обозреватели единодушно признали самым лучшим в первой половине матча-реванша.

А в 12-й партии соперники снова вернулись к осторожной тактике. Карпов черными принял оче-

редную новинку, но игру ему удалось уравнивать не сразу. Впрочем, и Каспаров на этот раз не стремился к обострению игры. Видимо, потребовавшая неимоверного напряжения предыдущая встреча отняла у соперников немало сил и творческой энергии.

Итак, после 12 партий счет матча стал 6½:5½ в пользу чемпиона мира.

И в заключение несколько слов о закончившейся половине матча. Оба участника находятся в прекрасной форме и демонстрируют великолепную игру. Весьма значительны также их теоретические достижения. Впрочем, это неудивительно: и чемпион мира, и экс-чемпион находятся на самом переднем крае дебютной теории, все время ищут новые, неизведанные пути.

Как мне показалось, на этот раз Карпов показывает более тщательную и продуманную подготовку, чем это было в прошлом матче, когда он уступал своему более молодому сопернику в дебютной стадии. Что же касается чемпиона мира, то дебютная подготовка всегда была одной из самых сильных его сторон. Вряд ли есть другой шахматист в мире, который по энциклопедичности дебютных познаний, по их широте и глубине может сравниться с Каспаровым.

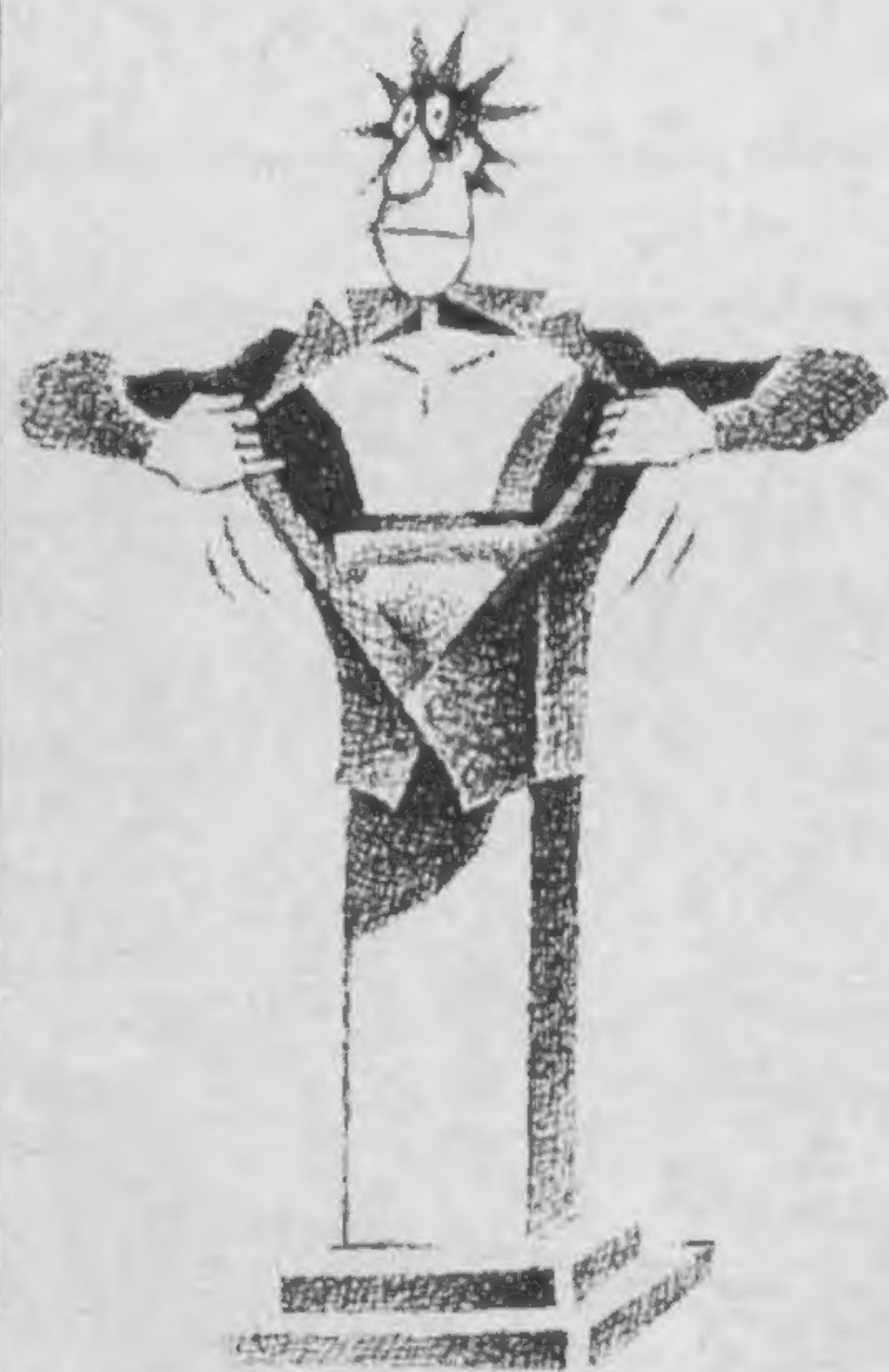
Итак, мы убедились, что соперники хорошо подготовились к соревнованию.

Однако главные события впереди, и я уверен, что у соперников есть немало дебютных сюрпризов. Убежден, что и в Ленинграде мы увидим борьбу самого высокого класса. И кто бы из наших корифеев шахмат ни победил в матче, победит шахматное искусство, в итоге спортивной борьбы будут созданы произведения, которые, несомненно, доставят наслаждение всем его ценителям.

КА- ЛЕЙ- ДО- СКОП

ИЗ ЖИЗНИ
ПИСАТЕЛЕЙ

Птиц
и писателей
рисовал
В. ХОМЯКОВ

Неторопливы м и шагами, изящно припадая на левую ногу, фрейлин Шнапс вошла в двери мрачного здания на углу Матильденбюстенштрассе. На голове фрейлин алел берет с помпоном. «С чего бы такой крамольный цвет?» — размышлял Штирлиц, напряженно развалившись в

Грубоватый Мюллер? Или Шелленберг? Нет, она слишком профессионал, чтобы работать на кого-то одного. Придется усилить наблюдение. Тем более, что Шарлотта Шнапс направляется к «Бабушке».

(Бабушка. Информация к размышлению).
Бабушка, она же Грета Аншлюс, она же знаменитая Альма Фатер. По одной из версий — бабушка легендарной Мата Хари. Тверда, скупа, страдает запорами. Блестяще владеет техникой плаща и кинжала. Слишком сложна, чтобы работать на кого-то одного.

пародии

АЛЬТЕРНАТИВА КРАСНОЙ ШАПОЧКИ

Ирина
КЕНГУРОВА

(ЮЛИАН СЕМЕНОВ)

кресле массажного кабинета. Опытный массажист неискренне разминал уставшие за семнадцать мгновений мышцы. Штирлиц лихорадочно отрабатывал все имеющиеся в памяти сказки, мифы, легенды. Ситуация накалялась. В этот день опять ничего не произошло.

(Информация к размышлению: Красная Шапочка).

Шарлотта Шнапс, она же так называемая «Красная Шапочка». Опытный агент. Группенфюрер СС. Характер зюйд-вест-нордический. Морально устойчива. Рост средний, образование такое же. В состоянии волнения слегка припадает на левую ногу. Шепелявит, заикается. Особых примет не имеет.

(Берлин, 29 марта, 00 часов 01 минута).

«Но на кого же она работает, эта Шарлотта?» — напряженно думал Штирлиц, выигрывая у Бормана партию в кегли. Партайгеноссе нервничал. Помимо партии в кегли, он проигрывал сеанс радиогри. А Штирлиц, автоматически сбивая кегли Бормана, продолжал размышлять: «На кого же она работает? Кто ее настоящий шеф?

Поэтому размышления на тему, чью «команду» она представляет, не имеют смысла.

(Берлин, 30 марта, 00 часов 03 минуты 55 секунд).

Штирлиц напрягся, раскинувшись в кресле ресторана «Сентименталь», и под музыку Таривердиева профессионально ел шницель по-венски. В этот час он, как обычно, ждал связного с паролем на слова Р. Рождественского. И вдруг шницель застыл у него на зубах: на контакт с «Бабушкой» вышел матерый Вулфи Грэй по кличке «Серый Волк».

(Серый Волк. Информация к размышлению).

Вулфи Грэй, он же Серый Волк. Настоящее имя — Пафнутий Камаринский. Внебрачный сын князя Егодяева. Личный консультант Даллеса по проблемам сбора развесистой клюквы. Блестяще владеет французско-нижегородским диалектом. Хобби — разведение уток на собственной ферме «Ведмедь» под Филадельфией и поставка их русскому ресторану «Эй, ухнем».

(Берлин, 1 апреля, 00 часов 00 минут).

Итак, три матерых хищника встретятся сегодня лицом к лицу. Кто же из них кого съест? Прогнозы, прогнозы... Но что это?! Все трое направились к кабачку «Ахтунг», где Штирлиц бдительно ел креветок по-гамбургски. Первой подошла к столу Красная Шапочка.

— Четыре сбоку, — сказала она, требовательно глядя на Штирлица.
— Ваших нет, — машинально ответил Штирлиц слова пароля.

И тут Красная Шапочка сбросила неискреннюю маску Шарлотты Шнапс и оказалась Варенькой Сказуемых из седьмого «Б».

Следующим подошел Серый Волк и мрачно спросил, указывая пальцем на креветки:

— Почем брали?

— Три двадцать, — откликнулся Штирлиц, и Серый Волк преобразился. Перед Штирлицем стоял Витя Стреляный с Покровки. Ошеломленный Штирлиц поднял глаза на Бабушку. И она не подкачала: сбросив мрачную маску Греты Аншлюс, она оказалась учительницей математики Анной Ильиничной.

— Дважды два? — спросила она ласково, но требовательно.

— Четыре! — отчеканил Штирлиц заветные слова, и сердце его забилось в ритме таблицы умножения.

— Молодец, Исаев! Ты всегда был способным, — ласково улыбнулась любимая учительница.

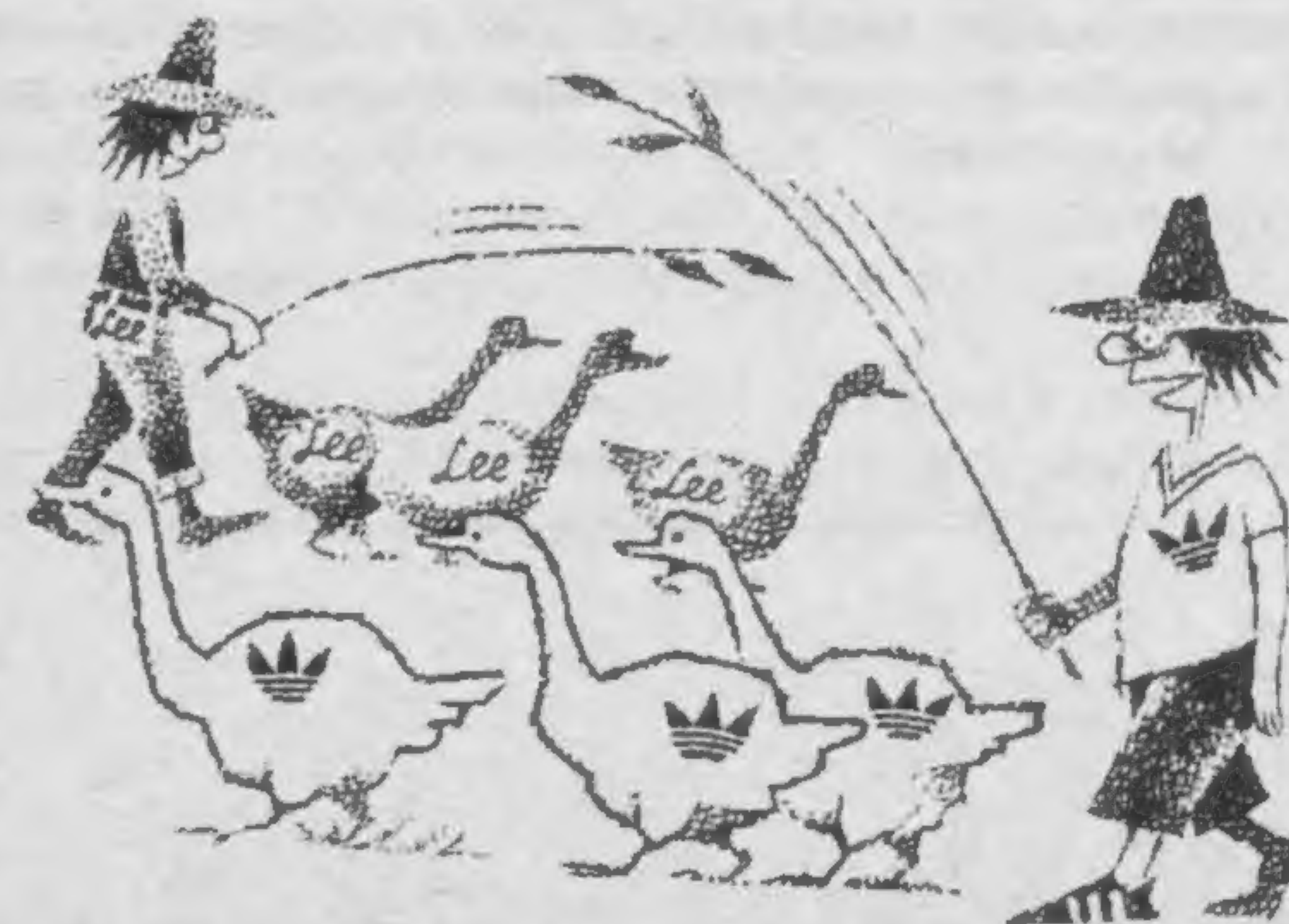
...Мысленно обнявшись, коллеги сели за стол. Оркестр заиграл «Подмосковные вечера», замаскированные под вальсы Штрауса. Дирижером был Боря Численник с Кропоткинской. Борьба продолжалась...

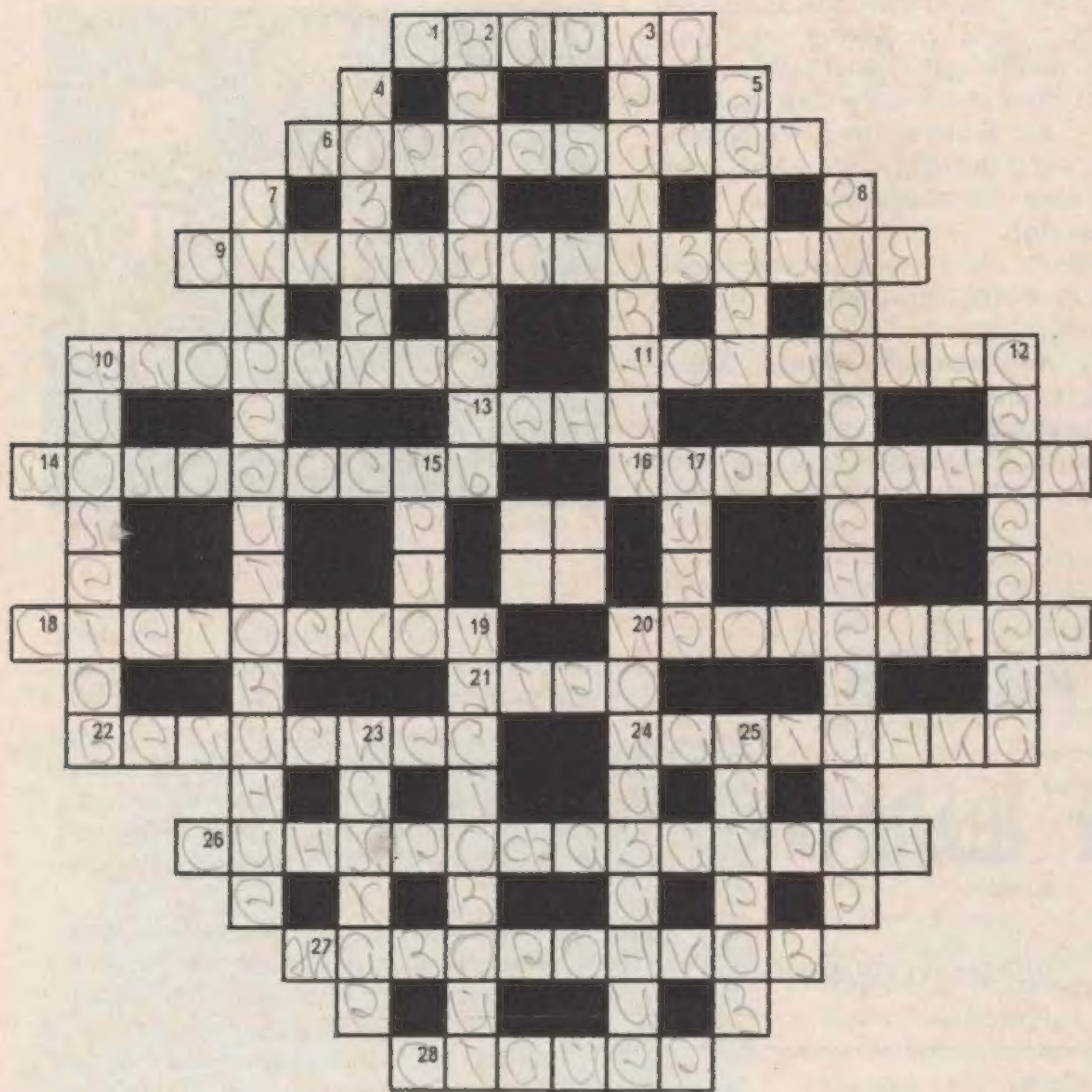
Фото А. Креймера

В Одессе все возможно...

ИЗ ЖИЗНИ ПТИЦ

кресворд

По горизонтали: 1. Процесс соединения деталей машин, конструкций. 6. Ансамбль, исполняющий массовые танцы. 9. Приспособление организмов к новым условиям существования. 10. Общественный деятель, участник движения Сопротивления в Греции. 11. Должностное лицо, оформляющее юридические акты, документы. 13. Пьеса М. Е. Салтыкова-Щедрина. 14. Юность. 16. Областной центр в Казахстане. 18. Трубка для выслушивания сердца, легких. 20. Воздушный винт. 21. Картина Б. М. Кустодиева. 22. Испанский живописец XVII века. 24. Рассказ А. П. Чехова. 26. Ускоритель протонов. 27. Химик, академик, Герой Социалистического Труда. 28. Спортсмен, бегун на длинные дистанции.

По вертикали: 2. Список, сводка. 3. Лесная птица. 4. Съедобный гриб, растущий в сосновых лесах. 5. Французский философ, математик, физик, физиолог XVII века. 7. Процедура назначения дипломатического представителя. 8. Машина, вращаемая водяной турбиной. 10. Один из бакинских комиссаров. 12. Приток Колымы. 15. Музыкальный ансамбль. 17. Река на Дальнем Востоке. 19. Селекционер, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 20. Свидетельство. 23. Советский узбекский писатель. 25. Советский драматург.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 5. Славянск. 7. Гиндукуш. 9. Фазан. 10. Штрек. 11. «Калистрат». 13. Кулон. 14. Ротан. 15. Сепаратор. 17. Аккордеон. 21. Шонин. 22. Конго. 24. Амфитеатр. 27. Строй. 28. Забой. 29. Радиатор. 30. Аэробика.

По вертикали: 1. Канада. 2. Куница. 3. Каракуль. 4. Скатерть. 5. «Старик». 6. Косилка. 7. Густера. 8. Шверин. 11. Константа. 12. Терренкур. 16. Анаконда. 18. Ординар. 19. Денежка. 20. Антрацит. 21. «Шахтер». 23. Орлова. 25. Мартос. 26. Тверца.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работница Унцукульской художественной фабрики Аминат Ибрагимова. (См. в номере материал «Орнамент тонкая нить».)

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Фото А. Маршани

Режиссер-постановщик Инесса Селезнева рассказывает:

СКОЛЬКО РАЗНЫХ СМЕЛОСТЕЙ НА СВЕТЕ

— Фильм на производственную тему — какая тут приманка для зрителя? Впрочем, это смотря какое производство... Если, например, на экране — профессия каскадера, сложнейшие трюки, если сама служба героя имеет остроприключенческий оттенок, тогда экзотика материала может привлечь к экрану, не так ли?

Однако картина «Путь к себе» начинается с производства куда более обычного. Там, конечно, нужны и смелость, и внимание к ситуации, и острота реакции, но в их повседневном, будничном обличье.

Молодой ученый Крылов

ТВ в сентябре

(Александр Галибин), попав в сложные нравственные обстоятельства, решает уйти с работы. Ему кажется, что в другом месте ему будет легче жить, не поступаясь совестью. Вот он и становится каскадером.

Выясняется, однако, что и здесь, помимо, так сказать, внешней, физической смелости, нужна смелость нравственная, гражданская — словом, та же, что и в обычной жизни.

Впрочем, не стоит заранее пересказывать ходов сюжета, где экзотический, приключенческий материал служит подтверждению некоторых важнейших нравственных аксиом.

В картине снимались Сергей Юрский, Олег Табаков, Наталья Данилова и другие артисты.

ИЗ ПОЧТЫ

ТЕЛЕ-

РУБРИКИ

Вы рекламируете передачу «12-й этаж». Лично я ненавижу эту передачу. Разве это молодежное воспитание? Здесь что-то непонятное. Зам. министра просвещения заставили отчитываться перед юнцами, которые всем недовольны и только требовали: давай нам сейчас, вот в эту минуту. Какие они сами, с этими прическами, а их приходят спрашивать журналисты, как они хотят жить... Они только учатся, и если мы их так будем воспитывать, к чему это приведет? Давай, Родина, строй нам дворцы, кафе, рестораны, денег побольше, а мы тебе — ничего?

Я своих внуков учить буду на подвигах советских людей, на примере тех, кто работает на БАМе, защищает Родину, живет ее интересами и заботами, и если ей трудно — переживает, делает так, чтобы было хорошо, радуется ее успехам и достижениям...

Вы извините меня, но я член КПСС с 1942 года, и я отвечаю за свои слова.

Г. КАРИМОВА

Ужгород.

Сердитое письмо!
А ваше мнение, читатель? Чему помогает, кому мешает передача «12-й этаж»?

Фауст — единственный герой мировой литературы, к которому молодость пришла после старости. Согласитесь, воплотить это на экране непросто...

В кадре из видеофильма Михаила Козакова — Ольга Сирина (Маргарита) и Кирилл Козаков (Фауст).

После премьеры мы подробно расскажем об этой значительной работе режиссера.

ДЛЯ КАЖДОГО ИЗ НАС

Как узнать, хороша ли ваша квартира в Саратове — ну хоть по сравнению с той, в которую въехали сегодня новоселы во Львове? Можно, правда, отправиться туда и поглядеть, но увидеть их сразу обе... Тоже можно, если за дело берется телевидение, устроив тележест передачи «Для всех и для каждого».

Сразу скажем, что во Львове к качеству квартир относятся внимательнее, чем в Саратове. И сразу встает такой простой и такой сложный вопрос — почему?

Телевидение может усадить за общий стол людей со всех этажей социального здания: представителей министерств и ведомств, отвечающих за жилищное строительство, — раз; бригадиров и рабочих — два; жильцов — три, и даже пригласить кога, которого по традиции нужно пустить в новый дом...

А когда мы разберемся в сложном сплетении объективных и субъективных причин, мы увидим, что не последнее место среди них занимает совесть.

Кто это так похож на плюшевого мишку!

Родились в Лейпциге.

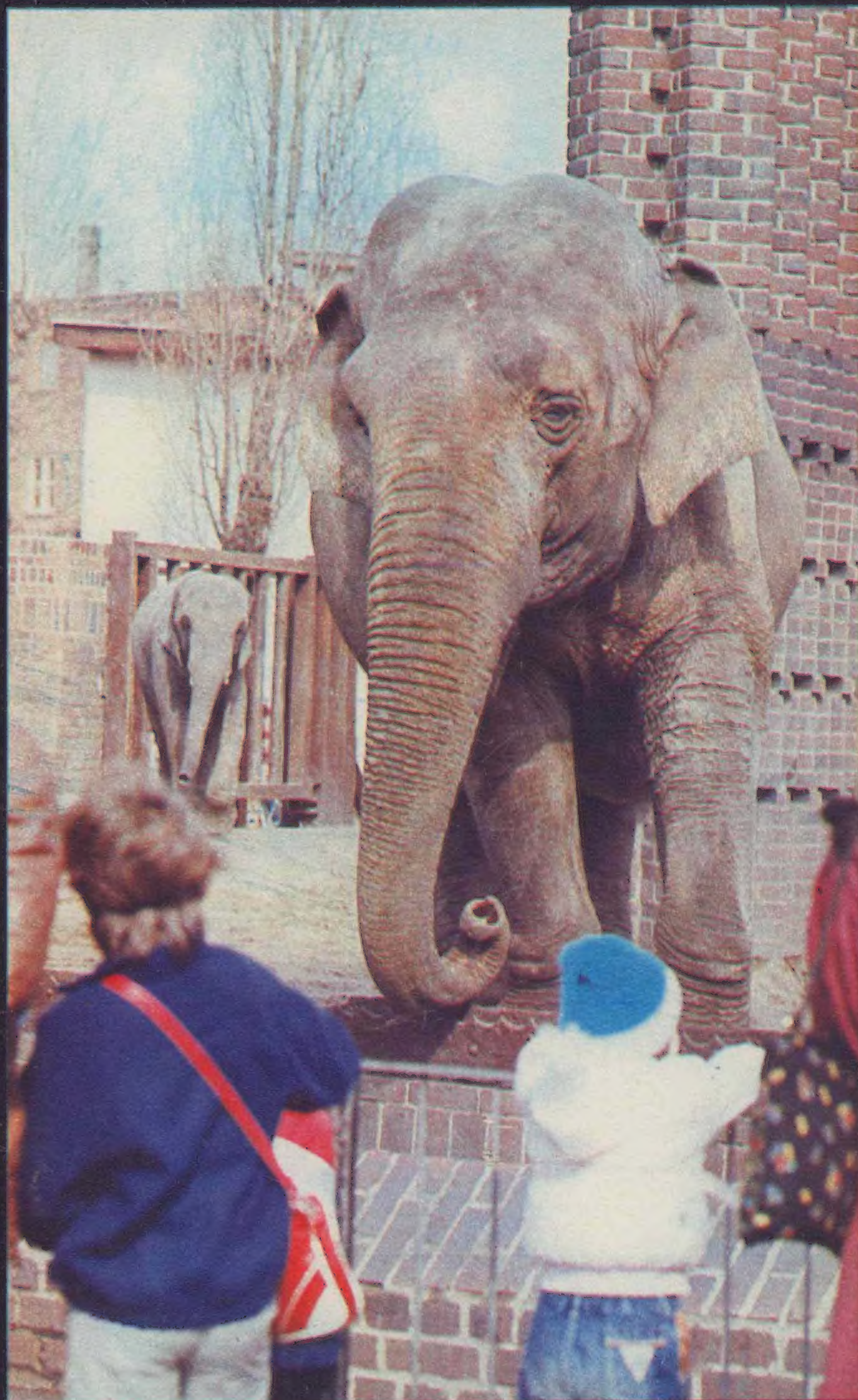

Зоопарк в Лейпциге известен во всем мире. Особенно прославился он разведением львов, а в последние десятилетия — амурских тигров. Львов тут появилось на свет больше двух тысяч, причем многих затем экспортировали даже в Африку!

Как известно, нынешний год считается годом тигра. И в Лейпциге состоится своеобразное чествование этого зверя. Ученые-зоологи выступят с лекциями о тигре, о проблемах его охраны, будут демонстрироваться фильмы о самой большой на планете кошке.

Семейные заботы.

«Здравствуй, слон!»

По Лейпцигскому зоопарку гулял с фотоаппаратом корреспондент «Огонька» Юрий ЛУШИН.

Грациозные фламинго.

